

*Рязанская
старина*

№ 1

2002

ЭПИцентр
Интеграл-Информ

Москва

2003

Содержание

Предисловие <i>А. Космынина</i>	3
От редактора	
<i>Никитин А.О.</i> Несвоевременные мысли	5
Статьи и заметки	
<i>Азовцев А.В.</i> Личные имена Рязанского уезда конца XVI в. (По материалам писцовых книг)	14
<i>Гамаюнов А.И.</i> Лебедянь. Близость начала	49
<i>Беляков А.В.</i> Царь Араслан Алеевич и посад Касимова в начале XVII в.	56
<i>Крючков В.В.</i> Дворянское хозяйство Рязанского края во второй половине XVIII в.	65
<i>Филиппов Д.Ю.</i> Купеческое сообщество города Касимова конца XVIII — начала XX в.	95
<i>Кусова И.Г.</i> Торговая деятельность рязанского купечества в конце XIX — начале XX в.	122
<i>Никитин А.О.</i> Ф.А. Малявин и основание Рязанского художественного училища	137
<i>Трибунский П.А.</i> Общество исследователей Рязанского края и С.А. Есенин	190
Критика и библиография	
<i>Трибунский П.А.</i> Один год: публикации о С.А. Есенине в рязанских периодических и продолжающихся изданиях с 30 декабря 1925 г. по 31 декабря 1926 г.	200
Приложение	
Указатель материалов “Рязанской старины” (1998—2001 гг.)	208
Список сокращений	220
О «ЯБЛОКЕ»	221

ISBN 5-89069-070-1

© ЭПИцентр, 2003
© «Интеграл-Информ», 2003
Распространяется бесплатно

ЭПИцентр

Интеграл-Информ

Предисловие

История — наука, которая обречена выходить за рамки своих дисциплинарных задач, поскольку является важным фактором самоосознания общества. Общество видит себя и прогнозирует свое будущее, опираясь на историческую память, которая может быть глубокой, а может и насквозь мифологичной, может культивироваться, а может и подменяться, подвергаясь целенаправленному пропагандистскому воздействию.

Увы, объектом такой подмены особенно часто становилась региональная история, которая подменялась поверхностными “исследованиями” на дилетантском уровне. Эта поверхностность и трафаретность методов работы не позволяли освоить богатства местных архивов, что наносило урон “большой исторической науке”, не получавшей должной подпитки своей источниковой базы.

Дело, конечно не только в науке. Гораздо большее влияние такой подход к региональной истории оказал на общество. Человек провинции оказывается вынужденным жить сегодняшним днем, поскольку прошлого, выходящего за рамки его личного опыта, для него либо не существует, либо оно представляется малозначительным, при надобности заменяясь тем или иным мифом.

Сегодня самые худшие черты дилетантского подхода к изучению местной истории — мифотворчество, погоня за псевдодревностями, подмена настоящего исторического исследования попытками обосновать заранее непоколебимый тезис о том, что именно твоя земля, твой род, твой народ самые древние, расползаются вширь и вглубь.

Но ведь российская провинция — это и есть Россия. Развитие российской провинции, не только экономическое, но и духовное, интеллектуальное, общественное сможет обеспечить нашей стране столь необходимый ей прорыв в современную цивилизацию, не теряя при этом ни национального, ни культурного своеобразия.

Российская демократическая партия “ЯБЛОКО” всегда стремилась сохранять отечественные традиции и бережно

использовать исторический опыт сегодня. Мы убеждены, что работы рязанских историков, вошедшие в этот сборник, важны и актуальны не только с точки зрения исторической науки, но и для решения проблем, стоящих перед нашей страной в XXI веке.

Это удачный пример того, какие результаты способно дать соединение глубокой проработки архивных материалов с их по-настоящему научным осмыслением.

Авторов объединяет не только внимание к различным аспектам региональной истории, но и подход к их освещению, который позволяет говорить о складывании в Рязани подлинно научной исторической школы, высокопрофессионально занимающейся региональной проблематикой и восстанавливающей единую ткань истории нашей страны во всей ее глубине.

А. Космынин

От редактора

Альманах “Рязанская старина” продолжает 29 выпусков одноименной полосы, увидевших свет на страницах “Рязанских ведомостей” и “Вечерней Рязани” в 1998—2001 гг.

Отдадим дань предшественникам. В 1912 г. на страницах газеты “Рязанская жизнь” появилась рубрика “Рязанская старина”. Ее основу составили краткие пересказы работ краеведов. Рубрика просуществовала несколько месяцев. В 20-х гг. в “Рабочем кличе” периодически публиковались научно-популярные статьи и хроникальные заметки под общей шапкой “Рязанская старина”.

Наш проект “Рязанская старина” начал свой отсчет с сентября 1998 г. Его участники поставили своей целью исследование реальной рязанской истории и донесение результатов изысканий до самых широких читательских кругов. Публикации (всего их набралось более 130) охватили приблизительно одиннадцать веков рязанской истории — от древних славян до наших дней. Помимо чисто исторических сюжетов, знакомящих читателя с вновь выявленными фактами и деталями событий минувшего, “Рязанская старина” использовала арсенал таких дисциплин, как археография, археология, палеография, библиография, ономастика, генеалогия, нумизматика, историческая география, музееведение, история науки. Можно выделить несколько приоритетных тем, наиболее обстоятельно разрабатывавшихся авторами, — история рязанского краеведения, декабристы и наш край, политическая история начала XX в., рязанское дворянство, купеческое сословие, Рязань и уездные города. Выделим и такое направление, как борьба с апокрифами и мифотворчеством в краеведении.

Мы благодарны редакциям обеих газет, предоставивших нам возможность публиковать свои материалы. Для наших читателей действует электронная версия “Рязанской старины” (www.rstarina.chat.ru), содержащая все выпуски полосы, а также сведения об авторах. Интернет-страница появилась благодаря любезному и бескорыстному содействию С.В. Харитонова.

П.А. Трибунский

А.О. Никитин

Несвоевременные мысли

1. “Рязанская энциклопедия” как зеркало рязанского краеведения

Внутренняя ситуация в сегодняшнем рязанском краеведении, сфере общественной деятельности, обладающей рядом специфических черт, еще ни разу не подвергалась серьезному анализу. Не претендуя на непререкаемость выводов и — даже напротив — оставляя за собой право на субъективность, — мы попытаемся сформулировать свое видение этого процесса, что вызывается, в частности, и необходимостью обозначить место, занимаемое в нем журналом, который читатель держит в руках, и стоящие перед ним задачи.

Представляется, что определяющим моментом для характеристики переживаемого рязанским краеведением этапа является выход в свет уже двух изданий “Рязанской энциклопедии” (в дальнейшем: “РЭ”), трактуемый, как правило, в панегирических тонах¹. Собственно, возможностей для обнародования иной точки зрения было не так уж и много. На каких же основаниях “РЭ” выводится из зоны критики?

Читатель, исходящий из того, что энциклопедия должна быть экстрактом, квинтэссенцией, итогом освоения огромного, в первую очередь документального, материала, листая внушительные тома, преисполняется все большим удивлением, обнаруживая, например, существенные расхождения между первым и вторым изданиями, отчего первое выглядит как грубый черновик, с изданием которого, мягко говоря, поспешили. Вспоминаются прозвучавшие в одном интервью слова, что если энциклопедия требует через несколько лет 50% исправлений, то это не энциклопедия, а что-то вроде журнала. Но и второе издание “РЭ”, увеличившееся в объеме в 2 раза, производит странное впечатление, напоминая случайный (не считая алфавитного порядка) набор статей, совершенно разных

по качеству и уровню осмысления материала, пестрящий пробелами, очевидными ошибками и явным дефицитом вкуса у составителей, проявляющимся и в работе с текстом, и в оформлении — от подбора иллюстраций до шрифта.

Продвижение вперед в освоении источников по сравнению с первым изданием чувствуется, но все же не в такой степени, какой требует энциклопедический уровень. В лучшем случае авторы “РЭ” довольствуются самым верхним, фактографическим слоем, но и им владеют слабо. Энциклопедия — ворота в область определенного знания. За каждой статьей должно угадываться пространство, исхоженное автором вдоль и поперек. Между тем создается впечатление, что все познания авторов о предмете сводятся к тем нескольким строкам, которые вошли в “РЭ”. Так, из статьи о С.Д. Ржевском² мы узнаем, что это землевладелец-экспериментатор (?), в саду которого росло более 100 видов хвойных растений. Даты жизни Ржевского автору (В.И. Полянчеву) неизвестны, как, впрочем, и все остальное, например то, что С.Д. Ржевский был рязанским губернатором в 1904—1905 гг. и прежде всего поэтому должен был фигурировать в “РЭ”.

Приводить примеры, столь же анекдотичные, можно долго. Но, может быть, проект “РЭ” (независимо от субъективных намерений большинства авторов) решает не столько научные, сколько иные, не прокламируемые задачи? Например, утвердить новую парадигму рязанского краеведения. В этом случае “РЭ” выступает не как конкретный издательский проект, а как глобалистская и централизаторская идея, предполагающая, что все прошлое и настоящее Рязанского края является сферой эксклюзивных интересов “РЭ”. Следовательно, любая историческая работа, ведущаяся в этом направлении, подлежит ассимиляции “Рязанской энциклопедией”. Неизбежным элементом оказывается и формирование иерархии, верхнюю ступень которой занимают редакторы “Рязанской энциклопедии”. Степень компетентности при этом значения не имеет, ибо роль их сводится всего лишь к перераспределению информации.

На практике это означает, что и качество “РЭ” не имеет особенного значения. Чем хуже первое издание, тем больше оснований для появления следующего, исправленного, за ним еще одного — дополненного и так далее. Создается иллюзия огромной, непрекращающейся работы, которую

ведет редакция “РЭ”, доказывающая тем самым свою незаменимость. Рядовой же исследователь вдруг обнаруживает, что результаты его трудов ему уже не принадлежат: они автоматически становятся достоянием “РЭ” — ведь та постоянно нуждается в “исправлениях” и “дополнениях”. Обнародование им своего материала влечет его использование “РЭ” либо с согласия автора, либо без него (и уже без его подписи). А уж как его использовать — на то воля редакции. С монополистом не поспоришь. К тому же материалы “РЭ” можно тасовать то так, то этак — и вот появляются всевозможные учебники, справочники, словари и т.д. В итоге чудо-посевы “РЭ” позволяют ее редакторам снимать урожай за урожаем с перспективой на весь остаток жизни.

Вопрос: не смахивает ли это на фактическую приватизацию группой лиц (редакторов “РЭ”) целой области знания — о прошлом Рязанского края и в каком-то смысле самого этого прошлого — оставим открытым. Рецепт, как присвоить то, что, в принципе, никому принадлежать не может, дал еще Делец из “Маленького принца”:

— Звезды чьи?

— Ничьи.

— Нет, мои, раз я первый об этом подумал”.

С точки зрения экспансиониста, главное — запатентовать идею (которая, кстати, может оказаться и украденной). В действительности, чем идея масштабнее, тем труднее ей соответствовать. Земельными участками на Луне торгуют, как известно, отнюдь не космонавты, а ловкие бизнесмены. Но до Луны надо еще долететь. Кто же возьмется судить победителей, если тома “РЭ” действительно представляют собой некое научное свершение. Но если “энциклопедия” плоха, эклектична, местами безграмотна, поражает дилетантизмом и просто дурным вкусом своих составителей, то почему об этом следует молчать? Только потому, что неизбежно задеваешь и добросовестный труд многих рядовых авторов “РЭ”? Но он мог найти гораздо более эффективное применение, не будь “РЭ” наспех слепленной конъюнктурной компиляцией.

Не совсем понятно, впрочем, откуда у авторов “РЭ” эта безропотная готовность играть по чужим правилам? Неужто те времена, когда персонажи книг “Гордость земли Рязанской” утверждались в обкоме КПСС, вызывают у краеведов столь сильную ностальгию, что и сегодня им не ка-

жется удивительным, что первый секретарь обкома КПРФ, человек в краеведении, мягко говоря, посторонний, является главным редактором “Рязанской энциклопедии”? Грех упрекать В.Н.Федоткина, что он сел не в свои сани, — главный редактор “РЭ” представляет политическую силу (и субкультуру), воспринимающую себя носителем истины никогда не сомневавшейся в своем праве на обладание прошлым, настоящим и будущим. Что, мягко говоря, не самая подходящая основа для объективности историка. Восстанавливать правду о нашем прошлом и ораторствовать на митингах под портретами Сталина — такое совмещение попахивает пресловутым плюрализмом в одной голове...

Беда Рязани — отсутствие среды, способной применять и отстаивать критерии исторической науки, своего рода, “гамбургский счет”. Иначе разве не получили бы должной оценки столь одиозные явления, как издания А.И. Цепкова или анекдотические “расшифровки” рязанских топонимов А.В. Бабуриным? В каком уважающем себя научном сообществе Цепков, не умея отличить служилого человека от посадского³, мог бы поучать А.А. Зимины⁴, “пришивать” к текстам летописей каталоги своей домашней библиотеки и при этом удаиваться эпитета “крупнейшего и авторитетнейшего знатока рязанской истории”⁵? Разве кто-нибудь поднял голос против откровенного злоупотребления плохо понятыми историческими реалиями, выливающимися в маскарады “рязанского казачества”, в присуждения графских титулов, во взятые с потолка “юбилеи” райцентров?

Мнение, что историческая наука есть дисциплина общедоступная, увы, ошибочно. Общество, в зависимости от степени своего развития, либо не способно усваивать научную мысль, либо трансформирует ее в категории обыденного знания. Возможно, мы излишне строги к “РЭ”, критикуя ее с позиций научного знания, тогда как она на самом деле отражает уровень обыденных представлений, не способных продвинуться дальше эмпирически-описательного подхода. Особенность краеведения вообще в том, что оно плотно укоренено в эмпирии, отсюда — двойственная природа этой дисциплины, существующей и как часть исторической науки, и как сфера исследовательской деятельности, способная обходиться и без научной методологии. “Эмпирическим исследованиям, когда они независимы от теории, свойственна тенденция заниматься три-

виальными проблемами. Основываясь на предположениях здравого смысла и популярных представлениях, они дают результаты, которые не имеют отношения к научным исследованиям” (*Шибутани Т.* Социальная психология. — М., 1969. — С.502—503). Название “энциклопедия” может быть и “игрой в науку”, с самой наукой ничего общего не имеющей. Однако любая игра, особенно когда она ведется всерьез, чревата подменой понятий.

Был в Китае всем известный период, когда каждая крестьянская семья занималась металлургией у себя во дворе. Очевидно, дело не в количестве, а в качестве. Не оставляет ощущение, что являешься свидетелем “великого скачка” в рязанском краеведении — избыточного по выпуску продукции и плачевного по результатам. Краеведение нынче в Рязани насаждают, как в XVIII в. сажали картошку. И с тем же результатом, ибо и насаждающие, и те, кто вынужден выращивать оное, толком не знают, что годится в пищу — вершки или корешки? Учителя пребывают в святой уверенности, что “рязанские ученые” все открыли, описали и издали, поэтому можно требовать от несчастных учащихся рефераты на любые темы: иди в библиотеку и ищи!

Нужно ли историческое знание поколению, которому на каждом шагу внушают: живи настоящим? Не факт, что даже самые хорошие учебники способны внушить сегодняшним школьникам почтение к предкам и осознание своего места в череде поколений. Но тем непозволительнее подсовывать им в качестве учебников по краеведению откровенную халтуру. И когда в тех же самых школах в художественную самодеятельность активно внедряют ничего общего не имеющий с народной культурой нашего края казачий фольклор (под маркой “возрождения рязанского казачества”) — это явление того же порядка; вполне борхесовский пример, как мир становится Тленом, реальность уступает место агрессивному насаждаемому мифу.

Разумеется, нельзя воспретить людям (или тем, кто ими управляет) желать видеть землю плоской, покоящейся на трех китах, и даже устраивать экскурсии к ее краю, чтобы любоваться фонтанами, упомянутыми китами выпускаемыми. Что не отменяет существования объективной реальности, познание которой как научной задачи не исчерпает себя никогда. Научная истина, востребована она или нет, существует, вопреки всем китам, и обязанность ученого — служить ей.

2. “Рязанская старина” как кирпичик рязанского краеведения

В одном фантастическом рассказе, действие которого происходит в условном, пародирующем стиль голливудской бутафории будущем, есть профессия верхотурщика — специалиста, который, если, например, фирме нужно выстроить здание обувного магазина в форме ботинка, завязывает над крышей шнурки, а если строят коктейль-холл, втыкает в крышу соломинку и т.п.

Избегая аналогий с конкретными лицами, отметим, что быть верхотурщиком — не очень почтенное занятие. Куда достойнее обжигать кирпичи, из которых будет сложен фундамент (пока только фундамент), на котором — может быть! — когда-нибудь вырастут крепкие, прочные стены здания, меньше всего напоминающего по форме ботинок.

В исторической науке кирпичики — это источниковая база, пополнение которой в основном тоже лежит в границах научной эмпирии, но, по крайней мере, эта эмпирия действительно научна. Черновая работа для историка — самый ответственный этап.

“История — честная наука”, — обронил недавно Сигурд Оттович Шмидт. Эта простая максима содержит в себе императив как этического, так и профессионального свойства. Историк не может играть в поддавки — ни с самим собой, ни с истиной. Любой историк со своими трудами сам неизбежно станет частью истории, объектом ее — извините за высокопарность — суда, и, как говорил герой Евгения Шварца, здесь уже не помогут никакие связи. Никакие титулы не помогут превратить бездарную компиляцию в памятник исторической мысли, а ловкого пройдоху — в ученого. Парадоксально, но единственный способ быть честным состоит для историка в непрерывном усложнении избранной задачи. Время разбрасывать камни может и не наступить, но вряд ли отпадет необходимость складывать кирпичики.

Чем, собственно, и занималась “Рязанская старина” в газетном варианте и что, более основательно, намерена продолжить в журнальном. Для большинства ее авторов архивное исследование не является только решением конкретных задач — она стала образом жизни. Регулярное общение с до-

кументами вырабатывает особый пиетет перед источником, понимание его многообразной ценности и латентного богатства возможностей. Встреча с документом для историка — не только профессиональная обязанность, не только глубоко волнующий момент прикосновения к прошлому, но и бремя долга, ложащееся на твои плечи как плата за радость открытия. Документ десятки лет ждет встречи с исследователем, затем могут последовать еще долгие годы забвения, если исследователь в силу дилетантизма, лени или небрежности не сможет обеспечить источнику новую жизнь.

Введение источника в научный оборот должно быть оптимальным; каждый источник тяготеет к своей форме публикации, но последняя в любом случае должна быть безукоризненной, что подразумевает, в частности, наличие достойного контекста. Почти три десятка выпусков газетного варианта “Рязанской старины” запомнились не только тем, что почти все публикации вводили в оборот новый документальный материал, но и тем, что, соседствуя друг с другом, они, будучи даже тематически далекими, сообщали друг другу качество взаимодополняемости.

Из этого убеждения и рождается журнал, который авторы хотели бы делать на совесть, как те самые кирпичики. Рано или поздно он должен был появиться на свет — как выполнение нашего долга перед *документом* и как форма честного служения своему ремеслу.

Примечания

¹Безуголова В.В. Рязанская энциклопедия // Рязанский ежегодник'96. [Рязань, 1997]. С. 59—60.

²Полянчев В.И. С.Д. Ржевский // Рязанская энциклопедия /Гл. ред. В.Н.Федоткин. [2-е изд., испр. и доп.]. Рязань, 2000. Т.2. С. 259.

³Цепков А.И. Рязанские землевладельцы XIV—XVI вв. Рязань, 1995. С.135.

⁴Там же. С. 5—6.

⁵Связь времен // Рязанский ежегодник'96. [Рязань, 1997]. С. 57.

Статьи и заметки

А.В. Азовцев

Личные имена Рязанского уезда конца XVI в.

(по материалам писцовых книг)

Классической работой по исторической антропони-
мике, образцом восприятия этой ономастической дисциплины
историком является статья В. Б. Кобринина “Генеалогия и
антропонимика”¹. Среди прочего, она содержит статисти-
ческое исследование русских имен, встречающихся в двух
документах середины XVI в. — Тысячной книге 1550 г. и
Дворовой тетради 1550-х гг. Как указывает автор, “здесь
представлены лишь предварительные подсчеты, в дальнеш-
ем стоит исследовать с этой точки зрения также разряд-
ные книги, акты, родословцы, писцовые книги”². В развитие
исследования В.Б. Кобринина предметом изучения в настоящей
статье стали личные имена, встречающиеся в материалах, вос-
ходящих к описанию Рязанского уезда 1590-х гг., произве-
денному писцами Т.Г. Вельяминовым и В. И. Волинским
(последним — совместно с И.А. Нашокиным)³. Получен-
ные данные по Рязанскому уезду конца XVI в. при сравне-
нии с общерусскими материалами середины века, по мне-
нию автора, способны как продемонстрировать особенности
регионального антропонимикона, так и в какой-то степени
обозначить динамику развития такового по всей России во
второй половине века.

Подсчеты производились параллельно по семи позици-
ям: 1) календарные мужские имена землевладельцев (в даль-
нейшем для этой группы населения будет использоваться тер-
мин “дворяне”); 2) некалендарные мужские дворянские име-
на; 3) календарные дворянские отчества; 4) некалендарные
дворянские отчества; 5) женские дворянские имена; 6) прочие

календарные мужские имена (в эту группу главным образом
попали имена частновладельческих, монастырских и двор-
цовых крестьян и холопов, а также посадских людей, слу-
жилых людей по прибору, священнослужителей⁴ и т.п.), для
удобства обозначаемых далее термином “крестьяне”; 7) не-
календарные крестьянские мужские имена.

Таблицы № 1—5 сделаны на основе ранее составленно-
го (в рукописи) автором именного указателя к 1-му выпуску
издания В.Н. Сторожева “Писцовые и приправочные книги
Рязанского края XVI—XVII вв.”⁵. Это обусловило как плю-
сы, так и минусы произведенных подсчетов. Безусловным
преимуществом является то, что автор был практически га-
рантирован от случайного попадания в подсчет имени лица,
более одного раза записанного в книги в качестве землевла-
дельца как каждой из двух форм собственности (поместной
и вотчинной), так и нескольких станов уезда. При подсче-
тах непосредственно по тексту источника этого избежать бы
не удалось. Минусом же является то, что по именному указа-
телю невозможно отличить действительных землевладельцев
от упоминавшихся в писцовых книгах прежних помещиков и
вотчинников. Таким образом, полученная картина рязанской
антропоники не вполне отражает ситуацию 1590-х гг., и со-
держит вкрапления имен, бытовавших в предыдущие деся-
тилетия. Однако искажение это незначительно и в целом им
можно пренебречь.

В таблицах № 1, 2 и 5 учтены личные имена рязанских
дворян. В случае, если одно лицо было записано как с ка-
лендарным, так и с некалендарным именем, оба фиксирова-
лись в соответствующей таблице. Это не относится к прила-
гательным “большой” и “меньшой”, “старый” и “молодой”,
если они употреблены вместе с календарными именами, а
следовательно, являются апеллятивными характеристиками
относительного возраста тезок внутри одной семьи. Все ги-
покористические формы имен объединялись в одной графе
с основной формой. В том случае, если зафиксированная
форма могла быть образована от нескольких имен, она под-
считывалась отдельно. В таблицах не учитывались имена
группы рязанских помещиков тюркского происхождения, так
называемых “бордаковских татар”, как оригинальной мик-
росистемы антропоники, требующей, с одной стороны, от-
дельного рассмотрения, а с другой — способной при вклю-

чении ее в общие подсчеты исказить статистические результаты по русской антропониимии.

Для получения данных, промежуточных по времени между подсчетами В. Б. Кобрин и личными именами писцовых книг, автор счел возможным изучить статистику дворянских отчеств (таблицы № 3 и 4). Они должны отражать картину личных имен предыдущего по отношению к 1590-м поколения, то есть именованья конца 1560-х — 1570-х гг. В отношении персонального состава имен, особенно редкоупотребимых, это отражение получилось искаженным. Ведь, с одной стороны, как правило, не имея возможности выявлять среди дворян родных братьев, автор для обеспечения единообразия подсчетов решил учитывать отчество каждого лица, записанного в книги за одну статистическую единицу, даже если известно, что под отчествами нескольких лиц (братьев) имеется в виду имя одного, жившего ранее человека (отца). А во-вторых, очевидно, имена многих лиц предыдущего поколения не нашли отражения в отчествах 1590-х гг. (эти люди умерли бездетными или умерли все их дети). Кроме того, было решено учитывать виртуальные отчества, то есть именованья, в которых имя отца называлось, но в форме отчества конкретного лица не оформлялось. Как правило, так происходило при обозначении вдов с детьми. В таких случаях учитывались и виртуальные отчества незамужних женщин (девок). Тем не менее, учитывая величину массива обработанных имен, общие статистические итоги по дворянским отчествам, в том числе по именам-фаворитам среди них, представляются автору в достаточной степени отражающими состояние антропонимикона Рязанского уезда конца 1560—1570-х гг. В остальном таблицы № 3 и 4 составлялись на тех же принципах, что и таблицы № 1, 2 и 5.

В.Б. Кобриним на основании сравнения имен высших слоев русского общества (1-я и 2-я части Тысячной книги) и выборных дворян (3-я часть Тысячной книги и Дворовая тетрадь) был высказан тезис о яркой социальной окраске русского антропонимикона XVI в.⁶ С целью проверки справедливости этого положения для более низкой ступени социальной лестницы был произведен подсчет имен недворянского населения Рязанского уезда (таблицы № 6 и 7). В материалах, вошедших в издание В.Н. Сторожева, таких сведений оказалось недостаточно, поэтому для расширения

базы исследования привлекались другие источники, восходящие как к указанным писцовым книгам, так и к иным описаниям конца XVI в.⁷ Слова, стоящие в многочисленных именованьях человека не на первом месте, которые, по мнению автора, могли быть апеллятивными характеристиками, а не некалендарными личными именами, в соответствующую таблицу не вносились. Таковыми считались: 1) указания на профессию и социальное положение человека (*мясник, кузнец, пушкарь*)⁸; 2) указания на происхождение и этническую принадлежность (*приходец, мещеряк*)⁹; 3) прилагательные в полной форме, если они могли быть описанием внешних особенностей человека, а не его качественно-субъективной оценкой (*хромой, седой, но Красной, Житкой*). Об именах в этих случаях, по мнению автора, можно говорить, если в каждом конкретном случае есть дополнительные сведения, свидетельствующие, что человек не соответствовал апеллятивному значению его именованья. То есть *Мельник* на самом деле был кузнецом, *Мещеряк* — мордвинном, а *Седой* — лысым. В таблицу также не включались имена в форме полных прилагательных, стоящие в многочисленном именовании не на первом месте и находящиеся в форме родительного падежа, согласованного с остальными частями имени, поскольку это могли быть отчества или фамильные прозвания (лавка *Гришки Живо*).

Таблица 1.
КАЛЕНДАРНЫЕ ДВОРЯНСКИЕ МУЖСКИЕ ИМЕНА

<i>а</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
1	Иван	427	15,67	
2—3	Василий	183	6,72	13,43
2—3	Федор	183	6,72	
4	Григорий	136	4,99	
5	Семен (Сенька, Семейка*)	105	3,85	
6	Степан	101	3,71	
7	Михаил	96	3,52	
8	Петр	94	3,45	
9	Андрей	91	3,34	
10	Никита	75	2,75	
11	Тимофей (Темка, Тимоха)	64	2,35	
12	Яков (Якуш)	58	2,13	
13	Афанасий	53	1,94	
14	Юрий (Юшка)	38	1,39	

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
15—16	Борис	37	1,36	2,72
15—16	Гавриил	37	1,36	
17	Дмитрий	36	1,32	
18	Алексей	33	1,21	
19	Алеша (<i>и Алексей, и Александр</i>)	30	1,10	
20	Никифор	28	1,03	
21	Павел	26	0,95	
22	Матвей	25	0,92	
23—25	Даниил	24	0,88	2,64
23—25	Денис	24	0,88	
23—25	Савва	24	0,88	
26—27	Родион (Радька, Родька, Родя)	23	0,84	1,68
26—27	Игнатий	23	0,84	
28	Кузьма	22	0,81	
29	Митька (<i>и Никита, и Дмитрий, и Никифор</i>)	21	0,77	
30—32	Артемий (Артюха)	20	0,73	2,22
30—32	Илья	20	0,73	
30—32	Назар	20	0,73	
33	Левка (<i>и Лев, и Левкий, и Леонтий</i>)	19	0,70	
34	Роман	17	0,62	
35	Ларион (Ларя)	16	0,59	
36—39	Захарий (Захар); Кирилл; Осип (Есип); Проня (<i>и Прохор, и Прокофий, и Прокл</i>)	По 14	По 0,51	2,06
40—41	Максим; Сидор	По 11	По 0,4	0,81
42—43	Клим (Клементий); Прокофий	По 10	По 0,37	0,73
44—48	Александр; Владимир; Лаврентий (Лавр); Макарий; Филат	По 9	По 0,33	1,65
49—53	Демка+ Демеха (<i>и Дементий, и Демид, и Демьян</i>); Иов (Иев); Константин; Потап; Сергей	По 8	По 0,29	1,47
54—59	Анисим; Евсей; Кондратий; Лукьян; Лунка + Лучка (<i>и Лука, и Лукьян</i>); Тихон	По 7	По 0,26	1,54
60—66	Антип (Антипа); Герасим; Евстафий (Астапка, Асташка, Астафий); Еремка+Ермошка+Ермак+Ермочка (<i>и Еремей, и Ермолай, и Ермил</i>); Карп;			

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
	Софон; Филипп	По 6	По 0,22	1,54
67—76	Аврам; Аким (Еким, Яким); Антон; Давыд; Елизар; Ефим; Мартин; Паня (<i>и Павел, и Панкратий, и Парфений</i>); Фома; Фрол	По 5	По 0,18	1,84
77—85	Ананий (Анашка); Влас; Исаак; Исай; Кленя (Клементий?); Насон; Нефед (Мефодий); Тит; Ульянов	По 4	По 0,15	1,32
86—99	Аксен; Алферий; Ануфрий; Евдоким; Евтихий; Епифан (Епиха); Ефрем; Иуда; Леонтий; Митрофан; Наум; Пахом; Пороша (Парамон?); Фаддей (Фатей)	По 3	По 0,11	1,54
100—125	Акинфий (Акиньша); Андриян; Арефий; Архип; Глеб; Демьян; Елфим; Емельян; Ерофей; Измаил; Кирьян; Лазарь; Лука; Марк; Меркурий; Микула; Михай; Алфим; Осей (Алексей?); Парфен; Патрекей; Пимен; Тарас; Терех; Трофим; Федот	По 2	По 0,07	1,91
126—174	Авдей; Аверкий; Антроп; Арсений; Аскентий (Авксентий?); Гур; Гордей; Дей; Дементий; Дорох; Дрос (Андрос?); Евлаш; Елистрат; Иванис; Калина; Кирьяк; Конон; Куприян; Лев; Макей; Маккавей; Мануил; Мелех; Мина; Мир; Нестер; Нил; Павлин; Панкрат; Поликарп; Поромоша; Провоторх; Протас; Самойло; Садоф; Спиридон; Сысой; Терентий; Трушка; Унтропий; Устин; Федос; Федул; Феофил; Филька; Филимон; Фурсай; Христор; Янка	По 1	По 0,04	1,73

Для всех таблиц: *a* – номер по порядку; *б* – имя; *в* – количество упоминаний; *г* – в % к общему числу носителей имен; *д* – общий % имен, занимающих данное место.

Может быть формой некалендарного имени *Седьмой*.

**Таблица 2.
НЕКАЛЕНДАРНЫЕ ДВОРЯНСКИЕ МУЖСКИЕ ИМЕНА**

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
1	Богдан	49	9, 74	
2	Меньшик (Меньшой)	46	9,15	
3	Третьяк (Тренька)	34	6,76	
4	Истома	22	4,37	
5	Милован	20	3,98	
6	Ненаш	14	2,78	
7	Замятня (Замята)	13	2,58	
8	Бессон	11	2,18	
9—10	Первой (Першик)	9	1,79	3,58
9—10	Пятой (Пятуня)	9	1,79	
11—12	Постник	8	1,59	3,18
11—12	Шестой (Шестак)	8	1,59	
13—16	Булгак	7	1,39	5,57
13—16	Поздняк	7	1,39	
13—16	Смирной	7	1,39	
13—16	Улан	7	1,39	
17—20	Ждан	6	1,19	4,77
17—20	Ломака (Ломачка)	6	1,19	
17—20	Молчан	6	1,19	
17—20	Неустрой	6	1,19	
21—26	Второй; Курбат; Нехороший; Русин; Солтан; Ширияй	По 5	По 0,99	5,96
27—30	Беляй; Воин (Войнин); Некрас; Покид	По 4	По 0,80	3,18
31—40	Волокита; Девятый; Дружина; Казарин; Мурза; Нечай; Своитин; Севрюк; Суторма; Томил	По 3	По 0,60	5,96
41—65	Адаш; Бажен; Бурнаш; Вешняк; Горяин; Грязнушка; Домашний; Лотыня; Мешок; Нагай; Нелюб; Немир; Несвой; Ормяк; Осмой (Осмак); Петеля; Поспел; Правый; Пукил; Савлук; Сувор; Судак; Темеш; Тырон; Четвертый	По 2	По 0,40	9,94
66—147	Акул; Арап; Будиха; Верига; Водопьян; Ворошилко; Гневаш; Десятый; Добрый; Добыча; Докучай; Другинко; Дуван; Егуп; Ерыжка; Ефан; Кайдаско;			

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
	Киришанин; Китан; Коверя; Коняй; Коур; Крепкий; Кудин; Курака; Курдюк; Курдюм; Кушник; Ланя; Лиховид; Лопата; Мосол; Муралей; Мясоед; Невежа; Неудача; Неупокой; Нехай; Обида; Озимар; Осан; Поливан; Приезжий; Прокуда; Ракита; Ратман; Ревенко (он же Рычко — искажение текста?); Резан; Рудак; Рюма; Семой; Серый; Смага; Страшко; Сурин; Сыдавний; Ташир; Терпил; Тихомир; Тугарин; Тутай; Тюмень; Угрим; Урак; Уран; Уруслан; Ушатый; Филин; Фуник; Хабар; Хотен; Худяк; Черемша; Черкас; Черной; Чудин; Шебан; Шигалей; Юмшан; Юфан; Ярец; Ярошко			
		По 1	По 0,20	16,30

**Таблица 3.
КАЛЕНДАРНЫЕ ДВОРЯНСКИЕ ОТЧЕСТВА**

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
1	Иванов	417	16,71	
2	Васильев	222	8,90	
3	Федоров	191	7,66	
4	Григорьев	160	6,41	
5	Семенов	117	4,69	
6	Михайлов	106	4,25	
7	Петров	93	3,73	
8	Дмитреев	65	2,61	
9	Степанов	64	2,57	
10	Андреев	62	2,48	
11	Никитин	58	2,32	
12	Тимофеев	55	2,20	
13	Яковлев (Якушев)	47	1,88	
14	Афанасьев	42	1,68	
15—16	Алексеев	40	1,60	3,20
15—16	Борисов	40	1,60	
17	Юрьев	34	1,36	

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
18	Данилов	32	1,28	
19	Прокофьев	30	1,20	
20	Гаврилов	28	1,12	
21	Матвеев	26	1,04	
22—23	Родионов	20	0,80	1,60
22—23	Романов	20	0,80	
24	Ильин	19	0,76	
25—27	Игнатьев	18	0,72	2,16
25—27	Климов (Клементьев, Клеменов)	18	0,72	
25—27	Лукьянов	18	0,72	
28—30	Кузьмин	17	0,68	2,04
28—30	Никифоров	17	0,68	
28—30	Саввин	17	0,68	
31	Назарьев	16	0,64	
32	Осипов (Есипов)	15	0,60	
33	Артемьев	14	0,56	
34—36	Ларионов (Ларин)	13	0,52	1,56
34—36	Леонтьев	13	0,52	
34—36	Павлов	13	0,52	
37—38	Денисьев (Денисов)	12	0,48	0,96
37—38	Захарьев (Захаров, Захарьин)	12	0,48	
39—41	Александров	11	0,44	1,32
39—41	Константинов	11	0,44	
39—41	Максимов	11	0,44	
42	Акимов (Екимов, Якимов)	10	0,40	
43	Кондратьев	9	0,36	
44—47	Ефимов (Ефимьев); Карпов; Сидоров; Филиппов	По 8	По 0,32	1,28
48—51	Ермолаев (Ермолов, Ермолин); Логинов (Логвинов); Филатов (Филатьев); Фомин	По 7	По 0,28	1,12
52	Сафонтьев (Сафонов)	6	0,24	
53—54	Антипов (Антипин); Измайлов	По 5	По 0,20	1,40
55—61	Минин; Гурьев; Евдокимов; Евсин (Евсеев); Лаврентьев; Макарьев; Трофимов	По 4	По 0,16	1,12
62—74	Антонов; Владимиров; Галактионов; Епихин; Исаков; Митрофанов; Нефедов (Нефедьев); Пахомов (Пифомов); Тарасов; Ульянов; Фролов; Харламов; Хрисанфов	По 3	По 0,12	1,56
75—99	Абакумов; Андреянов; Архипов; Дементьев; Демин			

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
	(Демьянов, Дементьев); Елизарьев; Елсуфьев; Еремеев; Ерофеев; Ефремов; Зиновьев; Иевлев; Калинин; Каллистратов; Кириллов; Мануилов; Мартынов; Моисеев (Мосеев); Панферов; Парфенов; Пронин; Сергеев; Тихонов; Фаддеев (Фатеев); Харитонов	По 2	По 0,08	2,00
100—148	Абросимов; Аксенов; Алферов; Андронов; Андросов; Аникеев; Анисимов; Анциферов; Варламов; Власов; Герасимов; Демьянов; Елфимов; Емельянов; Исаев; Кирьяков; Кленин (Клементьев?); Колин (Николаев?); Кононов; Куприянов; Лазарев; Мартынов; Мелентьев; Менторов; Меркуров; Микулин; Мирон; Наумов; Нестеров; Никон (Николаев?); Парамонов; Пекин (Петров?); Пименов; Поминов; Потапов; Самойлов; Санин; Сафронов; Свиридов; Селиванов; Симонов; Терентьев; Терехов; Титов; Труфонов; Фаустов; Фефилов; Филимонов; Фурсов	По 1	По 0,04	1,96

Таблица 4.
НЕКАЛЕНДАРНЫЕ ДВОРЯНСКИЕ ОТЧЕСТВА

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
1	Третьяков	41	7,59	
2	Истомин	37	6,85	
3	Ширяев	27	5,00	
4	Меньшиков (Меньшов)	22	4,07	
5	Нечаев	21	3,89	
6	Богданов	17	3,15	
7	Булгаков	14	2,59	
8—9	Беляев	13	2,41	4,81
8—9	Веригин	13	2,41	
10	Милованов	11	2,04	

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
11—12	Первого	8	1,48	2,97
11—12	Салтанов	8	1,48	
13—15	Неклюдов	7	1,30	3,90
13—15	Ненашев	7	1,30	
13—15	Уланов	7	1,30	
15—16	Молчанов	6	1,11	2,23
15—16	Суворов	6	1,11	
17—23	Арапов; Замятин; Киреев; Мамаев; Мурзин; Постников; Русинов	По 5	По 0,93	6,51
24—31	Барашов; Другого; Дуванов; Злобин; Казаринов; Курбатов; Некрасов; Серого	По 4	По 0,74	5,94
32—51	Белкин; Бессонов; Волокитин; Горяинов; Копылов; Кубасов; Мамлеев; Мамонов; Моршалкин (Моршалков); Рудаков; Таширов; Темешев; Томилин; Тыронов; Тютрюмов; Украинцев; Ураков; Чернеев; Шарапов; Ярцов	По 3	По 0,56	11,15
52—89	Алабышев; Брехов; Будаев; Ваторопин; Вишняков; Волков; Домашнего; Ефанов; Исупов; Коуров; Кропотов; Кудашев; Курдюмов; Кученев (Кучин); Мальшев; Мосолов (Мослов); Негодяев; Огуров; Ормяников (Ормяков); Пенков; Пешков; Полухин; Ратмонов; Ротавого; Руднев; Сатышев; Севрюков; Смирного; Сунбулов; Таузаров; Трусов; Ураев; Утешев; Хабаров; Чудинов; Шанин; Шестов; Ярутин (Ерутин)	По 2	По 0,37	14,13
90—160	Абрютин; Бахтеяров; Бурнашев; Внуков; Воронов; Гостев; Гуляев; Даев; Дробин; Дураков; Жданов; Зуев; Иноземов; Канбулатович; Канин; Карданукович; Киришанинов; Китанин; Кобелев; Козаков; Козлов; Кореев; Коростелев; Кузьев; Ламанов; Лиховидов; Микляев; Мичурин			

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
	(Мишуриин); Мотякин; Невежин; Нелюбов; Несмеянов; Неупокоев; Нехорошев; Ноздрин; Огазов; Окороков; Осевчуков; Параватого; Пенин; Поздняков; Поуков; Правого; Прокудин; Пявого (Пятого?); Пятого; Рахманинов; Резанов; Рогатого; Своитинов; Смагин; Солового; Сомов; Татарин; Товаришев; Трубинин; Удачин; Ушаков; Ушатого; Харляков; Хорошов; Челяднин; Черемисинов; Чуриков; Шатин; Шахматов; Шебанов; Шеметов; Шигаев; Шишкин; Шугаев; Яршов	По 1	По 0,19	13,17

Таблица 5.
КАЛЕНДАРНЫЕ ЖЕНСКИЕ ИМЕНА

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
1	Мария	81	16,87	
2	Анна	37	7,71	
3	Евдокия	34	7,10	
4	Арина	30	6,25	
5	Дарья	22	4,60	
6	Анастасия	21	4,38	
7	Федосья	18	3,76	
8	Татьяна	17	3,54	
9	Прасковья	16	3,33	
10—11	Матрена	15	3,13	6,25
10—11	Агафья	15	3,13	
12—13	Аграфена	14	2,92	5,83
12—13	Ефимья	14	2,92	
14	Ульяна	13	2,71	
15—16	Фетинья	10	2,08	4,17
15—16	Елена (Олёна)	10	2,08	
17—18	Аксинья	9	1,88	3,76
17—18	Соломонида	9	1,88	
19—21	Василиса; Домна; Марфа	По 8	По 1,67	5,00
22—24	Екатерина; Лукерья; Пелагея	По 7	По 1,46	4,38
25—28	Варвара; Наталья; Акулина;			

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
	Фекла	По 5	По 1,04	4,17
29—31	Мавра; Маланья; Федора	По 3	По 0,63	1,88
32—38	Любовь; Аграфена; Ефросинья; Зиновья; Марина; Софья; Степанида	По 2	По 0,42	2,92
39—44	Александра; Анисья; Антонида; Пигасья; Улита; Хрестина	По 1	По 0,21	1,25

НЕКАЛЕНДАРНЫЕ ЖЕНСКИЕ ИМЕНА:

Богдана (4); Катуна, Купава, Нега, Нелюба, Ясная (по 1).

Таблица 6.

КАЛЕНДАРНЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ МУЖСКИЕ ИМЕНА

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
1	Иван	294	20,12	
2	Василий	72	4,93	
3	Федор	67	4,59	
4	Григорий (Гридя)	63	4,31	
5	Семен (Сенька, Семейка)	45	3,08	
6	Степан	36	2,46	
7	Михаил	35	2,40	
8	Яков (Якуш)	33	2,26	
9—10	Афанасий	31	2,12	4,24
9—10	Кузьма	31	2,12	
11	Петр	30	2,05	
12	Митька (<i>и Никита, и Дмитрий, и Никифор</i>)	28	1,92	
13	Тимофей (Темка, Тимоха)	27	1,85	
14	Андрей	26	1,78	
15	Никита	22	1,51	
16—17	Данила (Данька)	20	1,37	2,74
16—17	Максим	20	1,37	
18—19	Алеша (<i>и Алексей, и Александр</i>)	17	1,16	2,32
18—19	Игнатий (Игнат)	17	1,16	
20—21	Гаврила	14	0,96	1,92
20—21	Матвей	14	0,96	
22	Фома	13	0,89	
23	Влас	12	0,82	
24—25	Лукьян	11	0,75	1,51
24—25	Сава + Савка (<i>и Савва, и Савелий, и Савел</i>)	11	0,75	
26—29	Борис; Левка (<i>и Лев,</i>			

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
	<i>и Левкий, и Леонтий</i>); Пронька (<i>и Прохор, и Прокл, и Прокофий</i>); Родион (Радька, Родька, Родя)	По 10	По 0,68	2,74
30—31	Евстафий (Осташка, Останка, Остафка); Сергей	По 9	По 0,61	1,22
32—37	Антип; Наум; Осип; Сафонко; Терентий (Терех); Юрий (Юшка)	По 8	По 0,55	3,29
38—49	Артем; Герасим; Гур (Гурий); Клементий (Климка, Клеменко, Клемешка); Константин; Ларион (Ларька); Назарий (Назя, Наська); Никон; Панька (Павел, Панкрат, Панфил); Роман; Трофим; Федос	По 7	По 0,48	5,75
50—57	Илья; Карп; Конон (Конша); Мелентий (Мелех); Парфений (Парша); Сидор; Тит; Филька (Филипп, Филат, Филимон)	По 6	По 0,41	3,29
58—65	Антон; Денис; Исай; Кирилл; Лазарь; Никифор; Потап; Свирид (Свирия)	По 5	По 0,34	2,74
66—79	Аким (Еким, Яким); Анисим (Ониска); Демка (<i>и Дементий, и Демьян, и Демид</i>); Евся (<i>и Евсевий, и Евстафий, и Евстигней</i>); Иов (Иев); Лев; Малафей (Малах); Марко; Минька (Мина); Панкрат; Симон; Тихон (Тишка); Фрол; Харька (Харитон, Харлам)	По 4	По 0,27	3,83
80—94	Аксен; Аноска+Оношка (<i>и Амос, и Анисим</i>); Давыд; Евсей; Елисей; Ермолай; Ерофей; Еська+Оська (Осип, Остафий); Кондрат; Мартин; Мосей (Мосяшка); Олфер; Трифон; Федот; Филат	По 3	По 0,21	3,08
95—114	Агей; Алексей; Андрос; Анфим (Елфим); Варлам; Володя; Гордей; Дмитрий; Елистрат (Истратко); Елка (<i>и Елисей, и Елистрат</i>); Емельян; Иуда			

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
	(Юдка); Калина; Логин; Меркурий (Меркул); Насон; Офремка; Устин; Филипп; Янка (Янюшка)	По 2	По 0,14	2,74
115—167	Аврам; Агафон; Амос; Андрон; Анца*; Анцифор; Архип; Дорофей; Елфим; Епиха; Еремка; Ермочка; Ефим; Захар; Зинка (Зиновий?); Карол; Корней; Корнисей; Куприян; Лаврушка; Леонтий; Лунька (Лука, Лукъян); Манька (Иммануил?); Микулка; Мирон; Митрошка; Настька (Анастасий); Нерон; Нестер; Нефед; Обакум; Овдоким; Оверкий; Окинъша; Омельянок; Осейка (Алексей?); Палко (Поликарп?); Пахом; Пимен; Провоторх; Савостьян; Самолка; Сафрик (Сафрон?); Селиван; Селиверст; Тарас; Тимон; Тинка (Тимка?); Ульян; Филимон; Фока; Фотей; Фурс	По 1	По 0,07	3,62

* По-видимому, является русской адаптацией немецкого имени *Ганс* (*Иоганн*). Полное имя этого человека *Анца Немчинов*. Ср. : немчин *Анц* (*Анца*) *фан Платов* (*Слатов*) (Документы Печатного приказа 1613—1615 гг. М. , 1994. С. 273, 423).

Таблица 7.
НЕКАЛЕНДАРНЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ МУЖСКИЕ ИМЕНА

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
1	Истома	28	7,84	
2	Богдан	19	5,32	
3	Третьяк (Тренька)	17	4,76	
4	Милован	11	3,08	
5—6	Меньшик	10	2,80	5,60
5—6	Ненаш	10	2,80	
7	Пятой (Пятунка)	9	2,52	
8	Поздняк	8	2,24	
9	Первой (Першик, Первушка)	7	1,96	

<i>a</i>	<i>б</i>	<i>в</i>	<i>г</i>	<i>д</i>
10—14	Бессон	6	1,68	8,40
10—14	Ждан	6	1,68	
10—14	Некраско	6	1,68	
10—14	Нечай	6	1,68	
10—14	Покид	6	1,68	
15	Беляй	5	1,40	
16—18	Найден	4	1,12	3,36
16—18	Шарап (Шерап)	4	1,12	
16—18	Ширяй	4	1,12	
19—29	Бажен; Булгак; Добрыня; Кирей; Козарин (Козарко); Кобуз (Кобуз); Малец; Постник (Постка); Серой; Томилка; Худяк	По 3	По 0,84	9,24
30—47	Борода; Горяин (Горяшка); Десятый (Десятка); Злоба; Жук; Ломака; Молчан; Момай; Мороз; Мордвина; Москот; Мурза; Помелко; Смирка; Сухой; Требуха; Четвертой; Черной	По 2	По 0,56	10,08
48—169	Баран; Белобай; Берля; Блин; Болвас; Букарадин (Бука Радин?); Бунька; Бурый; Верогуз; Ворона; Гирия; Гладкоус; Глазун; Глинка; Гольш; Гость; Губа; Гуляйко; Гунь; Девятый; Дедюка; Дорогой; Друган; Дружина; Дуда; Дурак; Ебольда; Еланка; Замятня; Засыпка; Зуберь; Зубок; Илемка; Камень; Кислой; Клок; Кобур; Козанка; Конец; Коратайко; Корей; Корепан; Коробок; Коршун; Кочанко; Кочет; Кремень; Кресьянин; Крюк; Кукля; Курбат; Лапоть; Летень; Лобан; Ломанко; Мален; Малко; Мальш; Мальша; Мамрютка; Мастюга; Мерин; Мастюга; Мещеряк; Напол; Негодяйко; Незютя; Нетка; Нехорошка; Ниетка; Оберняка; Окиянко; Окулька; Палех; Петеля;			

а	б	в	г	д
	Плешок; Понарка; Поспелко; Привал; Пригода; Путора; Пышка; Родинка; Розинка (Разиня?); Русин; Рюмка; Салтанко; Сатка; Светлый Кус; Себель; Сельник; Селянка; Семой (он же Семыга, Семейка); Серко; Синец; Скворец; Смык; Сомко; Стрык; Сурьян; Сусло; Сутанай; Суханко; Сынок; Тепляк; Токмак; Тронка; Тырон; Уланко; Хирька; Хомяк; Хотейка; Черец; Чудин; Шеметенко; Шестак; Шмель; Щелкан; Щербина; Щетка; Язь; Ярец	По 1	По 0,58	34,17

**Таблица 8.
АНТРОПОНИМИЯ БОРДАКОВСКИХ ТАТАР**

Годы	Фамилии		Отчества		Имена			
	(дедичества)							
	(р)*	(т)**	(р)*	(т)**	(р)*	(т)**	(р)*	(т)**
	(к)*** (н)****		(к)*** (н)****		(к)*** (н)****			
1590-е	—	4 (3)	4 (2)	3 (3)	31 (21)	22	—	16
1616	—	1	7 (6)	4 (2)	32 (26)	27	3	13
1628—								
1630	11 (3)	16 (8)	26 (12)	4 (4)	41 (25)	57	5	9

* (р) — русские; (т)** — тюркские; (к)*** — календарные; (н)**** — некалендарные.

В таблице учтены только мужские имена. Фамилии и отчества каждого лица считались отдельной статистической единицей.

В скобках — данные за вычетом выявленных однородцев (для фамилий) и братьев (для отчеств).

Для всех таблиц календарные имена и их формы в основном определялись по изданию «Справочник личных имен народов РСФСР»¹⁰. В связи с чем имя *Богдан*, в отличие от В.Б. Кобрин, было отнесено к некалендарным. Исходя из чего, при сопоставлении статистических данных процентные соотноше-

ния, указанные в его работе, были соответствующим образом пересчитаны.

Описание системы личных имен Рязанского края выглядело бы неполным без антропонимии бордаковских татар. Эта небольшая группа тюркоязычного населения была в 1570-е гг. помещена в Рязанском уезде в окружении русского населения¹¹. Во второй половине XVII в. бордаковские татары были полностью ассимилированы, пополнив собой ряды рязанских дворянских родов. Антропонимикон этой группы являет собой индикатор восприятия татарами русской культуры. В нашем распоряжении есть три временных среза имен бордаковских татар до времени их полного крещения. Это сведения по писцовым книгам Т.Г. Вельяминова 1590-х гг., Поликарпа Давыдова 1616 г. и Ивана Львова 1628—1630 гг.¹²

Наблюдения по всем временным срезам показывают, что степень употребления татарами русских имен (как календарных, так и некалендарных) возрастает от поколения к поколению. Если среди отчеств и дедичеств 1590-х гг., которые в целом должны отражать антропонимикон татар на момент их появления в Рязанском уезде, тюркские имена заметно преобладают, то среди личных имен того же периода уже преобладают русские. Причем в одной семье могли использоваться как те, так и другие. Например, братья *Иван* и *Окбул Шестемировы*, сестры *Баисаилдана*, *Елмыса*, *Дарья*, *Татьяна* и *Шупирея*. Разумеется, часть встречающихся «русских» имен — это переосмысленные писцами тюркские. Например, вдова *Кинкея* в другом месте текста значится как *Оксинья*¹³. Некоторые русские имена при этом употреблялись в тюркской огласовке: *Иваней*, *Петрай*, *Семеней* (*Семендей*).

Тем не менее в 1616 г. число носителей русских личных имен уже превышает число носителей тюркских более чем в 2 раза. Следующие полтора десятка лет знаменуют практически полную победу русских имен (87%), хотя тюркские отчества еще преобладают. Определенную роль в этом сыграл начавшийся к тому времени переход бордаковских татар в православие. Но крещенными по книгам Ивана Львова значатся лишь 14 из 71 человека. При этом, даже если новокрещенный ранее носил календарное имя, оно менялось: *Дмитрий*, а во крещении *Викула*; *Кирилл*, а во кре-

шении *Прокофий*¹⁴. Генеалогические наблюдения показывают, что у исследуемой группы русский антропонимикон вытеснил тюркский в течение 3—4-х поколений.

В заключение хочется привести весь зафиксированный репертуар тюркских имен бордаковских татар. Мужские имена: *Айтуган (Туган); Акбул (Окбул); Акбулат; Акчюра (Якчюра, Анчюра, Янчюра); Андай; Байкей (Бейкей); Байчюра; Бекбулат; Бузай; Бузбей; Булай; Булат; Девлечар; Дивляй; Елдаш; Емай (Емаш, Юмаш, Момай); Енай (Енаш); Енбулай (Анбулай); Енбулат (Анбулат); Ендай; Енебяк; Еныш; Казбирь (Казберь); Кильдеяр; Кимбай (Кимбей, Кинбак); Кочкей (Каскей); Кудаш; Кудеяр; Курмак (Кумарко); Мурат; Окбол; Сатыш; Сингильдей (Сигильдей); Системир (Шестемир); Сундюк (Сундяк); Тениш; Тухтар (Тактар, Туктай); Уразл; Ушей; Чанбулат; Янсуб; Янчувар (Янчур)*. Женские имена: *Агдолея (Андтилея); Баисаилдана; Елмяса; Кирклеша; Кискея; Ураска, Шупирея*.

***

Одной из наиболее остро стоящих проблем исторической антропонимики является вопрос о сущности некалендарных имен, являются ли они прозвищами либо непосредственно личными именами. От взгляда на этот вопрос будет в большой степени зависеть интерпретация многих статистических итогов настоящего исследования. Первая точка зрения представлена в работах И.А. Елизаровского, В.И. Тагуновой, Н.А. Баскакова. Наиболее аргументированно она изложена В.К. Чичаговым, в основе построений которого лежит частое употребление перед некалендарными именами, встречающимися в документах XVI—XVII в., термина “прозвище”¹⁵.

Другая точка зрения содержится в работах Н.М. Тупикова, С.Б. Веселовского, В.А. Никонова. Присоединяясь к этому мнению В.Б. Кобрин и А.Н. Мирославская указали на различия в средневековом и современном значениях указанного термина и на недопустимость слепого следования прежней терминологии¹⁶.

А.Н. Селищев, С.И. Котков, Г.Я. Сими́на по различным признакам выделяли среди некалендарных имен как собственно имена, так и прозвища¹⁷.

Обратимся к современному толкованию этих понятий. “**Личное имя** — Персональное имя человека в отличие от фамилии, отчества, прозвища. 1. Основное официальное полное имя, данное человеку при рождении или (редко) выбранное для себя взрослым человеком. 2. Неофициальная форма этого имени”¹⁸.

“**Прозвище** — Вид антропонима. Дополнительное неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующими его жизни обстоятельствами, по какой-то аналогии, по происхождению и другим мотивам”¹⁹.

Следовательно, личные имена отличаются от прозвищ главным образом тем, что первые официальные и, с оговоркой, даются человеку при рождении, а вторые неофициальные и даются в течение всей жизни. Наличие мотива номинации характерной чертой прозвищ, очевидно, не является, поскольку может быть присуще и личным именам, ср.: “связанные” имена, семейные имена²⁰. Действительно, если в имени *Иван Лисица* допустимо, что второе именование человек получил по ассоциации с животным, то почему его не могли назвать *Иваном* по ассоциации с соседом, именовавшимся так же?

Разумеется, один только факт присутствия некалендарного имени в средневековом источнике в качестве единственного именованного человека сам по себе не является априорным свидетельством его официальности. Рассмотрим, каким образом имена попадали на страницы документов. Особенно ярко это видно на примере дворянских имен. Если перед нами частный акт (купчая, меновая, рядная и т.п.), то их сообщали писцу сами контрагенты сделки и ее свидетели. Если акт был государственным (жалованная, ввозная, послушная грамоты, отдельная выписка и т.п.), то свое имя в государственный орган зачастую изначально сообщал сам адресат грамоты, обращаясь туда с челобитной о пожаловании. В других случаях имя извлекалось из какого-либо валавого источника: писцовых книг, десятен и т.п., большинство сведений в которые, в том числе имена, в свою очередь, заносилось на основании “сказок” лиц, в них записанных. Если же субъекта не оказывалось в нужное время в нужном месте, то информацию о нем подавали его родственники, соседи и сослуживцы, либо она извлекалась опять-таки из ранее составленных актов.

При этом человек был заинтересован (для защиты своих прав в спорной ситуации), чтобы его имя фигурировало в официальных документах в том виде, в каком оно было известно наибольшему числу лиц. Так, воспользовавшись всеобщей неразберихой Смутного времени, братья Артемий и Михаил, назвавшись Яковлевыми детьми Хирина, завладели вотчиной этого рода. При разбирательстве этого дела в 1610 г. потребовалось обращение “на резанских окладчиков и на резанцов на дворян и на детей боярских на весь город в слух и в обыск...”, что самозванцы — на самом деле Васильевы дети Шулистова. В утрированном виде суть дела выглядит как установление имени указанных лиц на основании показаний свидетелей²¹.

Приведем несколько примеров бытования некалендарных имен. Булгак Андреевич (Каракадымович) Таптыков, отпрыск рязанского боярского рода, живший в середине XVI в, известен по целому ряду источников. Причем имя этого человека, будучи широко употребительным в документах, пережило его самого, являясь составной частью именованного его вдовы Алены, по-видимому дожившей до XVII в. И везде он упоминается с указанным некалендарным личным именем²². Христианское имя Булгака мы узнаем лишь однажды. Незадолго до смерти, в 1575/1576 году, отдавая свою деревню Богоявленскому Борковскому монастырю, он пишет, что этот вклад “по маей души по грешнай по Анисимовой”. При этом документ оформляется от привычного некалендарного имени — “Се яз, Булгак Ондреев сын Коракодымов...”²³. Значит, назовись Булгак Анисимом, — юридическая сила акта могла быть поставлена окружающими под сомнение.

Современниками Булгака были братья Ширяй и Тырон Васильевичи Кобяковы. Они оставили после себя большое число упоминаний в документах²⁴. Существуют две данные грамоты 1567/1568 года, по которым Тырон, исполняя волю умершего брата, передал часть его вотчин рязанским монастырям²⁵. Но и в этих актах духовного характера братья представлены только некалендарными именами. Лишь из родословной росписи, представленной в Разрядный приказ, мы узнаем их христианские имена, Игнатий и Федор, информация о которых хранилась в домашних родословцах и была явлена на свет только в конце XVII в.²⁶ В указанных случаях некалендарные имена явно выступают официальными, а христианские — бытовыми, употреблявшимися в семье²⁷.

Определить время совершения каждого конкретного акта номинации некалендарными именами не представляется возможным. Однако, на взгляд автора, этот аспект их бытования можно сопоставить с существовавшей в то же время полионимией в названиях населенных пунктов. К слову, ономастика еще не выработала удовлетворительного термина для обозначения таких имен. Наиболее близкий, “одновременные параллельные имена”, предполагает, что сфера применения таких имен всегда различна²⁸. В средневековых же документах эти топонимы могли употребляться как поодиночке, так и в различных комбинациях: *д. Харкина, Костенкова, Терешкова тож*; *д. Харкина, Костенкова тож*; *д. Харкина*; *с. Ивановское, Табаевское тож*; *с. Табаевское, Ивановское тож*; *с. Ивановское*; *с. Табаево*²⁹. Термин “двойной топоним” не соответствует указанному явлению не столько существованием трех, четырех и более названий у одного населенного пункта (*д. Боровская, Ерохинская, Харинская, Дубровская, Денежникова тож*), сколько требованием неразделимости составных частей имени при назывании³⁰.

В тех случаях, когда с достаточной степенью достоверности можно предположить этимологию каждого из таких названий, видно, что они возникали разновременно, последовательно, в зависимости от изменения характеристик объекта. Например, по писцовым книгам конца XVI в. известно село *Шипилово, Можарово, Ярославичи тож*³¹. Из договорной грамоты рязанских князей 1496 г. становится ясно, что *Ярославичи*, а точнее *Переславичи*, — первое по времени возникновения название села: “...село Переславичи... а сядят в нем твои холопи Шипиловы”³². Следовательно, *Шипилово*, — второе название села, данное по имени его жителей (владельцев) конца XV в. Третье имя село получило уже в XVI в. по фамилии одних из его владельцев (возможно, в какой-то момент единственных) помещиков Можаровых³³. Значит ли это, что *Ярославичи (Переславичи)*, как первое из возникших, и есть официальное, “прямое имя”, а два остальных — “прозвища”? Разумеется, нет. Все три имени равнозначно обозначали для окружающих один и тот же объект. Причем по писцовым книгам видно, что в конце XVI в. наиболее употребимым было имя *Шипилово*³⁴, а до нашего времени село дошло как *Можарово*. Иными словами, в средневековье фактор относительного времени воз-

никновения имени сам по себе не позволяет делать выводы о вторичности, неофициальности именованного.

Как в случае с личными именами, те, кому была необходима наиболее точная идентификация села (власти, землевладельцы), были заинтересованы, чтобы оно попало в официальные документы с названиями, известными широкому кругу сторонних людей. Например, в 1530-е гг. разбиралось дело рязанского помещика Ф.К. Курдумова. Он, имея грамоту на селище Митусово, захватил принадлежащую Ольгову монастырю деревню Рупасову, называя ее Митусовым. Это судебное дело, как и многие подобные ему, решалось опросом большого числа свидетелей³⁵. Разумеется, эти люди, показавшие, что *псевдо-Митусово* — на самом деле *Рупасова*, должны были употреблять эти имена и раньше.

Таким образом, в средневековые документы личное имя попадало как устойчивая метка человека, как фактор его известности в достаточно широких социально и/или территориально очерченных кругах. Причем именно эта известность имени, а не какой-либо другой признак, например время или мотив номинации, делала его официальным, чем обуславливала фиксацию в документах. Ориентируясь на то, под какой меткой человек был известен в обществе, с одной стороны, его идентифицировала власть — взимала налоги, вознаграждала, преследовала за преступления, а, с другой стороны, сам называемый обеспечивал возможность защиты своих прав. Для прозвища в таком случае место остается только в устном бытовании³⁶.

Еще одним важным суждением В.Б. Кобрин в обоснование именного характера некалендарных имен является заключение о наличии среди них имен-фаворитов³⁷. Действительно, каждый человек обладает отнюдь не одним качеством. Это всегда сумма признаков, каждый из которых пригоден для создания на его основе неофициального имени-характеристики (прозвища). Каждый человек изначально был *Богданом* — некрещеным³⁸, при этом одновременно он мог быть *Шестакком* — шестым ребенком в семье, *Меньшиком* — младшим на данный момент, *Постником* — родиться в пост, *Вешняком* — родиться весной, *Томилом* — роды проходили тяжело, *Воробьем* — маленького роста, *Лисой* — хитрым и т.п. Тем не менее из множества стандартных характеристик выбиралась только одна. Причем она не была присуща только конкретному чело-

веку: рядом рождались такие же “третьяки”, “истомы”, “постники”, вне зависимости от того, какое некалендарное имя они носили. То есть такая “характеристика” не выделяла человека ничем особым из ряда ему подобных. Иными словами, наличие среди некалендарных имен фаворитов означает, что при номинации семантика имени не ограничивалась его апеллятивным значением, а во многом опиралась на уже существовавшую в округе систему именованностей, на традицию, а не на конкретную характеристику.

Ниже, в таблице № 9, сравнивается степень распространенности наиболее популярных некалендарных имен по подсчетам В.Б. Кобрин и таблицам № 2, 4 и 7.

Обращает на себя внимание полное совпадение четверки самых популярных дворянских имен по данным 1550-х и 1590-х гг. Из 20 популярных по Дворовой тетради имен среди рязанских дворян в 1560-е — 1570-е и 1590-е гг. широко использовались по 12 имен, среди крестьян в 1580-е — 1590-е гг. — 10. На популярность имени не всегда влияло различие социального статуса. Так, имена *Богдан*, *Третьяк*, *Меньшик*, *Истома*, *Милован*, *Ненаш* в конце XVI в. составляли шестерку фаворитов и в крестьянской, и в дворянской среде. С другой стороны, заметна и мода на имена. В 1590-е гг., по сравнению с предыдущим поколением, из шестерки популярности выпали *Ширяй* и *Булгак*, их место заняли *Ненаш* и *Милован*.

Заметны и региональные особенности рязанского антропонимикона. Полное отсутствие в Дворовой тетради имен *Ненаш* и *Милован*, постоянно находящихся в лидерах в Рязанском крае, выделяют систему личных имен этой территории. Сравнительно популярны на Рязанщине были *Бессон*, *Первой* и *Поздняк*³⁹. Отсутствовали в системе имен *Образец* и *Темир*, были сравнительно непопулярны *Невежа* и *Угрим*.

Таким образом, просматриваются не только наличие фаворитов среди русских некалендарных имен, но и система такой антропонимии, во многом стабильная, во многом динамично развивающаяся, обладающая региональными особенностями. Маловероятно, чтобы ее основу составляли прозвища, хаотично даваемые взрослым людям, жестко мотивированные качествами человека. Таковой могли быть только во многом оторвавшиеся от своего прямого значения, данные при рождении личные имена.

Таблица 9

Имя	Двор. тетрадь	Таб. № 2	Таб. № 4	Таб. № 7
Богдан	1 (8,23)*	1 (9,74)	6 (3,15)	2 (5,32)
Меньшик	2 (5,3)	2 (9,15)	4 (4,07)	5-6 (2,8)
Третьяк	3 (4,94)	3 (6,76)	1 (7,59)	3 (4,76)
Истома	4 (3,11)	4 (4,37)	2 (6,85)	1 (7,84)
Замятня	5-7 (2,93)	7 (2,58)	17-23 (0,93)	+
Нечай	5-7 (2,93)	+	5 (3,89)	10-14 (1,68)
Постник	5-7 (2,93)	11-12 (1,59)	17-23 (0,93)	+
Шарап	8 (2,38)	-	+	16-18 (1,12)
Пятой	9 (2,01)	9-10 (1,79)	+	7 (2,52)
Ширий	10 (1,65)	+	3 (5,00)	16-18 (1,12)
Булгак	11-13 (1,28)	13-16 (1,39)	7 (2,59)	+
Ждан	11-13 (1,28)	17-20 (1,19)	+	10-14 (1,68)
Русин	11-13 (1,28)	+	17-23 (0,93)	+
Молчан	14-15 (1,1)	17-20 (1,19)	15-16 (1,11)	+
Шестак	14-15 (1,1)	11-12 (1,59)	+	+
Невежа	16-20 (0,91)	+	+	-
Образец	16-20 (0,91)	-	-	-
Темир	16-20 (0,91)	-	-	-
Угрим	16-20 (0,91)	+	-	-
Улан	16-20 (0,91)	13-16 (1,39)	13-15 (1,3)	+
Милован	-	5 (3,98)	10 (2,04)	4 (3,08)
Ненаш	-	6 (2,78)	13-15 (1,3)	5-6 (2,8)
Бессон	-	8 (2,18)	+	10-14 (1,68)
Первой	-	9-10 (1,79)	11-12 (1,48)	9 (1,96)
Поздняк	-	13-16 (1,39)	+	8 (2,24)
Смирной	+	13-16 (1,39)	+	+
Ломака	-	17-20 (1,19)	-	+
Неустрой	+	17-20 (1,19)	-	-
Беляй	-	+	8-9 (2,41)	15 (1,4)
Верига	+	+	8-9 (2,41)	-
Солтан	+	+	11-12 (1,48)	+
Неклюд	+	-	13-15 (1,3)	-
Сувор	+	+	15-16 (1,11)	-
Арап	-	+	17-23 (0,93)	-
Кирей	+	-	17-23 (0,93)	+
Мамай	+	-	17-23 (0,93)	+
Мурза	+	+	17-23 (0,93)	+
Некрас	-	+	+	10-14 (1,68)

Имя	Двор. тетрадь	Таб. № 2	Таб. № 4	Таб. № 7
Покид	-	+	-	10-14 (1,68)
Найден	-	-	-	16-18 (1,12)

*В скобках значение в %.

В таблицах № 9 и 10 для каждого имени указывается место, занимаемое им в соответствующих подсчетах, и степень распространенности в процентах. (+) – имя находится за пределами числа популярных, (-) – имя отсутствует в подсчетах.

Для сравнения приведем аналогичную таблицу № 10 сопоставления календарных имен.

Таблица 10

Имя	Двор. тетрадь	Таб. № 1	Таб. № 3	Таб. № 6
Иван	1 (19,63)	1 (15,67)	1 (16,71)	1 (20,12)
Василий	2 (9,98)	2-3 (6,72)	2 (8,9)	2 (4,93)
Андрей	3 (6,97)	9 (3,34)	10 (2,48)	14 (1,85)
Федор	4 (6,67)	2-3 (6,72)	3 (7,66)	3 (4,59)
Семен	5 (5,58)	5 (3,85)	5 (4,69)	5 (3,08)
Григорий	6 (5,38)	4 (4,99)	4 (6,41)	4 (4,31)
Михаил	7 (5,28)	7 (3,52)	6 (4,25)	7 (2,4)
Дмитрий**	8 (3,96)	17 (1,32)	8 (2,61)	95-114 (0,14)
Петр	9 (3,62)	8 (3,45)	7 (3,73)	11 (2,05)
Юрий	10 (2,29)	14 (1,39)	17 (1,36)	33-37 (0,55)
Степан	11 (1,90)	6 (3,71)	9 (2,57)	6 (2,46)
Данила	12-13 (1,86)	23-25 (0,88)	18 (1,28)	16-17 (1,37)
Тимофей	12-13 (1,86)	11 (2,35)	12 (2,2)	13 (1,85)
Афанасий	14 (1,79)	13 (1,94)	14 (1,68)	9-10 (2,12)
Борис	15-16 (1,76)	15-16 (1,36)	15-16 (1,6)	26-29 (0,68)
Яков	15-16 (1,76)	12 (2,13)	13 (1,88)	8 (2,26)
Никита**	17 (1,69)	10 (2,75)	11 (2,32)	15 (1,51)
Алеша**	18 (1,39)	19 (1,1)	-	18-19 (1,16)
Матвей	19 (1,32)	22 (0,92)	21 (1,81)	20-21 (0,96)
Владимир	20 (0,95)	44-48 (0,33)	62-74 (0,12)	95-114 (0,14)
Гаврила	21-22 (0,85)	15-16 (1,36)	20 (1,12)	20-21 (0,96)
Алексей**	31-32 (0,41)	18 (1,21)	15-16 (1,6)	95-114 (0,14)
Никифор**	24-25 (0,64)	20 (1,03)	28-30 (0,68)	58-65 (0,34)
Прокофий**	58-69 (0,07)	42-43 (0,37)	19 (1,2)	-
Кузьма	38-39 (0,2)	28 (0,81)	28-30 (0,68)	9-10 (2,12)
Митька**	-	29 (0,77)	-	12 (1,92)
Максим	70-114 (0,03)	40-41 (0,4)	39-41 (0,44)	16-17 (1,37)
Игнат	26 (0,61)	26-27 (0,84)	25-27 (0,72)	18-19 (1,16)

**Степень распространенности этих имен не совпадает в связи с различиями в возможности учета полных и гипокористических форм.

Как видим, единообразие популярных календарных имен значительно больше, что не удивительно, поскольку здесь не приходится говорить о каких-либо значительных региональных особенностях. Тем не менее наличие моды на имена заметно. Так, во второй половине XVI в. значительно упала популярность имен *Владимир* и *Андрей*. Возможно, это следует связывать с судьбой двоюродного брата Ивана Грозного, князя Владимира Андреевича Старицкого, обстоятельства жизни и трагическая смерть которого наверняка были широко известны в русском обществе. Можно предположить также наличие в русском календарном антропонимике социальных предпочтений. Так, имена *Кузьма* и *Максим* выглядят преимущественно крестьянскими, а *Борис* — дворянским.

При сопоставлении процентного соотношения носителей некалендарных имен среди общего числа учтенных выяснилось, что таковое для женских дворянских имен почти в 8 раз меньше, чем мужских (1,88 и 15,59%, соответственно). Столь же низкий процент мирских имен был зафиксирован В.Б. Кобриным для лиц, принадлежавших к элите общества: для 1-й статьи Тысячной книги — 1,64%, для 2-й — 2,33%. Но в нашем случае социальный статус указанных групп был одинаков. Другие подсчеты указанного соотношения у мужских дворянских имен конца XVI в. дают цифры порядка 10—20%. Наименьшее из известных автору значений получил В. А. Никонов по Орловскому уезду — более 9%⁴⁰. Но и этот показатель почти в пять раз больше аналогичного у рязанских женских имен.

Такое несоответствие, по-видимому, объясняется тем, что для женщин, которых в писцовых книгах в подавляющем большинстве представляют вдовы, исчерпывающей характеристикой служило имя мужа. Описаны многочисленные примеры характеристики вдов вообще без личного имени⁴¹. То есть особой метки в виде некалендарного имени для вдов не требовалось. В то же время трудно представить, что в одних и тех же семьях, следовавших традиции вторых имен, при рождении девочек вспоминали о ней в 5—8 раз реже, чем при рождении мальчиков. Значит, зафиксированное источниками соотношение христианских и нехристианских имен не отражает степени реального распространения вторых. И если количество латентных женских некалендарных

имен превышает число зафиксированных, как минимум, в 5—8 раз, почему таким же порядком, как максимум, не может быть охарактеризовано преобладание латентных мужских мирских имен? Иными словами, общее число носителей некалендарных имен в исследуемое время могло быть близким 100% православного населения.

Исследование систем личных имен Рязанского уезда конца XVI в. в динамике их развития продолжим, опираясь на использованную В.Б. Кобриным формулу определения индекса конформизма имен (формулу Шайкевича):

$$K = 2A + B + 0,5C - 2E,$$

где **K** — индекс конформизма, **A** — процент носителей самого распространенного имени среди всех учтенных носителей имен, **B** — сумма таких процентов для носителей 2—5 по популярности имен, **C** — носителей 6—10 имен, **E** — имен после 20⁴². Сопоставленные данные отдельно по календарным и некалендарным именам вместе с рядом других показателей представлены в таблицах № 11 и 12.

Из показателей таблиц можно сделать следующие выводы:

1. По сравнению с общерусскими показателями середины XVI в. в Рязанском уезде к концу века единообразие зафиксированных некалендарных дворянских имен увеличивалось. При сравнимых по величине абсолютных числах носителей количество использованных имен снижалось.

2. В то же время единообразие календарных дворянских имен уменьшалось при увеличении репертуара имен.

3. Для системы крестьянских имен, при сравнении с одновременной ей системой дворянских, отмечается меньшая степень единообразия как календарных, так и некалендарных имен. При этом значение **K** для крестьянских некалендарных имен конца XVI в. примерно равно таковому для дворян 1550-х гг.

Обнаруженный процесс унификации некалендарных имен, во-первых, еще раз говорит о невозможности их характеристики как случайно даваемых прозвищ, подтверждая вывод о системности этого слоя антропонимии, о наличии в нем внутренних законов развития, а во-вторых, показывает, что русский некалендарный антропонимикон еще находился в стадии своего становления. Из всего возможно-

**Таблица 11.
НЕКАЛЕНДАРНЫЕ ИМЕНА**

	Число носителей	То же в % к общему числу	Число учтенных имен	Значение К
Двор. тетрадь	547	15,86	245	–69
Таблица № 4	540	17,79	160	–53
Таблица № 2	503	15,58	147	–33
Таблица № 7	357	19,97	169	–65

**Таблица 12.
КАЛЕНДАРНЫЕ ИМЕНА**

	Число носителей	То же в % к общему числу	Число учтенных имен	Значение К
Двор. тетрадь	2939	84,14	113	54
Таблица № 3	2495	82,21	148	21
Таблица № 1	2725	84,42	171	2
Таблица № 6	1461	80,04	167	–10

го разнообразия имен, резервом для создания которых, по сути, было все богатство лексики русского языка того времени, по семантике, благозвучию, традиции употребления и т.п. отбирались, становясь популярными, лишь некоторые.

По-видимому, указанный процесс, но трактуемый с популярным знаком, имеет в виду В.Д. Бондалетов, говоря о “выпадении” некалендарных имен из общерусского антропонимикона и, как следствие этого, о распаде последнего на локальные именные фонды⁴³. Но такое утверждение должно содержать доказательства существования общерусской системы имен до XVI в., к которому приурочивается начало ее ликвидации. Но их не будет, пока мы не будем иметь отдельного, достаточного для статистических исследований и обобщений массива некалендарных имен, хотя бы по нескольким крупнейшим русским территориям, обладавшим историко-культурным своеобразием. В целом можно выразить сомнения в существовании до XVI в. на Руси, находившейся в этот период в условиях политической и культурной раздробленности, общей системы некалендарных имен. В связи с чем представ-

ляется, что локальность, о которой говорит В.Д. Бондалетов, это ее пережитки, а не локальность в развитии.

Параллельно процессу сокращения репертуара некалендарных имен, а возможно, и как следствие его наблюдается большее разнообразие используемых календарных. Этого, очевидно, требовала необходимость более точной идентификации человека среди его окружения. Можно предположить, что, в отличие от дворян, к концу XVI в. в массе своей уже имевших в своем распоряжении дополнительный, выделяющийся из общего ряда фактор в виде фамилии, для остальных слоев населения первый процесс протекал медленнее, а второй — быстрее.

Частный случай процесса унификации некалендарных имен, по-видимому, описывает А.Н. Мирославская. На основании собственных наблюдений и работ С.И. Коткова и Г.Я. Симиной она разделяет мирские имена по месту их расположения внутри многочленных именовании на две группы⁴⁴. Указанные исследования в целом основываются на недворянском материале первой половины XVII в. В первую группу, так называемые первичные имена, включаются антропонимы, стоящие на первом месте. Поскольку в семантике таких имен присутствуют характеристики, применимые к новорожденным, считается, что они давались при рождении. Однако как первичные имена можно охарактеризовать подавляющее большинство имен-фаворитов, зафиксированных как В.Б. Кобриным, так и настоящим исследованием.

Во вторую группу, вторичные имена, включаются антропонимы, стоящие в именовании на любых других местах, кроме первого. А.Н. Мирославская считает, что такие имена давались людям, вышедшим из младенческого возраста⁴⁵, что в качестве отличия их от первичных имен послужило поводом для выделения их при записи в официальные документы. Большинство имен-аутсайдеров может быть охарактеризовано, как вторичные имена.

В рассуждениях А.Н. Мирославской вызывают возражение априорные характеристики первичных имен как данных при рождении, а вторичных — взрослым людям. Представляется, что семантика имен не играла в таком разделении решающей роли. Например, приведенные в качестве образцов первичных имен *Гневаш* и *Кручина* теоретически могли быть характеристикой взрослых людей. В свою оче-

редь, вторичные имена *Жук* (копошится как жук) и *Плешко* (родился с проплешиной) могли обозначать новорожденных. Выше уже приводились аргументы в доказательство того, что семантика некалендарных имен выходила за пределы апеллятивного значения слов, от которых они были образованы⁴⁶. По-видимому, вторичными именами были именованы, выпадавшие из русского некалендарного антропонимикона, не осознававшиеся уже полноценными личными именами. В первую очередь, такое восприятие должно было существовать у представителей средневекового чиновничества, дьяков и подьячих. В их функции в ходе проведения валовых описаний входила фиксация официальной формы крестьянских имен. При этом писцы были связаны жесткими требованиями приказных наказов записывать крестьян “по именам с отцы и прозвищи”. Как известно, под прозвищем в XVII в. понималась любая дополнительная к имени-отчеству характеристика человека⁴⁷. И писцы, встречаясь с редким, локальным личным именем, оформляли его как такое дополнение.

В качестве иллюстрации различий в условиях бытования имен первой и второй группы приведем значения **К**, подсчитанные автором по данным В.И. Тагуновой, касающимся посада г. Муром в 1628/1629 г.⁴⁸, и собственные авторские подсчеты по крестьянским именам Окологородного стана Рязанского уезда 1628—1630 гг. В.И. Тагунова приводит статистические подсчеты по некалендарным именам первой группы, “прозвищам, находящимся в функции личного имени”, по ее терминологии. **К** для них составил +87 (248 носителей, 37 имен). Во втором случае для всех некалендарных имен **К** равен –80 (292 носителя, 142 имени)⁴⁹.

Итак, на примере рязанского антропонимикона второй половины XVI в. видно, что некалендарные имена – это официальные, преимущественно даваемые при рождении именованного человека. Системы календарных и некалендарных имен в этот период века динамично развивались. В первой происходил процесс увеличения разнообразия именованных, во второй – унификация. Для рязанского антропонимикона отмечаются региональные особенности и социальные предпочтения в употреблении имен. Тем не менее вслед за В.Б. Кобриним автор считает выводы, сделанные на основании статистических данных, предварительными, требую-

щими подтверждения в ходе аналогичных подсчетов по другим средневековым источникам.

Примечания

¹Кобрин В.Б. Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV—XVII вв.) // История и генеалогия. М., 1977. С. 80—115.

²Там же. С. 83.

³Писцовые книги Рязанского края XVI—XVII вв. /Под ред. В.Н. Сторожева. Рязань, 1898. Т. 1. Вып. 1 (далее: ПКРК).

⁴Автор, изначально предполагая, что у священников были исключительно христианские имена, опасаясь получить искаженные данные по общему соотношению календарных и некалендарных имен, вел по этой группе отдельный подсчет. К удивлению, указанная пропорция для священнослужителей оказалась соответствующей такому показателю по всему уезду – 18%.

⁵Желающих лично проверить настоящие подсчеты автор предостерегает от использования указателя к исследуемым писцовым книгам, составленного А.И. Цепковым “Писцовые книги Рязанского края XVI в.”. Рязань, 1996. Т. 1. Вып. 1. С. 601—656), содержащим многочисленные пропуски. Так, только землевладельцев пропущено там более 400.

⁶Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 82, 83.

⁷Источники составления таблицы: ПКРК. Рязань, 1898. Т. 1. Вып. 1. С. 1—9, 42, 92, 93, 257—259, 263, 282—285, 305, 311, 371—373, 377, 384; Рязань, 1900. Т. 1, вып. 2. С. 471—476, 479, 480, 482—487; ТРУАК. 1904 г., Рязань, 1905. Т. XIX. Вып. 3. С. 192—194; Памятники русской письменности XIV—XVI веков. Рязанский край. М., 1978, № 47 (далее – ПРП РК); Анпилогов Г.Н. Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI века. М., 1982 (по указ. имен); Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. М., 1997. С. 269—283; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVI в. М., 1998. № 292, 439, 443; РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 41257. Л. 36—106; № 41334. Л. 251—253; № 41473. Л. 489—501; № 41478. Л. 293—294; ОПИ ГИМ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 3. Л. 17 (По копии, любезно предоставленной А.О. Никитиным).

⁸См. об этом: Кустерев С.Н. Сотная на посад Галича 1578 года // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 167—170.

⁹Так, например из 10 дворохозяев д. Лядвиховской 4 получили название “приходец”, из 11 дворохозяев д. Попцовой 3 были “приходцами”, то есть, очевидно, это характеристика новопоселившегося крестьянина, а не личное имя или прозвище (ПКРК. Т. 1. Вып. 2. С. 473, 475).

¹⁰Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1987. Прил. 1. С. 411—615.

- ¹¹Савелов Л. М. Лекции по генеалогии. М., 1994. С. 84.
- ¹²ПКРК. Т. 1. Вып. 1. С. 282—285; РГАДА Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 397. Л. 305 об. —316 об. (по рукописной копии, любезно предоставленной А.О. Никитиным и Н. И. Зубаревой); ПКРК. Рязань, 1904. Т. 1. Вып. 3. С. 1102—1114.
- ¹³Представляется, что причина этого была не столько в неверном восприятии имени на слух, сколько в ошибочном чтении переписчиками рукописного текста. Встречается до четырех вариантов написания одного и того же имени: *Байкей, Бейкей, Бокей, Букей (Сатышев)* (ПКРК. Т. 1. Вып. 1. С. 283—284).
- ¹⁴РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 41442. Л. 15,16; ГАРО. Ф. 98. Оп. 40. Д. 9. Л. 135.
- ¹⁵Елизаровский И.А. Лексика белоозерских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958. С. 28,29; Тагунова В.И. Прозвищные имена в муромских памятниках XVII—XVIII веков // Уч. зап. Рязанского гос. пед. ин-та. М., 1967. Т. 40. С. 34,35; Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1993. С. 8—10, 28, 29; Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1969. С. 5, 19, 21, 22.
- ¹⁶Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен // Записки отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1903. Т. 6; Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 53; Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974. С. 40; Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 83—86, 88, 91, 92; Мирославская А.Н. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской антропонимии. М., 1980. С. 202, 203, 205—208.
- ¹⁷Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968. С. 106—107; Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVII веков. М., 1970. С. 244, 250, 272; Сими́на Г.Я. Фамилия и прозвище // Ономастика. М., 1969. С. 29.
- ¹⁸Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. — М., 1988. С. 68,69.
- ¹⁹Там же. С. 111.
- ²⁰Там же. С. 75.
- ²¹Антонов А.В. Из частной жизни служилых людей рубежа XVI—XVII вв. // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 160—162,164—169.
- ²²Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. /Подг. к печати А.А. Зимин. М. —Л., 1950. С. 166; Акты служилых землевладельцев... М., 1998. Т. 1. № 276, 277 (Л. 224—226, 228—233, 236—248, 250); Т. 2. № 137; ПРП РК. № 82; ПКРК. Т. 1. Вып. 1. С. 179, 239, 240; Анпилогов Г.Н. Рязанская писцовая приправочная книга... Л. 88, 127 об., 339, 346 об.
- ²³ПРП РК. № 41.
- ²⁴Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х г. XVI в. С.

- 166; ПРП РК № 72, 73, 75—77; Разрядная книга 1475—1598 г. / Подг. текста, ред. В.И. Буганова. М., 1966. С. 144, 161,166, 179, 187, 188, 199; ПКРК. Т. 1. Вып. 1. С. 25, 34, 291, 304, 375, 413.
- ²⁵РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Рязани. № 41347. Л. 53; № 41388. Л. 112, 113.
- ²⁶РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 151. Л. 1.
- ²⁷О том же в отношении крестьянских имен говорит Г.Я. Сими́на [Сими́на Г. Я. Бытовые варианты личных имен (По материалам древних письменных памятников и современной антропонимии Пинежья) // Антропонимика. М., 1970. С. 189].
- ²⁸Подольская Н. В. Указ. соч. С. 120.
- ²⁹ПКРК. Т. 1. Вып. 1. С. 46, 47, 84, 85, 273, 275, 276.
- ³⁰Подольская Н.В. Указ. соч. С. 128.
- ³¹ПКРК. Т. 1. Вып. 1. С. 276.
- ³²ПРП РК. С. 13.
- ³³ПКРК. Т. 1, вып. 1. С. 277.
- ³⁴Там же. С. 277.
- ³⁵ПРП РК. № 61.
- ³⁶Хотя, разумеется, в каждом конкретном случае употребления в документе личного имени свою роль мог играть “человеческий фактор” в виде тех или иных пристрастий как подателя “сказки”, так и писца.
- ³⁷Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 88.
- ³⁸О семантике этого имени см.: Тагунова В.И. Указ. соч. С. 47, прим. 7.
- ³⁹Эти выводы во многом соответствуют наблюдениям Т.А. Заказчиковой по Рязанскому уезду, как известно, бывшему составной частью Рязанской земли (Заказчикова Т.В. К изучению географии неканонических имен // Русская ономастика. Республиканский сборник. Рязань, 1977. С. 43).
- ⁴⁰Никонов В.А. Русская адаптация иноязычных личных имен // Ономастика. М., 1969. С. 55.
- ⁴¹По данным В.А. Никонова, в переписной книге г. Ярославля 1671 г. 39% вдов указано без личных имен (Никонов В.А. До фамилии // Антропонимика. М., 1970. С. 87, 88).
- ⁴²Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 90; Шайкевич А.Ф. Русские личные имена XX в. (по материалам загса Фрунзенского района г. Москвы) // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем: проблемы антропонимии. М., 1970. С. 90.
- ⁴³Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983. С. 108.
- ⁴⁴Мирославская А.Н. Указ. соч. С. 203, 204.
- ⁴⁵С.И. Котков и Г.Я. Сими́на считают имена второй группы прозвищами (Котков С.И. Указ. соч. С. 250, 272; Сими́на Г.Я. Фамилия и прозвище... С. 29).
- ⁴⁶К слову, яркие свидетельства в подтверждение этого тезиса содержатся в другой работе А.Н. Мирославской [Мирославская А.Н. Еще раз о древнерусских именах, прозвищах и прозваниях

// Славянский сборник. Уфа, 1962. С. 127—141 (Уч. зап. Башкирского гос. ун-та. Вып. 9, № 3)].

⁴⁷Зинин С.И. Из истории антропонимических терминов // Антропонимика. М., 1970. С. 25; Ушаков Н.Н. Прозвища и личные неофициальные имена (К вопросу о границе прозвища) // Имя нарицательное и собственное. М., 1978. С. 149.

⁴⁸Тагунова В.И. Указ. соч. С. 35.

⁴⁹Представляется, что в целом условия употребления крестьянских имен в документах XVII в. должны были заметно отличаться от таковых в предыдущее время. Крестьяне после их закрепощения не были заинтересованы в полноценной фиксации своих именовании. Скрывая свои имена, они в случае собственного побега от владельца осложняли властям поиск. Как показатель этого любопытны данные В.Н. Глазьева, сопоставлявшего данные переписных книг Воронежского уезда 1646 и 1648 гг. В зависимости от стана и книги от 19 до 30% крестьянских дворов, записанных в один источник, не находят себе параллели в другом. При этом большое число дворов было сопоставлено предположительно, не по именам дворохозяев, а по дополнительным признакам, например последовательности перечисления внутри одного населенного пункта. Вряд ли мобильность крестьянского населения за два года могла достигнуть столь внушительных размеров. А значит, указанные несоответствия во многом обусловлены различиями в именовании одних и тех же лиц (*Глазьев В.Н.* Переписная книга Воронежского уезда как исторический источник // Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. Воронеж, 1998. С. 15—22).

А.И. Гамаюнов

Лебедянь. Близость начала

В 1621 г. дворяне по Московскому списку Дмитрий Замыцкий¹ и Степан Вельяминов² со товарищи затеяли земельный спор с боярином князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким, оспаривая его права на починки Соколей и Кузьминки³, которые, по их словам, «стали... во 121-м году (1612/13 г.) на диком поле»⁴. Князь Д.Т. Трубецкой указывал на принадлежность починков Ряжскому уезду: он считал эти земли родовыми и называл их угодьями Ряжского уезда сельца Пустотина: «по даче отцу моему государя царя и великого князя Федора Ивановича Всеа Руси да по челобитью же, государь, отца м[оего] тог[о] же селца Пустотина, о угодье, что было преж сево к том[у] ж селцу Пустотину селцо Кузьминка да починок Соколье с угодьи на усть реки Мотыри»⁵. Это спорное дело интересно для нас не тем, кто прав и кто виноват, а неожиданными пояснениями — к какому уезду, Лебедянскому или Ряжскому, принадлежали спорные земли. Эти пояснения, помимо того, что имеют принципиальный характер для изучения развития Лебедянского уезда, дают бесценные свидетельства о становлении самого города.

Но прежде — о том, когда Лебедянь получила ряжские земли по реке Воронеж. Как явствует из спорного дела, оппоненты князя Трубецкого плохо представляли себе эволюцию лебедянско-ряжских земель. С большой долей уверенности документом, закрепившим новые территориальные приобретения Лебедяни, можно предположить не дошедшую до нас «Писцовую книгу Осипа Секерина и Добрыни Русанова», много раз упоминаемую в делах Поместного приказа, но ни разу не озаглавленную хронологически. К таким мыслям нас приводит сохранившаяся Лебедянская платежная книга 1617—1621 гг.⁶, в которой бывшие ряжские земли по

реке Воронеж отражены в полной мере. Теперь несколько упражнений по датировке писцовой книги: если "...во 124-м году (1615/16 г.) дано было Петру Отяеву поместье в Лебединском уезде, что сыскалося по писцовым книгам Осипа Секерина в селе Болотове, двесте чети"⁷, то сама писцовая книга не могла появиться раньше названного года; 12 июля 1615 г. "государь царь и великий князь Михаил Федорович [всеа Руси] пожаловал [в дом ко всемилостивому Спасу] в Рязком уезде на реке на Воронеже, что с Чудовым монастырем вместе, в Добринском Городище, да в селе Ратчине, да в селе Каликине полянах, в вотчину..."⁸. Приобретения названных вотчин Новоспасским и Чудовым московскими монастырями свидетельствуют, что до июля 1615 г. земли по реке Воронеж оставались в Рязком уезде. Таким образом, есть основания связывать административно-территориальные изменения между Рязким и Лебединским уездами с писцовой книгой Осипа Секерина, а сам источник поместить между 1616 и 1621 гг. Данные хронологические рамки сужаются после слов княжеского стряпчего Лукьяна Клобукова: "Поч[инок] Соколей да поч[инок] Кузминка написаны за боярином за князем Дмитрием Тимофеевичем в земляном списке 127-г[о] году [1618/1619 г. — А.Г.] в Лебединском уезде. А до тех де мест как города Лебедини не было, — то место, где ныне поч[инок] Соколей да поч[инок] Кузминка, было Рязкой уезд. А Лебединь де город стал недавно"⁹. Таким образом, писцовая книга Осипа Секерина создана между 1616 и 1618/19 гг.

В 123 и 124 гг. (1614/15 и 1615/16 гг.) князь Трубецкой называл починок Сокольский "своим вотчинным в Рязком, а не в Лебединском уезде"¹⁰, что удивляло его противников, ибо "город де Лебединь стал наперед ево челобитья во 122-м году" (1613/1614 г.), но уже не должно удивлять нас. Дмитрий Замыцкий и Степан Вельяминов, зная, как и мы, что Лебединь получила статус города с назначением воеводы в 122 г. (первым лебединским воеводой стал Лаврентий Александрович Кологривов¹¹), проецировали границы Лебединского уезда 1621 г. на 1613/14 г. Но они не знали и не смогли предположить, что развитие уезда было поступательным. Слова же — "город Лебединь... стал во 122 г." — не оставляют маневра желающим распознать в "Лебединском городище" города по образу и подобию Ливен, Данкова или Ельца — городов второй половины — конца XVI в.

А существовала ли Лебединь хоть в каком-то виде до событий мая—июня 1613 г., событий, о которых мы довольно подробно говорили выше? Давайте разберем редкие по значению и одновременно трудные для определенного толкования слова из челобитной князя Д.Т. Трубецкого: "А та, государь, вотчинка [починок Сокольский. — А.Г.] в те годы, как дана отцу моему, была в Рязком уезде, а Лебединь, государь, в те годы городом не писалась, и Лебединского уезду не было, и Лебединь, государь, была за помещики и при тебе, государе"¹².

Первая трудность — в вариативности: 1. Лебединь городом не писалась и не было Лебединского уезда, ибо в конце XVI в. не было самого понятия — «Лебединь»; 2. Лебединь городом не писалась, и не было Лебединского уезда, потому что Лебединь была владельческой деревней, тяготевшей, например, к ближайшему Данковскому уезду.

Вторая трудность — в определении тех помещиков, которые успели повладеть Лебединью при Михаиле Федоровиче до того, как она стала городом, то есть между январем и, по меньшей мере, сентябрем 1613 г.

А была ли Лебединь владельческим поселением? Да, была. В 1605 г. сельцо Лебединское городище Данковского уезда находилось в поместье за московским дворянином Никитой Дмитриевичем Вельяминовым. С падением власти Годунова Вельяминов попадает в опалу и лишается поместий¹³. Данковское поместье достается одному из фаворитов Лжедмитрия I — Богдану Сутупову¹⁴. Согласно писцовой книге 1627/28 г. в Лебединском уезде была деревня с редким названием — Сутупова¹⁵. К сожалению, нет прямых указаний на принадлежность этой деревни в начале XVII в. Богдану Сутупову, как и не известно — была ли такая деревня в Данковском уезде. Однако рискнем предположить: такая деревня была и была она в составе данковской вотчины (или поместья) Б. Сутупова. Близость земель Н.Д. Вельяминова и Сутупова объясняет заинтересованность последнего в поместье первого; скорее всего, Богдан Сутупов хорошо знал земли, о которых бил челом Лжедмитрию I в 1605 г.

В пору так называемой "Сигизмундовой раздачи" 1610 г. Н.Д. Вельяминов, присягнувший королевичу Владиславу, вернул себе Лебединское городище¹⁶, но успел ли вступить во владение реально, не известно. 18 августа 1612 г. "...в

Донковском уезде селцом Лебедянским городищем с деревнями и слободками и со всеми угодья в отчину” был пожалован Сигизмундом князь Григорий Петрович Ромодановский¹⁷. Есть свидетельство, что пути Н.Д. Вельяминова и кн. Г.П. Ромодановского пересеклись в Суздальском уезде. Земельный спор, отразившийся в челобитье кн. Ромодановского на Вельяминовых [“И Ратман... Вельяминов з братьею (Здесь надо подразумевать и Никиту Дмитриевича. — А.Г.) и дьяк Семейка Головин тебе государю изменили, с Москвы збежали”¹⁸], привел к тому, что суздальские земли у Вельяминовых были отписаны и отданы кн. Ромодановскому. Думается, такая же судьба постигла и Лебедянское поместье Никиты Дмитриевича, фактически возвращенное ему на несколько месяцев.

Скорее всего, в новое владение и Ромодановскому вступить не удалось, так как уже в октябре 1612 г. правительство победившего ополчения наметило пересмотр недавних земельных пожалований. Возможно, именно после октября 1612 г. в Лебедяни появляется гарнизон, состоящий из “приборных чинов”, испомещенный на некогда вотчинных землях. Возможно, именно казаки и стрельцы явились теми помещиками, о которых сказано в челобитной Д.Т. Трубецкого: “Лебедянь, государь, была за помещики и при тебе, государе [Михаиле Федоровиче — А.Г.]”.

Итак, Лебедянь (сельцо Лебедянское городище) существовало в 1605 г. и на правах поместья принадлежало московскому дворянину Никите Дмитриевичу Вельяминову. Нельзя исключать, что данное вотчинное испомещение произошло в конце XVI в. при Федоре Ивановиче или Борисе Годунове. Во время Смуты Лебедянское городище переходило из рук в руки (Богдан Сутупов, Никита Вельяминов, князь Григорий Ромодановский), однако нет данных о реальном владении Лебедянским городищем названными вотчинниками. После октября 1612 г. история Лебедяни как вотчинного поселения заканчивается; военный гарнизон, состоящий из стрельцов и казаков, занимается обустройством крепости. Лебедянцы претерпели немало испытаний, связанных с военными эпизодами 1613 г. В 1613/14 г. Лебедянь получает первого воеводу, Лаврентия Александровича Кологривова, и становится городом. Возникнув на базе южных земель Данковского уезда, Лебедянь между 1616 и 1618/19 гг. при-

обретает земли Рязского уезда на реке Воронеж. Таким образом, Лебедянский уезд вырос из территорий Данковского и Рязского уездов.

Примечания

¹⁷О Дмитрие Федоровиче Замыцком см.: *Сухотин Л.М.* Четвертки Смутного времени. М., 1912. С. 282; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 13920. Л. 516, 517—527 об.

¹⁸О Степане Михайловиче Вельяминове см.: *Сухотин Л.М.* Указ. соч. С. 190; Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол, 1571—1634. С. 385-386; Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974. С. 337; *Сташевский Е.Д.* Землевладение Московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911. С. 15, 34, 64, 65; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 229. Л. 179—187; Оп. 2. Кн. 13920. Л. 516, 517—527 об.

³Починок Соколий на реках Матыре и Воронеже (деревня Соколий починок, село Соколье, Сокольское, город Сокольск); починок Кузминки на реках Кузминке и Воронеже (слободка Кузминская, сельцо Кузминки, село Кузминки).

⁴РГАДА. Ф. 1209. Рязск. Неоклеенные столбцы. № 1357/62669. Л. 1. Столбец не нумерован. Спорное дело сохранилось в пяти фрагментах из 24 ставов, значительная часть текста утрачена. Нумерация, употребляемая автором, условна.

⁵“В конце XVI в. не поддающаяся точному определению территория Донско-Воронежского междуречья («А исстари-де та вотчина... за Олександром и Васильем Никитичи Романовыми, и владели-де оне по реку Дон») являлась промысловым ухажьем и «... была на оброке за крестьянами боярина Олександра Никитича» и Василия Никитича Романовых. Наличие промысловой зоны в «диком поле» объясняется сравнительной близостью рязской вотчины Романовых («села Вослебы и Скопина острошку з деревнями»), придатком которой эта зона, по существу, являлась. Не случайно в 1628 г. писцы так характеризуют эту территорию: «А прежде сего был Рязской уезд» (*Гамаюнов А.И.* Еще раз о Лебедянской вотчине Романовых // Наш край Тамбовский: Тезисы докладов и сообщений II областной краеведческой конф. Тамбов, 1991. С. 7). “И в списке боярина князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого з жалованные вотчинные грамоты 113-г[о] году (1604/05 г.) за стольники за князем Дмитрием да за князем Олександром Тимофеевичи Трубецкими отца их вотчина на Резани село Пустотин[о], что в прошлом в 93-м году [1584/85 г.] царь Федор Иванович пожаловал отца их боярина князя Тимофея Романовича, да слободка Покровская, что во 106-м году [1597/98 г.] отец их боярин князь Тимофей Романович поставил на диком поле на речке на Востеку, со всеми угодья” (РГАДА. Ф. 1209. Рязск. Неоклеенные столбцы. № 1357/62669. Л. 4—5).

⁶Эта датировка может быть уточнена; она происходит из упоминания в документе дьяка Казачьего приказа Потапа Внукова, который работал в указанном приказе в 1617—1621 гг. Настоящий список правлений и создан сравнительно поздно — после 1626 г. Именно в этом году князь Алексей Никитич Трубецкой наследует Лебедянские земли у своего двоюродного брата Дмитрия Тимофеевича Трубецкого. Если бы список с платежницы, составленной по материалам писцовой книги Осипа Секерина, не подвергся редакторской правке, в ней, платежнице, речь могла бы идти только о старом владении (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15. Л. 318—322).

⁷Из дела о земельных дачах Богдана Ильича Плещеева в Лебедянском уезде в сельце Черепяни и селе Богородицком: “И как, государь, тот Петр сослан был в Сибирь, и после, государь, ево тою землею завладели Лебедянсково уезда Болотовы слободы казаки, припустя в свои поля, а крестьян, государь, посажали за собою в захребетники”; после челобитья земли опального московского дворянина Петра Отяева были пожалованы Богдану Плещееву (РГАДА. Ф. 1209. Неоклеенные столбцы. № 10/42008 [столбец не нумерован; нумерация условная], Л. 5,6,22). Ссылка в Лебедянской писцовой книге 1627-28 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 229. Л. 134—134 об.) на выпись Осипа Секерина и Добрыни Русанова 122 г. (1613/14 г.) говорит о том, что названные писцы были у истоков земельных испомещений в новом уезде.

⁸Леонид. Вкладная книга Московского Новоспасского монастыря. СПб., 1883. С. 8.

⁹РГАДА. Ф. 1209. Рязск. Неоклеенные столбцы. № 1357/62669. Л. 2.

¹⁰В означенные годы починок Сокольский было “...велено... обыскать болшим повальным обыском не одним Рязким городом, [но] и всею Резанью”, что лишний раз показывает принадлежность поселений на реке Воронеж Рязскому уезду, а Рязского уезда — самой Рязани (РГАДА. Ф. 1209. Рязск. Неоклеенные столбцы. № 1357/62669. Л. 10).

¹¹Гамаюнов А.И. Лебедянск: Поиски начала // Вестник архивиста. 1998. № 5(47). С. 105,107,108

¹²Там же.

¹³“[1605 г.] ...и нас Рострига, пограбя, сослал на Низ, а поместья наши роздал в роздачу: мое, Микитино, данковское Лебедянское городище — Богдану Сутупову” (РГАДА. Ф. 1209. Рязань. Стб. № 40933. Ч. IV. Л. 328. Публикация: Документы первой крестьянской войны в России /Подг. текста В. И. Корецкий, Т.Б. Соловьева, А.Л. Станиславский // Советские архивы. 1982. № 1. С. 36.

¹⁴Сутупов Богдан Иванович, думный дьяк, печатник Лжедмитрия I. О нем см.: Собрание государственных актов и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 210; Акты Археографической экспедиции. СПб.,

1836. Т. II. № 115 (III). С. 220; Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Т. 4. 1588—1632. С. 426—427; Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.) /Под ред. А.М. Гневушева. М., 1914. С. 66, 67; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 503; Документы первой крестьянской войны в России. С. 36; РГАДА. Ф. 1209. Рязань. Стб. № 40933. Ч. IV. Л. 328; Разрядная книга 1598—1638 гг. С. 97, 120, 178; Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. // Смута. М., 1988. С. 179,228; Солодкин Я.Г. К предыстории Лебеядни // Население и территория Центрального Черноземья и Запада в России в прошлом и настоящем. Воронеж, 2000. С. 112—113; Тюменцев И.О. К истории калужского периода движения Лжедмитрия II // Россия XV—XVIII столетий: Сб. науч. ст. Волгоград—СПб., 2001. С. 124; Памятники Смутного времени. Тушинский вор: личность, окружение, время: Документы и материалы /Сост., вступ. ст. и комм. В.И. Кузнецова и И.П. Кулаковой. М., 2001. С. 349,350,388.

¹⁵РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 229. Л. 100—100 об.

¹⁶“[1610 г., марта 30] ...Миките Дмитриевичу Вельяминову на отчизны его..., в Донковском уезде городище Лебедин [следует: “Лебедянск”. — А. Г.] с деревнями”; “[1610 г., декабря 6] ...дан лист боярину Миките Вельяминову, учинен ему поместной оклад две тысячи четвертей, и велено дать ему из вотчины князей Шуйских...” (Акты Западной России. СПб., 1851. Т. 4. 1588—1632. С. 324, 394).

¹⁷“[1612 г., августа 18]... Пожаловали есьмо боярина нашего князя Григорья Петровича Ромодановского Стародубского да его детей князя Василья, князя Ивана, князя Петра и князя Василья меньшого в Донковском уезде селцом Лебедянским Городищем с деревнями и слободками и со всеми угоды в отчину” (Акты Западной России. Т. 4. С. 421—422).

¹⁸Ромодановский просил отдать ему земли Вельяминовых: “Царю... Владисл. Жигим. ...бьет челом холоп твой Гришка Ромодановской. Пожаловал ты, государь... велел... учинити... поместья на две тысячи чети, и нынешняго... 119-го году [1611 г.] дано мне... поместья на пятьсот чети в Суздальском уезде из села Парскова, что было велено дати Миките Вельяминову... Села Парсково дано было Ратману Вельяминову з братьею четверем человеком по двесте чети да дьяку Семейке Головину двесте ж чети...” (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1610. № 2. Л. 122—123. Публикация: Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг. /Под ред. Л.М. Сухотина // Смутное время Московского государства 1604—1613 гг. М., 1911. Вып. 8. С. 53).

А.В. Беляков

*Царь Араслан Алеевич
и посад Касимова
в начале XVII в.*

Исследователей истории Касимовского царства преимущественно интересовали условия возникновения царства и характер отношений его правителей с Москвой, роль данного образования в борьбе за Казань и дипломатических отношениях с Турцией и Крымом. Историки не уделяли внимания взаимоотношениям касимовских царей и подведомственного им населения, в том числе православного. Это объясняется, в частности, плохой сохранностью документов. Почти все дошедшие до нас известия относятся к XVII в.

Архивы касимовских царей и воевод не дошли до нас. В Москве документы, относящиеся к истории Касимова и Касимовского царства, хранились в ряде центральных приказов, в то или иное время ведавших данной территорией в XVI—XVII вв. Первоначально это был Казанский дворец. В 1619/20 г. “всякие касимовские дела” велено ведать в Посольском приказе, а в Казанском дворце оставили только служилых людей¹. После смерти касимовского царя Араслана Алеевича (1626 г.) царевичем стал его сын Сеит-Бурхан, при этом на московского царя отписали кабаки в Касимове и Елатье, касимовский посад со всеми доходами (таможня, перевоз)². До 1635/36 г., когда эти доходы вернули царевичу (по-видимому, до 27 мая 1636 г.: именно тогда, по челобитию, Сеит-Бурхану отдали елатомский кабак)³, эти доходы шли на содержание Посольского приказа. С 1653/1654 по 1669/1670 г. доходы елатомского и касимовских кабаков вновь шли в Посольский приказ. В 1669/70 г. они были переданы в Казанский дворец. 29 (30) июня 1681 г.

после смерти последнего правителя, царицы Фатимы-Султан, на царя Федора Алексеевича отписали касимовский посад, таможню и иные доходы “что к посаду из стари належит”. Теперь они ведались в Большом дворце⁴.

Степень сохранности архивов этих приказов не одинакова. Из числа находящихся в РГАДА фондов отдельные упоминания о Касимове XVII в. имеются в фондах Оружейной палаты (ф.396), Разрядного приказа (ф.210), Дел едисанских, ембулацких, буджацких и едичкульских татар (ф.112), Татарских дел (ф.131), Сношений России с Персией (ф.77). Наиболее информативными являются фонды, содержащие дела из архива Посольского приказа: Боярские и городовые книги (ф.137), Дела о Посольском приказе и служивших в нем (ф.138), Приказные дела старых лет (ф.141), Приказные дела новой разборки (ф.159)⁵. Однако это только случайные остатки первоначального комплекса документов, который можно частично реконструировать благодаря описям архива Посольского приказа 1614, 1626, 1673 гг.⁶ и записным книгам Печатного приказа (ф.233), в которых фиксировались все посылаемые из Москвы грамоты.

О взаимоотношениях касимовского царя с посадом Касимова нам дает представление грамота касимовскому воеводе Амбросию Ивановичу Лодыженскому (20 февраля 1621 г.) по челобитным посадских людей с жалобой на злоупотребления царя Араслана Алеевича при сборе налогов и решении судебных дел⁷. В ней даются пересказ челобитной касимовского царя на касимовских посадских людей в заговоре и воровстве (л.7—12), отписки касимовского воеводы Никиты Полтева (л.12—13), расспросы касимовских посадских людей — старосты Сафоньки Ширяева, Посника Позднева и Микиты Алянчикова по челобитной царя Араслана (л.13—17), упоминается о челобитной посадских людей воеводе Н.Г. Полтеву на касимовского царя о правеже на них денег “мимо государеву указу”, поданной за две недели до масленицы (л.17—18), о челобитной касимовцев царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу о злоупотреблениях Араслана Алеевича (л.18—27), о челобитной касимовского служилого татарина Бугакадиярова о притеснении новокрещенов (л.27—29), челобитной царских людей Ахмета Сеита “с товарищи” на челобитную служилого татарина Бугакадиярова (л.29—31), а также инструкции

воеводе А.И. Лодыженскому в сыске по данному делу (л.31—43) и наказная память (л.44—46). Сохранилась еще одна наказная память А.И. Лодыженскому от 8 июня 1621 г. (л. 114—116, 118—126, 128).

События развивались следующим образом. Касимовский царь Араслан Алеевич бил челом Михаилу Федоровичу в том, что 7 февраля 1621 г. на его двор пришли “касымовцы посадские люди старосто Сафонько Ширяев, да Поснитко Поздин, да Микита Аленчиков с товарищи со многими людьми”. На встречу с ними послали Ахмета Сеит Белякова. Посадские люди стали “лаять матерным и всякою лаю” его, бесчестить царя и подали челобитную с отказом подчиниться Араслану Алеевичу. Сверх этого касимовцы “поедучи ис Касимова Москве сожгли его цареву мельницу”⁸, а также “взяли воровством его царевых таможенных и кабацких денег, что было у них в зборе, пятьсот рублей и розделили по себе”, к тому же по вине касимовцев “винокурня его (царя Араслана — А.Б.) и кабаки стали”. Воевода Никита Григорьевич Полтев⁹, в то время находившийся на дворе касимовского царя, приход касимовских людей “шумом” подтвердил.

Опрос посадских людей рисует несколько иную картину. Они отвергли все предъявленные обвинения. Со слов касимовцев, выборные целовальники относят все собранные деньги царю помесечно с “царевыми людьми”, а ящик, в который деньги “збирают”, всегда “за царевую печатью” и денег у них царевых быть не может. При этом отмечалось, что воевода Н.Г. Полтев проигнорировал жалобы посадских людей на царя Араслана “норове царю ... за них с царем в остуде быть не хочет”. Следует сказать, что отношения воевод с касимовцами и царем строились по-разному. Так, воевода князь Семен Григорьевич Звенигородский¹⁰ в своей грамоте Михаилу Федоровичу отмечал: “А касимовский царь Араслан Алеевич русских воевод не любит за то, что у касимовских татар русских людей много, а дают за латышей, за некрещеных женок русских насильством и в свою их веру приводят и бусурманят, и в постные дни и в говейна велят мясо есть. И они приходят к нему ко князю Семену и плачут, что им от тотар теснота и насильство великое, и он, князь Семен, о том тотарам говорит, чтоб они русских людей за себя насильством не имали” (л. 59).

Челобитная посадских людей царю Михаилу Федорови-

чу и патриарху Филарету Никитичу дает достаточно полную картину повинностей, выполняемых ими на Араслана Алеевича: “царю делают изделие всякое, жнут и сено косят, и возят, и ставитца де ими в том на всякий год рублей по сту и болши, оприч того, что всякое дворовое изделие делают и лес и воду возят, и хоромы ставят и стор[о]жю[т] на дворе, стерегут ... человек по двадцати и болше, и толкут, и мелют и хлебы пекут ... емлет царь из лавок на себя всякие товары и лошади добрые, и коровы, и овцы, и всякую животину безденежно. А которые де их братья посадские люди учнут ему бити челом о деньгах за товары и за лошади, и за животину и он де за то велит бить плетями и батоги, и мучит насмерть... А которые де посадские де мастеровые люди плотники и ок[он]чики, и сапожники, и епанченики, и крашенинники и царь тех мастеровых людей емлет на себя делать всякое дело безденежно”. При этом, ссылаясь на прежнюю практику, касимовцы утверждают, что по “государеву уложению” в государеву казну и “прежним де касимовским, которые прет сего бывали на Касимове” царям (Шах-Али, Саин-Булат, Мустафа-Али, Ураз-Мухамед) платили оброк в 37 руб. 26 алтын 4 деньги (37,8 руб.) на год. Таким образом, на протяжении XVI в. (или, как минимум, его второй половины) размеры оброка не менялись как при смене касимовских царей, так и в период междуцарствий, когда деньги собирались на московского царя. Однако в 1633 г. оброк “с посаду с оброчных с тридцати с трех дворов да с двух мест дворовых, да с трех огородов, да с пахотные земли с касимовских новокрещенцев и с татар, и с татарских отпущенников и со всяких людей оброчных денег... пятнадцать рублей тридцать два алтына две деньги. Да с того оброку пошлин двадцать шесть алтын пол-четверть деньги”. При этом упоминается, что деньги взяты сразу за пять лет, с 1627/1628 по 1631/1632 г.¹¹ Документы говорят об упадке посада. Если раньше здесь насчитывалось “тяглых дворов с триста”, в 1621 г. “тяглых и вдовых, и бобыльских дворов с пятьдесят” (л.20), то в 30-е г. XVII в. — 33 двора и два дворовых места¹².

Причину упадка посада можно усмотреть в событиях Смутного времени. Так, в 1618 г. “как де пришел под Москву польский Жижмонта королевин Владиславов... и в те же поры был под Касимовым с Адамом Черкасским и рус-

ские вору Караулко Чермной с товарищи”¹³. Но касимовцы называют другую причину — “налоги великие” и “правежи” касимовского царя. В челобитной к Михаилу Федоровичу отмечалось, что “оне де люди бедные и не пашенные, [лес]ных за ними угодей нет”. При этом помимо указных 37,8 руб. Араслан Алеевич собирает с посада дополнительно 80 руб. в год, а также занимается прямым вымогательством. Так, на посадском человеке Дружине Ивлеве царь “доправил на себя” 80 руб. Из-за боязни правежа, при котором человека били “на смерть от утра до вечера, а на ночь разводит по пристовом, по людям своим (царя касимовского. — А.Б.) и велит ковать; и приставе де их мучат и емлют от того посулы великие”, Дружина убежал из города, оставив жену и детей на произвол судьбы. Их ожидала печальная судьба, так как имущество умерших на правеже или сбежавших отписывалось на царя, а их дворы развозились по кабакам и винокурням и шли на дрова. Существовал и иной способ вымогательства. Из лучших посадских людей царь ежегодно выбирал на кабаки, винокурни и таможду человек по 15 и больше. При этом на каждом из них правилось по 10—15 руб. ежегодно, а после завершения службы так называемые “памятные” деньги: по 10 и более руб.

Московские власти стремились к расширению православия среди мусульманских подданных. Крещение часто позволяло улучшить материальное положение и помогало сделать карьеру. В Касимове жило много новокрещенов. Челобитные посадских людей и служилого татарина Бугакадиярова утверждают, что Араслан Алеевич силой держал у себя новокрещенов и силой “бусурманил” их, выдавал замуж за мусульман, держал “в чеши и железех” за отказ вернуться в мусульманство, а также обвиняют царя в воровстве и убийстве людей. У касимовского посадского человека Савки Потапова отнял и бусурманил русскую девку; у служилого татарина Молтовского сына Белинкова отнял и, обусурманив, продал темниковскому татарину Зенмамету Башмакову; русскую женщину с дочерью, “а сказывают с Москвы боярская”, царь Араслан “велел посадить в воду ерахтурским мужикам неведомо за что”.

В челобитной Бугакадиярова упоминается и другое обвинение: “Да у царя де есть татарин, Шихом зовут, ворожит во многих мерах, а царь де его ворожбы держитца”.

Это сообщение оказывается связанным с новокрещенными. Люди касимовского царя во главе с Ахметом Сеитом в своей челобитной сообщают, что упомянутые новокрещены, калмыцкий татарин Кичейко со своим братом Богданкой, били челом на службу московскому царю “до Араслана Алеевича, а крещены они или нет того не знают”. Кичейко, Богданко и Авнасултанка (последняя, по-видимому, является женой Кичейко, упомянутой в челобитной служилого татарина Бугакадиярова) сидят у царя “за пристовом”, потому что во время прихода королевича Владислава к Москве (1618 г.), когда касимовский царь находился в столице в осаде, Кичейко отвечал за казну, а Богданко “перед царем еду ставил”; и Кичейко с Авнасултанкою окормили царя кореньями и “царю учинилася болезнь великая”.

Конец следственного дела не сохранился, поэтому о его результатах можно только предполагать. Определенную информацию дают наказные памяти воеводе А.И.Лодыженскому¹⁴ — от 20 февраля, когда он посылался для ведения следствия, и от 8 июня 1621 г., данная при смене воеводы Н.Г. Полтеву. В памяти от 20 февраля 1621 г. содержится перечень пунктов взаимных обвинений касимовского царя, посадских людей, которые должен был проверить воевода. Судя по этому документу, в Москве имели достаточно смутное представление о размерах оброка и повинностей касимовского посада на царя. Полтеву велено установить это на месте. В список обвинений не вошло преследование новокрещенов, что можно рассматривать как косвенное подтверждение прав Араслана Алеевича в суде над татарами царева двора и русскими людьми, “которые ему даны”. Вопрос о прерогативах суда царя Араслана и касимовских воевод служил постоянным поводом для переписки с Москвой с 1614/15 г. При этом права царя постоянно сокращались¹⁵.

Н. Шишкин приводит грамоты (на сегодняшний день не обнаруженные), которые позволяют восстановить дальнейшие события лета 1621 г. Оказывается, 18 июня (дата приезда А.И. Лодыженского в Касимов в качестве воеводы) следственное дело не было завершено. Касимовские посадские люди по-прежнему отказывались косить сено, жать хлеб, делать на касимовского царя всякое изделие. В свою очередь, Араслан Алеевич требовал от них полного подчинения и не прекращал насилий над ними. После неоднократных

челобитных с той и другой стороны, а также приезда в Москву посадских людей с жалобой на касимовского царя в Касимов пришла грамота от царя Михаила Федоровича, в которой он указал: посадских людей, отказавшихся подчиняться царю, “бить батоги” и посадить на неделю в тюрьму. Араслану Алеевичу велено лишних налогов не класть, дворов жаловавшихся не жечь, посадских людей без государеву указу не бить и не обижать. Воеводе установить, живет ли у царя русская женщина из Москвы с дочерью, узнать, правда ли, что Араслан у посадских людей товары брал в лавках безденежно и отбирал коров и лошадей¹⁶.

16 октября 1621 г. в Касимов царю Араслану отправлена грамота от царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, в которой подтверждались его прежние судебные права, сложившиеся к 1620 г.¹⁷ По-видимому, это следует рассматривать как завершение судебного дела.

Восстановить список повинностей, выполняемых посадом в пользу касимовского царя, позволяют приходно-расходные книги Посольского приказа. В период с 1627/28 по 1636 г. указывается, что в доход приказа от откупщиков деньги поступали “с Касимова и посаду и касимовского уезду таможенных, и кабацких, и мытных, и перевозных, и с рыбных ловель, и с сенных покосов, и с мельницы, и с соловолошни, и с воскобойни, и с сула, и с квасу, и с харчевен...”. Кроме того, упоминаются “оброчные деньги, которые остались за откупом”: “лавочного оброку” — 30 руб. 46,5 коп., “хлебного и калачного ясаку” — 6 руб., “сапожного ясаку” — 1,5 руб., стуловых пошлин — 3 руб. 15 коп., “с скамей что торгуют в ряду перед лавками” — 28 коп., “с скамей же где торгуют всякими товарами за рядом по четвергом” — 1 руб. 85,5 коп., “с рыбников которые торгуют за рядом свежую рыбой” — 75,5 коп., с двух кузниц у реки Оки — 1 руб., “с трех дворов и места где живут прикащики Ивана Строгонова” и где “соль ставят” — 6 руб. 5 коп., с двора “прикащика” И. Строгонова Епифана Семенова — 52,5 коп. Итого — 51 руб. 58 коп. В городе имелся фруктовый сад царя Ураз-Мухаммеда размером 43 на 42 сажени (93 на 91 метр), в котором росло 70 садовых и лесных яблонь, а также вишневые деревья, занимавшие площадь 16 на 18 сажень (33,5 на 39 метров), сдаваемый в оброк за 40 коп. в 1627/28 г., 25 коп. в 1629/30 г., 7,25 коп. в 1630/31 г., 60

коп. оброка и 3 коп. пошлыны в 1633/34 и 1634/35 гг.¹⁸ Отметим, что упоминание термина “ясак” указывает на достаточную древность этих податей. Судя по всему, их можно отнести, с некоторыми оговорками, к первой половине XVI в.

Остается открытым вопрос: послужило ли вышеуказанное разбирательство поводом для отписания касимовского и елатомского кабака, а также касимовских таможи и посада на Михаила Федоровича? Ясно, что взаимоотношения между Арасланом Алеевичем и его “подданными”, как православными, так и мусульманами, являлись достаточно сложными. Передача в ведение касимовского царя тех или иных категорий населения рассматривалась последним как бедствие. Говорит об этом и челобитная жителей елатомского посада, всячески боровшихся с передачей их в поместье касимовского царя в 1619/20—1622 гг.¹⁹

Примечания

¹РГАДА. Ф. 141. Д. 1625/20. Л. 1; Д. 1622/8. Л. 45—46.

²РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 2. Л. 9.

³Возможна несколько иная датировка. В писцовой книге г. Касимова писца П.С. Воейкова и подъячего П. Ракова 1627 г. имеется следующее упоминание: “На Елатье на посаде кабака... и владет тем кабаком царь Араслан по Государеве цареве и великаго князя Михаила Федоровича вся России грамоте с 128 году по свою смерть, по 134-м году апреля по 24 число (по-видимому, дата смерти царя Араслана. — А.Б.), и с 134-го тем кабаком владет сын его касимовский царевич Сеит-Бурган по 136 год, а в 136-м тот елатомский кабака... отдан в откуп великаго государя святлейшего патриарха Филарета Никитича Московскаго и всея России крестьянину Левке Кастрикину с товарищи” (цит. по: *Шишкин Н.* История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1999. С. 96—97). Таким образом, с 24 апреля 1636 г. елатомский кабака, а также, по-видимому, посад г. Касимов с таможей и кабаками некоторое время принадлежали царевичу Сеит-Бургану.

⁴РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2993. Л. 9—12.

⁵Центральный Государственный архив древних актов СССР: Путеводитель. М., 1991. Т. 1. С. 530.

⁶Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960; Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1—2; Опись архива Посольского приказа 1673 г. М., 1990. Ч. 1—2.

⁷РГАДА. Ф. 141. Д. 1622/8. Л. 7—46. Далее в скобках указываются листы этого дела.

⁸По-видимому, речь идет об одной из двух мельниц на реке Гусь (см.: РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2993).

⁹Известен с 29 октября 1620 г. по 8 июня 1621 г. (см.: РГАДА. Ф. 141. Д. 1622/8. Л. 82—83, 94—96, 114—116, 118—126, 128).

¹⁰Известен с 3 июня 1615 по 5 февраля 1616 г. (см.: *Козляков В.Н.* Две малоизвестные коллекции столбцов XVI—XVII вв. // Рязанская вивлиофика. Исторический альманах. Рязань, 2001. Вып. 2. С. 32—33). По А.П. Барсукову упоминается вместе с Иваном Степановичем Колтовским в 1614/15 г. (см.: *Барсуков А.П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1906 г. С. 95).

¹¹РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Романов. № 1. Л. 4 об., 6.

¹²РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 13. Л. 21.

¹³*Беляков А.В.* Касимов после Смутного времени (по документам РГАДА) // Рязанская вивлиофика. Исторический альманах. Рязань, 2001. Вып. 2. С. 34.

¹⁴Упоминается с 8 июня 1621 г. (РГАДА. Ф. 141. Д. 1622/8. Л. 114—116, 118—126, 128) по 21 мая 1623 г. (ТРУАК. 1886. Рязань, 1887. Т. 1. Вып. 2. С. 55). Вместе с ними в Касимове находился Иван Вышеславцев (Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. I. Л. 569).

¹⁵*Беляков А.В.* Указ. соч. С. 31—38.

¹⁶*Шишкин Н.* Указ. соч. С. 61—69.

¹⁷*Беляков А.В.* Указ. соч.; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. III. С. 234—235.

¹⁸РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Романов. № 1. Л. 61—70 об., 136—142.

¹⁹*Беляков А.В.* Указ. соч. С. 35.

В.В. Крючков

*Дворянское хозяйство
Рязанского края
во второй половине
XVIIII века*

Проблемы помещичьего хозяйства второй половины XVIII в. стали вызывать интерес исследователей еще в конце XIX столетия¹. В советской послевоенной историографии они вышли на первый план. В центре внимания историков оказались удельный вес и размещение дворянского душе- и землевладения, степень товарности помещичьего хозяйства, размеры и формы крестьянских повинностей, дворянское несельскохозяйственное предпринимательство². В монографии И.Д. Ковальченко был изучен вопрос о формах крестьянских повинностей в Рязанской губернии на рубеже XVIII—XIX вв.³ Особое значение имели работы Л.В. Милова и Я.Е. Водарского. Милов исследовал важнейшие источники по истории дворянского землевладения — материалы Генерального межевания — и предложил методику их использования. Водарский на основе Примечаний к Генеральному межеванию выявил удельный вес и размещение дворянского землевладения.

В настоящей статье объектом исследования избрано дворянское хозяйство Рязанского края второй половины XVIII в. Данные о его состоянии извлечены из материалов ревизий, Генерального межевания, Примечаний к Атласу 1797 г., топографических описаний Рязанского наместничества, делопроизводственной документации и источников личного происхождения⁴.

Рязанская губерния, наряду с Тульской, Орловской, Курской, Харьковской, Тамбовской и Воронежской, относилась к Центральному черноземному району. В связи с природно-климатическими и хозяйственными условиями на ее территории выделялись три района, “стороны” — Степная, Рязанская и Мещерская.

Мещерская сторона занимала северную часть Рязанского края, между Окой и границей Владимирской губернии. В этой полосе располагались Егорьевский, Касимовский, Спасский уезды и северная часть Рязанской округи. Для данного района были характерны илистые и песчаные почвы. Значительные площади Мещерской стороны занимали леса, озера и болота. Южнее, в междуречье Прони и Оки, находилась Рязанская сторона. В нее входили Зарайский и значительные части Рязанского, Михайловского и Пронского уездов. В Зарайском и Рязанском уездах почвы были суглинистые и песчаные, а в Михайловском и Пронском — деградированные черноземы. К югу от Рязанской стороны, между границами Тамбовской губернии, Спасского уезда и реками Проней и Рановой, лежала Степная сторона. На ее территории находились Раненбургский, Данковский, Скопинский, Ряжский, Сапожковский, частично Михайловский и Пронский уезды. Почти лишенный лесов, этот район выделялся плодородными черноземами⁵.

Природные условия в вышеуказанных районах обуславливали характерные черты и особенности организации хозяйства.

Основным занятием населения губернии являлось земледелие, а главными культурами — рожь, пшеница и овес. Кроме того, выращивались гречиха, ячмень, горох, чечевица, просо. Из технических культур были распространены лен и конопля. Хозяйство велось по трехпольной системе, с применением деревянной сохи с железным наконечником⁶. Развито было и скотоводство. Наиболее плодородными являлись земли Рязанской и Степной сторон. Эти районы являлись поставщиками товарного хлеба на Лебедянскую ярмарку, в Москву, Коломну, Рязань, Касимов⁷. С севера на юг плодородие почв повышалось, и если в Рязанской стороне для получения высоких урожаев требовалось унавоживание, то южнее в этом не было необходимости. В уездах Мещерской стороны условия не позволяли успешно выра-

шивать зерновые, и хлеб туда ввозился с юга губернии. Поэтому на севере губернии были распространены промыслы, а также выращивание товарного хмеля⁸.

Характерные черты и особенности трех районов накладывали свой отпечаток на расположенные там помещичьи хозяйства, что диктует необходимость использования районированных выборов.

Во второй половине XVIII в. в Рязанской губернии численность помещичьих крестьян постоянно возрастала. По второй ревизии их насчитывалось свыше 219 тыс. душ, по третьей — свыше 254 тыс., по четвертой — более 307 тыс., а по пятой — около 311 тыс.⁹ Вместе с тем, удельный вес помещичьих крепостных в населении губернии постепенно сокращается — с 74% в середине столетия до 68 % в конце века¹⁰.

Распределение крепостных среди дворян было неравномерным. По принятой классификации владельцы 1—20 душ относятся к мельчайшим, среди которых выделяются владельцы 1—10 душ (неимущие) и 11—20 душ (малоимущие). Душевладельцы, имевшие от 21 до 100 душ, относятся к мелкопоместным, от 101 до 500 душ — к средним, от 501 до 1000 душ — к крупным, а свыше 1000 душ — к очень крупным (крупнейшим)¹¹.

По данным пятой ревизии, примерно половину всех рязанских душевладельцев составляли лица, имевшие не более 10 душ, то есть неимущие (см. приложение 1). Больше всего их было в Скопинском уезде (61,8%). Немного меньше была доля неимущих в Пронской округе (58,3%). Не случайно М.Е. Салтыков-Щедрин, хорошо знавший жизнь Рязанской губернии, собирательно назвал бедных дворян “прончатами”: “Только горевые мы, сударь, дворяне! Не знаю, как теперь, а в старину нас «прончатами» называли!”¹² Сравнительно много неимущих было в Ряжском, Рязанском, Зарайском и Михайловском уездах, а в крайних северных и крайних южных уездах эта прослойка была гораздо меньше. В Егорьевской и Касимовской округах ее удельный вес не превышал 1/4, в Раненбургской составлял 28,6%, а в Данковской — примерно 33%.

Владельцы 10—20 душ составляли около 27,2%. Сравнительно много их было в Сапожковском (34,3%), Раненбургском (32,8%), Егорьевском (32,4%) и Данковском (31,8%) уездах.

Таким образом, подавляющее большинство рязанских душевладельцев (свыше 72%) относились к мельчайшим (см. приложение 1). Наибольшая концентрация мельчайших наблюдалась в Пронском (84%), Ряжском (79,3%) и Скопинском (79,2%) уездах. Напротив, в Касимовском, Егорьевском, Раненбургском и Данковском она была значительно меньше, чем в среднем по губернии, и колебалась от 53,8 до 64,5%.

Собственно мелкопоместных насчитывалось примерно 20% от общего числа душевладельцев губернии. Наибольший вес эта прослойка имела в Касимовском (29,8%), Егорьевском (28%) и Раненбургском (24,1%) уездах.

Численность средних душевладельцев была невелика и составляла около 9%. Наибольший удельный вес эта группа имела среди душевладельцев Егорьевского, Касимовского, Данковского и Раненбургского уездов. В них он колебался от 12,3 до 14,8%. Относительно много владельцев этой группы было в Спасском уезде. Наименьшая доля средних душевладельцев была в Пронском (4,7%), Рязанском (6,7%) и Скопинском (5,7%) уездах.

Очень малочисленной в Рязанской губернии была группа крупных душевладельцев. Ее удельный вес в целом по губернии составлял менее 1%. В Раненбургском уезде насчитывалось девять крупных владельцев, в Спасском — восемь, в Рязанском и Сапожковском — по семь. Наибольший удельный вес крупных был в Раненбургском (2,2%), Спасском (1,8%), Касимовском (1,6%) и Сапожковском (1,5%) уездах. В других округах их доля была гораздо меньше, а в Зарайской помещий с числом душ свыше пятисот не имелось вообще.

Что касается крупнейших помещиков, то их насчитывалось менее 0,5%. Более всего их было в Егорьевском (1,5%), Касимовском (0,8%) и Спасском (0,7%) уездах. В Зарайском, Раненбургском и Скопинском уездах владения с числом душ свыше тысячи отсутствовали.

Из приложения 1 следует, что расслоение по величине душевладения несколько отличалось по масштабам в зависимости от уезда. Сравнительно большей долей средних, крупных и очень крупных помещиков выделялись Егорьевский, Касимовский, Данковский и Раненбургский уезды. В них она составляла от 14,5 до 17,1%. Эти крайние северные и южные уезды объединяло то, что они занимали террито-

рии, сравнительно поздно подвергшиеся дворянской колонизации.

Следует отметить, что при группировке рязанских душевладельцев по количеству принадлежавших им крестьян мы опирались на методику, апробированную Н.М. Шепуковой¹³. Она заключается в том, что число помещиков и их крестьян подсчитывается без учета владений одного помещика, находившихся в разных уездах. При таком подходе данные о численности помещиков являются несколько завышенными, так как один и тот же душевладелец может быть учтен несколько раз, если владел крестьянами в разных округах. Чтобы выяснить, насколько велика погрешность, сравним данные о числе помещиков по пятой ревизии, полученные по методике, использованной Н.М. Шепуковой, с данными той же ревизии, полученными с учетом владений одного помещика во всех уездах губернии (см. приложение 3). Как видим, они отличаются незначительно, погрешность колеблется от 0,1 до 4% и в среднем составляет 1,6%. Таким образом, методика, использованная Н.М. Шепуковой, имеет высокую степень достоверности, а следовательно, и наши выводы о расслоении рязанских душевладельцев вполне корректны.

Наряду с крестьянами, важнейшим средством производства, находившимся в руках дворянства, была земля. На время Генерального межевания общая площадь Рязанской губернии составляла 3690 тыс. десятин, из которых 2523 тыс. (68%) принадлежали помещикам¹⁴. Больше всего земли было у дворян в Касимовском и Пронском уездах (94 и 81%), меньше всего — в Раненбургском и Скопинском (40 и 44%), в которых находилось много дворцовых земель и земель однодворцев¹⁵. Рязанским дворянам принадлежали 67,8% пашни, 71,9% сенокосов и 68,3% лесов¹⁶.

Для того чтобы рассмотреть расслоение рязанских помещиков по размерам землевладения, нами была использована методика, предложенная Н.В. Киприяновой¹⁷. На ее основе выборочно обследованы три уезда — Егорьевский, Михайловский и Рязанский. Выбор данных уездов обусловлен тем, что они представляют два района Рязанской губернии (Мещерскую и Рязанскую стороны), различающихся по природным условиям и хозяйственному развитию. Егорьевский уезд типичен для Мещерской, а Михайловский и

Рязанский уезды — для Рязанской стороны. От обработки данных по какому-либо из уездов Степной стороны пришлось отказаться, так как во второй половине XVIII в. земли дворян в них не были отделены от земель однодворцев, в силу чего в расчетах могли бы появиться значительные погрешности.

Обработка данных по трем вышеуказанным уездам показала, что большинство рязанских землевладельцев имело не более 150 десятин земли (см. приложение 2). В Рязанском уезде удельный вес этой группы помещиков составлял примерно 71%, в Михайловском — примерно 69%, в Егорьевском — около 44%. В Рязанском и Михайловском уездах им принадлежала примерно 1/10 помещичьей земли, а в Егорьевском — 1/20.

Гораздо меньше был удельный вес прослойки помещиков, имевших 151—300 десятин. В Рязанском уезде он составлял 11%, в Михайловском — 9,9%, в Егорьевском — 22%. Во всех уездах им принадлежали 7—8% помещичьего земельного фонда.

Удельный вес владельцев 301—1500 десятин составлял в Рязанской округе 14,3%, в Михайловской — 15,2%, в Егорьевской — 25,4%. В их собственности, соответственно, находилось 29,31 и 26,6 % помещичьей земли.

Очень малочисленной была группа помещиков, владевших 1501—7500 десятинами. В Рязанском, Михайловском и Егорьевском уездах она составляла 3,5, 6,2 и 8,1%, а удельный вес их землевладения — 35,1, 38,2 и 42,5%, соответственно.

Дворян, имевших свыше 1500 десятин, насчитывалось в Рязанском уезде 0,5%, в Михайловском — 0,1%, в Егорьевском — 1%. Им принадлежали 17, 14,6 и 17,8% земли.

Таким образом, среди рязанских землевладельцев преобладали сравнительно мелкие, причем в Рязанском и Михайловском уездах их удельный вес был выше, чем в Егорьевском. Несколько большие размеры поместий в Егорьевском уезде обуславливали малопродуктивные почвы, а также то, что значительная часть территории была занята лесами и болотами. В густонаселенных (как податными, так и дворянами) Рязанском и Михайловском уездах преобладали более мелкие барщинные имения.

Интересные результаты дает анализ доли пашни в зем-

левладении разных групп. В Рязанском уезде у владельцев 1—150 десятин она составляла 70,8%, у владельцев 151—300 десятин — 49,4%, у владельцев 301—1500 десятин — 40,8% (см. приложение 2). Подобное уменьшение доли запашки по мере увеличения размеров имений наблюдается и в других обследованных нами уездах — Михайловском и Егорьевском. Это может объясняться тем, что чем меньше земли было у помещика, тем больше должен был быть удельный вес той ее части, рента с которой шла на удовлетворение потребностей дворянина. В Рязанском уезде доля пашни у владельцев 1—150 десятин превышала долю пашни в помещичьих хозяйствах по уезду в целом в 2,3 раза, в Михайловском — в 1,25 раза, в Егорьевском — в 1,7 раза. Такое преобладание пашни неизбежно сопряжено с низким удельным весом других угодий, в том числе, жизненно важных для помещичьих и крестьянских хозяйств второй половины XVIII в. сенокосов и лесов. Тем более, что в среднем по губернии 8,2% помещичьих земель занимали поселения и неудобья¹⁸. Следовательно, чем мельче были размеры земельных владений помещика, тем меньше имелось возможности для дальнейшего расширения запашки.

На основе данных по Егорьевскому уезду сопоставим количество душ у помещиков с количеством имевшейся у них земли. В группе владельцев 1—150 десятин были почти исключительно бескрестьянские и мельчайшие душевладельцы. В группе владельцев 151—300 десятин их доля снижается до 77,7%, а в группе 301—1500 десятин — до 38%. Собственно мелкие душевладельцы (21—100 душ) имели в основном поместья в группе от 301 до 1500 десятин. Более мелкие и более крупные угодья встречались в их собственности гораздо реже. Из средних душевладельцев не было ни одного помещика, который владел бы угодьями площадью менее 301 десятины. Они имели поместья в группах 301—1500 и 1501—7500 десятин. Все крупные и крупнейшие душевладельцы имели поместья размером свыше 1500 десятин¹⁹. Схожая картина наблюдается и в обследованных нами Рязанском и Михайловском уездах. Явные диспропорции в размерах душе- и землевладения встречались как исключение. Например, М.И. Всевожская и три ее сына имели 58 душ и около 17 тыс. десятин земли. Почти все эти угодья были заняты лесами, а пашня составляла 365 деся-

тин (2,1%). Скорее всего, у Всеволжских имелись крепостные и за пределами Рязанской губернии, но их поместные земли в Егорьевском уезде явно не были обеспечены рабочей силой. Вероятно, именно невозможность в полной мере использовать эти обширные угодья заставила Всеволжских в конце века продать их А.Р. Баташову.

В Рязанской губернии существовала прослойка помещиков, владевших только землей. В Егорьевском уезде их было примерно 30%, в Рязанском — 38%²⁰. Часть из них могла иметь крестьян в других уездах. Однако основную массу таких дворян составляли представители оскудевших семей.

Что касается лиц, одворянившихся в XVIII столетии, то по размерам душевладения они мало отличались от “природных” дворян. По происхождению их недвижимые имения обычно являлись покупными, но было немало и полученных по наследству. Поскольку многие одворянившиеся проживали в городах, то их крепостные зачастую были прислугой при доме.

Среди одворянившихся в XVIII в. также была сильна имущественная дифференциация. Очень богаты были выходцы из купеческого сословия. А.Р. Баташов имел около 1600 душ²¹, Н.П. Хлебников, живший в Пронском уезде, владел Истьянским железным заводом, игольными фабриками в селах Столпцы и Коленцы, при которых насчитывалось свыше 1300 крепостных²². Огромное состояние получила в приданое его сестра Анна Петровна. В 1790 г. отец, П.К. Хлебников, передал ей полотняную фабрику в Рязанском уезде, при которой числилось 1800 душ. В ее собственность перешли все припасы, находившиеся при фабрике, и долговые расписки мастеровых, что по особым реестрам оценивалось в 37 тыс. руб.²³ Сверх того, ей был дан дом “в двадцать тысяч рублей” и движимое имущество более чем на 40 тыс.²⁴ Поместья средних и крупных размеров встречались и у представителей родов, одворянившихся во втором поколении, таких как Н.П. Меншиков, И.В. Фатов, Е.Я. Кильхен²⁵. Свыше 600 душ имел “по приданству” от купеческой дочери Ф.А. Кузнецов²⁶.

На противоположном полюсе находилась прослойка тех, кто не имел крепостных. Обычно это были чиновники, не считавшие нужным заводить помещичье хозяйство, такие как рязанский уездный казначей С.Ф. Белохов, ряжский

штаб-лекарь М.О. Княгинецкий. Всю их недвижимость зачастую составлял дом, но у некоторых и его не было. В качестве источника существования таких лиц упоминаются жалованье в местных учреждениях, инвалидов и штатных командах, пенсии. Беднейшие из них заканчивали жизнь в богадельнях²⁷. К этим лицам примыкала прослойка тех, кто владел несколькими дворовыми при доме.

Некоторые из одворянившихся покупали землю без крестьян, как, например, подпоручик А.И. Липнягов из Рязани. В нескольких местах он приобрел свыше 40 десятин²⁸. Только землей владела и значительная часть однодворцев, восстановивших дворянство в конце XVIII в. (Барсуковы, Томилины, Кроткие, Острецовы и другие)²⁹. Лица, имевшие только землю, либо обрабатывали ее лично, либо сдавали в наем. Тот же А.И. Липнягов купил гораздо больше земли, чем можно было обработать личным трудом членов его семьи.

Приведенные выше данные о помещичьем душе- и землевладении в Рязанской губернии показывают, что подавляющее большинство рязанских помещиков относилось к бедным. Это подтверждают и свидетельства современников. Сенатские ревизоры, побывавшие в Рязанской губернии в 1787 г., доносили о множестве местных “дворян, не имущих почти пропитания”³⁰. На это указывалось и в донесениях местных властей³¹. Имение в 10 душ сами рязанцы воспринимали отнюдь не как самое мелкое. Предводители дворянства считали нужным выделять еще и помещиков, имевших от одной до пяти душ³². Между тем, по характеристике рязанского дворянина П.А. Кропотова, помещик, владевший пятью крепостными и двадцатью четвертями земли, был никто иной, как “бедный голяк”³³. Если так, то к концу XVIII в. “голяки” составляли свыше трети рязанских душевладельцев³⁴. А ведь как отмечалось выше, в губернии была прослойка дворян, не имевших крестьян.

Во второй половине XVIII в. дворянское владение расширилось. В 1762 г. на территории будущей Рязанской губернии были осуществлены крупные пожалования. В руки частных владельцев перешли большие дворцовые торговые села на Оке — Дедново, Ловцы и Белоомут. Их получили царские приближенные М.И. Измайлов, М.С. Похвиснев, А.И. Рославлев, М.Е. Ласунский и И.Е. Баскаков. Измайлову принадлежало Дедново, в котором было свыше 2300 душ³⁵.

Похвистнев, Рославлев, Ласунский и Баскаков совместно владели селами Ловцы и Белоомут, где каждому из них принадлежало около 900 крестьян³⁶. Жители этих селений занимались в основном торговлей скотом, салом, кожами, рыбой, лесом. В Деднове каждую среду и субботу проводились торги, а часть товаров направлялась в Москву на стругах и баржах, которые строили дедновские крестьяне. Хлебопашеством в селах не занимались вовсе, причем в дачах сел Дедново и Белоомут даже не было пашни, а в Ловцах вся пашенная земля сдавалась в наем крестьянам из соседней деревни. Об уровне доходов жителей приокских торговых сел говорит тот факт, что в них имелись каменные крестьянские дома³⁷. Соответственно, высокий доход получали и их владельцы. В начале 80-х гг. оброк в Деднове составлял 10, в Ловцах — 9, а в Белоомуте — 8 руб. в год при средней сумме оброка в уезде 4—5 руб.³⁸

В конце столетия Дедново, Ловцы и Белоомут по-прежнему находились в руках Измайловых, Баскаковых, Похвистневых, Ласунских и Рославлевых, которые оставались крупными помещиками³⁹. Другие владельцы в этих дачах не появились.

Расширением дворянского землевладения сопровождалось Генеральное межевание. Помещики смогли укрепить за собой захваченные земли по сравнительно невысоким ценам. Кроме того, им были распроданы казенные угодья в Рязанской и Липецкой засеках. Основные приобретения были сделаны богатыми помещиками, крупными чиновниками и представителями знатных родов, такими как Измайловы, Козловские, Барятинские, Волконские.

Новая волна пожалований на территории Рязанской губернии относится ко времени царствования Павла I. В этот период в частные руки перешло последнее торговое село Любичи. Около 700 числившихся в нем душ и 3400 десятин земли были пожалованы генерал-лейтенанту П.И. Измайлову⁴⁰. Крупные земельные раздачи получили князья Куракины. По Сенатскому указу от 5 апреля 1797 г. генерал-прокурору Сената А.Б. Куракину в потомственное владение были отданы вотчина Велье в Псковской губернии и 20 тыс. десятин казенной земли в Тамбовской губернии⁴¹. Кроме того, пожалование получили князья Гиковы, генерал-фельдмаршал Н.В. Репнин, капитан С.Г. Телеснин⁴². В раздачу им пошли разные казен-

ные земли, в том числе леса, оброчные пустоши и участки внутри бывших монастырских владений.

Часть пожалованных в конце XVIII в. земель была быстро продана, и уже в 1797 г. многие дачи сменили владельцев. Пожалованные земли приобрели Н.В.Хомяков, П.Н. Дубовицкий, Н.М. Васильчиков, И.И. Вердеревский, М.В. Муромцев, Г.П. Оболонский, И.И. Демидов и некоторые другие. Все эти лица были богатыми дворянами, крупными и средними душевладельцами. После межевания рязанские помещики напрямую приобретали казенные земли не только пожалованием, но и покупкой. В 1796 г. именным указом в Рязанской губернии было разрешено продать дворянам часть казенных угодий, в том числе все земли, которые сдавались в оброк от казенной палаты. В Рязани успели провести три аукциона, прежде чем воцарившийся Павел I отменил принятое решение⁴³. Поэтому лишь часть сделок была утверждена.

Выделение пожалованных земель в конце XVIII в. происходило с большим трудом. На подбор угодий Куракиным ушло более полугода. Первоначально Куракины рассчитывали получить землю в Стрелецкой, Зарецкой и Спасской слободах Михайловского уезда, но затем им пришлось отказаться от этого. Эти угодья были заняты отхожими пашнями и покосами пахотных солдат, которые испытывали дефицит земли и всегда жестко отстаивали свои права. В счет общей площади пожалования землю набирали по всей Рязанской губернии небольшими участками, иногда площадью всего несколько десятин. В конечном счете для удовлетворения Куракиных пришлось отдать оброчные земли Рязанской казенной палаты и экономических крестьян. Последние, как могли, защищали свои интересы, что стало причиной многих судебных тяжб. В общей сложности так называемое “дело о куракинской земле” тянулось более полувека⁴⁴.

О трудностях, с которыми было сопряжено расширение имений за счет казенных земель, свидетельствуют записки А.М. Лунина. Сначала Лунин приобрел на торгах несколько казенных покосов, но сделки не были утверждены. Тогда он решил добиваться пожалований. Для этого он составил прошение на имя императора с общей просьбой “о помощи не по заслугам, а из милосердия”⁴⁵. Его Лунин опустил в знаменитый ящик у Зимнего дворца. Затем, чтобы “подкре-

пить” прошение, Лунин послал письмо к секретарю Павла I, своему приятелю и родственнику Ю.А. Нелединскому-Мелецкому. Покровителю Лунин открыто писал, что хотел бы получить три луга в Спасском уезде общей площадью 816 десятин⁴⁶. Но попытка не увенчалась успехом. Нелединский-Мелецкий сообщил, что на пожалования можно будет надеяться “в другое время... гораздо обождавши, и как забудут великия нынешние раздачи”⁴⁷. Свою неудачу Лунин пытался компенсировать покупкой у Куракиных части пожалованной им земли. Однако выгодная сделка на 68 десятин вскоре была расстроена, так как Куракиным было велено вернуть эту землю в казну, а взамен взять другую⁴⁸.

Казенные угодья, перешедшие к рязанским помещикам после Генерального межевания по покупке и по пожалованиям, были хорошими по качеству. Доля пашни и сенокосов была в них очень высока, а некоторые дачи почти целиком состояли из сенокосов и пашни, без неудобий. Так, из 17 десятин пустоши Комаревская, пожалованной Куракиным, на пашню приходилось 16 десятин⁴⁹. Участок в 84 десятины, отрезанный от села Агломазова и пожалованный Н.В. Репнину, являлся пашней на 98%⁵⁰. Некоторые помещики не замедлили сдать приобретенные угодья в аренду, причем за очень высокую плату, что также свидетельствует о качестве угодий⁵¹.

В целом количество пожалованных и проданных после межевания земель было невелико. Например, в Рязанском уезде к помещикам перешли таким образом 28 дач общей площадью около 1100 десятин. За счет этого площадь помещичьих земель в уезде увеличилась примерно на 0,3%⁵².

Проанализируем процессы, происходившие в душе- и землевладении рязанских помещиков.

Чтобы выяснить, происходило ли в Рязанской губернии расслоение душевладельцев, сравним данные первой и пятой ревизий (см. приложение 3).

К концу XVIII в. число душевладельцев в Рязанской губернии увеличилось. Как во время первой, так и во время пятой ревизии большинство из них составляли мельчайшие. При этом к концу столетия численность мельчайших возросла как абсолютно, так и относительно (с 66 до 72%). Доля крепостного населения, находившегося в их руках, осталась приблизительно прежней.

Удельный вес собственно мелкопоместных сократился почти наполовину. Примерно в такой же степени уменьшилась и доля принадлежавших им крепостных.

Прослойка средних душевладельцев увеличилась более чем вдвое, а ее удельный вес — с 5,8 до 8,8%. Численность крестьян у этой группы также возросла. Следует отметить, что в отдельных уездах могли быть свои особенности. Например, в Скопинском во второй половине XVIII в., наряду с уменьшением численности владельцев 21—100 душ, сократилось и число средних помещиков⁵³.

Наибольший прирост наблюдался в группах крупных и очень крупных владельцев. К концу XVIII в. их численность возросла в несколько раз. Соответственно, втрое увеличился удельный вес этой прослойки. Тем не менее доля крупных и очень крупных душевладельцев оставалась ничтожной, несколько превышая 1%.

В целом удельный вес мелких душевладельцев сократился с 93,8 до 90,1%, а совокупная доля средних, крупных и очень крупных, соответственно, возросла. Во всех группах душевладельцев, кроме крупных и очень крупных, несколько повысилась обеспеченность крепостной рабочей силой. Например, в первую ревизию на одного мельчайшего душевладельца приходилось в среднем 7,4 души, а в пятую ревизию — 9,1 (см. приложение 3). Но в целом удельный вес крестьян, принадлежавших мелким владельцам, сократился с половины до почти трети. Численность мельчайших помещиков значительно выросла, а владельцев 21—100 душ — уменьшилась. Это свидетельствует о процессе поляризации дворян по размерам душевладения.

Чтобы выявить процессы в дворянском землевладении после Генерального межевания, нами была составлена выборка из 1195 дач, в которых на время межевания имелись владения помещиков. Количество владений в одной даче колеблется от одного до нескольких десятков. Затем было установлено количество владений в каждой из этих дач в 1797 г. по Павловским примечаниям.

Примерно в 43% дач количество владений на протяжении последней четверти XVIII в. осталось прежним (см. приложение 4). Интересно, что это, в основном дачи, в которых было сравнительно мало помещиков (в среднем, по два). Многими из дач как во время межевания, так и в 1797 г. владел

один помещик. По одному помещику было в деревнях Хутор, Федоровская, Журавлевка, сельцах Каменка, Михайловское, Никольское Желябово тож, Озерки и других. В основном такие дачи принадлежали крупным и средним душевладельцам Рязанской губернии. Нередко эти имения были значительных размеров. Например, в сельце Каменка, принадлежавшем Я.Н. Бобрищеву-Пушкину, во время межевания было 109 душ. В 1797 г. сельцо принадлежало И.И. Савинову и в нем числилось 180 крепостных. Сельцом Михайловское во время межевания владел И.Ф. Протасьев, имевший 216 душ. Затем сельцо перешло к его сыну, А.И. Протасьеву, и к концу века число крепостных в нем превышало 250. Сравнительно большим было имение А.В.Нарышкина в деревне Хутор, Малая Ярославка тож. Он владел здесь более чем сотней крепостных и примерно 1,5 тыс. десятин земли. Кроме значительной барской запашки в деревне находился конный завод. В конце столетия деревня Хутор принадлежала одному владельцу — М.И. Нарышкиной. В имении числилось свыше 240 душ и по-прежнему действовал завод, лошади с которого направлялись на продажу в Москву и Санкт-Петербург⁵⁴. Исходя из всего, можно предположить, что крупные и средние владельцы, имея по несколько поместий, избегали дробления между наследниками отдельных взятых имений как хозяйственных комплексов.

Приблизительно в 40% дач количество владений увеличилось (см. приложение 4). Обычно владение одного помещика дробилось на 2—4 части и гораздо реже — на большее количество частей, хотя, конечно, встречались исключения. Имения Н.М. Нащекина поделили 11 наследников⁵⁵. После Н.А. Беклемишева его поместья перешли к жене и одиннадцати детям⁵⁶. В основном имения переходили из рук в руки по наследству. Во-первых, это показывает сравнение именных списков владельцев дач по Павловским примечаниям и Примечаниям к Генеральному межеванию. Во-вторых, это подтверждает ведомость о смене владельцев в дачах Егорьевского уезда, в которой указывалось, каким путем попало имение к лицу, владевшему им в 1797 г., — на каждые четыре случая наследования приходился один случай покупки⁵⁷.

Всего в 16,4% дач количество владений уменьшилось. В этом велика была роль наследования. Например, деревня Иванцова, принадлежавшая во время межевания трем поме-

щикам Хотяинцевым, перешла по наследству к А.И. и А.Ф. Хотяинцевым⁵⁸. А.И. Писарев унаследовал в нескольких пустошах и деревнях общие владения трех своих родственников⁵⁹. Однако примерно такую же роль в уменьшении количества владений в данной группе дач играли покупки. Приобретения большинства помещиков являлись сравнительно небольшими участками земли, лежащими по соседству с собственными имениями. Однако выделяется группа лиц, скупавшая значительные площади, а также крепостных. Генеральша Е.М. Еропкина в одном Егорьевском уезде скупала свыше 30 участков земли. Еще несколько участков были ею унаследованы⁶⁰. Много земли скупали М.Н. Балахтина, В.Д. и Е.Ф. Беседновы, А.В. Вяземская.

В целом на время Генерального межевания в дачах, вошедших в нашу выборку, насчитывалось 4834 владения, а в конце XVIII в. их стало 5899. Таким образом, количество владений в дачах возросло на 22%. В среднем на одну дачу приходилось уже не четыре, а почти пять владений. Это подводит к выводу, что после Генерального межевания происходило дробление большинства имений.

Дробились даже самые небольшие поместья. Типичным примером может служить раздел наследства Ф.З. Кожухова в 1792 г. Кожухов владел двумя душами мужского пола и тремя душами женского пола, а также десятью четвертями земли в поле. Его сын, Л.Ф. Кожухов, получил пять четвертей земли и дворовых: вдову М.С. Елисееву с малолетними детьми Григорием и Варварой. Другому сыну, Г.Ф. Кожухову, достались пять четвертей земли и дворовый И. Сафонов с женой и двумя малолетними сыновьями. Кроме того, в общее владение к братьям перешли три четверти земли, принадлежавшие до этого их матери. Усадебное строение также было поделено. Л.Ф. Кожухову отошли людская изба, большой амбар и городьба с сараями, а его брату — горница с сенями и маленький амбар. Раздел коснулся и скота. На долю Л.Ф. Кожухова достались мерин, кобыла, жеребец, две коровы и две овцы, а Г.Ф. Кожухову — две кобылы, корова, два подтелка и овца⁶¹. Таким образом, ничтожное по размерам хозяйство было разделено на две части, не обеспеченные в нужном объеме ни крепостной рабочей силой, ни землей, ни скотом. Дочь Ф.З. Кожухова, Наталья, осталась без поместья. Ей досталась лишь дворовая.

Две ее сестры вовсе ничего не получили при разделе. Они уже вышли замуж, и их приданое, скорее всего очень небольшое, рассматривалось как наследственная доля в родительском имуществе⁶². Впрочем, им еще повезло, так как некоторые беднейшие помещики выдавали дочерей “без награждения”. В таких случаях бесприданницы могли рассчитывать на благосостояние супруга или на то, что спустя некоторое время родители расщедрятся. Например, дочь М.А. Алымовой через шесть лет после свадьбы получила от матери дворовую с малолетними детьми. П.И. Карпова выдала дочь в 1767 г. “без всякого награждения” и лишь в 1779 г. подарила ей одну дворовую⁶³.

Доходы от имений зачастую не покрывали потребностей дворянина. Приходилось либо продавать имущество, либо брать в долг. В одном только 1789 г. рязанские помещики заняли у частных лиц свыше 226 тыс. руб.⁶⁴ Вернуть долги в условиях сравнительно низкого уровня производительности крепостного труда и ограниченной товарности хозяйства было сложно. Оставалось покрыть долг за счет нового займа или продажи имущества.

При анализе купчих и закладных на поместья Рязанской губернии обнаруживается интересное явление, когда после продажи недвижимости какому-либо лицу продавец вскоре занимал у покупателя деньги под залог оставшегося у него имущества. Например, 2 ноября 1789 г. А.М. Леонов продал А.Я. Бологовскому участок бывшей Вожской засеки за 340 руб. А уже 5 ноября он же занял у Бологовского 5000 руб. под залог имений в Рязанской и Тамбовской губерниях⁶⁵. Сходным образом М.Я. Юрьев продал С.И. Волкову 100 четвертей пашни в сельце Ивановское Данковского уезда, а на следующий день занял у того же Волкова 2000 руб.⁶⁶ Интересно, что упомянутые выше Бологовский и Волков почти сразу заложили купленные ими угодья, причем Бологовский за 900, а Волков за 2000 руб.⁶⁷ Резонно предположить, что Леонов и Юрьев — дворяне, распродают и закладывающие поместья, а Бологовский и Волков — ростовщики и спекулянты. Подобные, довольно распространенные сделки наглядно свидетельствуют о том, что рязанские помещики спускали имения по низким ценам своим кредиторам.

Во второй половине XVIII в. недоимки с помещичьих крепостных Рязанской губернии росли⁶⁸. Особенно тяжелой

являлась рекрутская повинность, так как нужно было либо выставлять рекрута, либо вносить за него значительную сумму денег. Во избежание этого отдельные рязанские помещики переводили крестьян за пределы губернии, а следом скрывались и сами⁶⁹. Другие, если не было средств, продавали часть имущества: “чтоб не допустить до разорения... продал я девку и деньги употребил в подати, а хлеб весьма не родился, а ныне хлебную продажею исправился”⁷⁰. Постепенно доля средств производства у части помещиков становилась столь незначительной, что в определенный момент их владельцам было выгоднее совсем от них отказаться, чем пытаться вести на их основе помещичье хозяйство. Именно так поступили, например, братья Болотовы, уступившие в 1761 г. родовое имение своему кузену и превратившиеся в беспоместных дворян⁷¹. “За бедностью” продали две оставшиеся у них наследственные десятины земли Федор и Ефим Сафоновы⁷². Некоторые просто бросали поместье как например, А.А. Денисьева. Она вышла замуж за военного из малороссиян и уехала с ним “незнаемо куда”. Небольшое поместье, находившееся к тому же в залоге, ее не удерживало⁷³. Так же поступила пронская дворянка Новикова, которая после смерти мужа повторно вышла замуж за мастера-вогара и переехала с ним на завод⁷⁴.

Существование прослойки беспоместных подтверждает родословная книга Рязанской губернии за 1789—1796 гг. В нее внесено 35 дворян мужского пола, не имевшие ни крестьян, ни земли, что составляет примерно 3% от общего числа внесенных⁷⁵. Эти данные неполны. Так, в 1800 г. в Пронском уезде насчитывалось 86 семей, “не имеющих никакого имения”, а это около 11,2% всех дворянских семей уезда⁷⁶.

Рассмотрим систему ведения хозяйства рязанских помещиков. Большинство душевладельцев Рязанской губернии использовали барщинную форму эксплуатации крестьян. Во время Генерального межевания на барщине находилось 81% крепостных, а в конце XVIII в. — около 73%⁷⁷. Наибольший удельный вес барщинных крестьян приходился на южные черноземные уезды. Если в нечерноземном Рязанском уезде, по данным Примечаний к Генеральному межеванию, на барщине состояли крепостные 3/4 населенных имений, то в черноземных: Михайловском — 95%, Скопинском — почти 97%, Пронском — примерно 99%⁷⁸. В Раненбургском уезде

во время межевания не было ни одного поместья с оброчными крестьянами⁷⁹. В конце XVIII в. в нечерноземных Егорьевском, Касимовском, Зарайском, Спасском и Рязанском уездах на барщине были 46% крестьян, а в черноземных — свыше 93% крепостных⁸⁰.

Для большей части Рязанской губернии была характерна тенденция сокращения барщины с увеличением размеров имений. В Егорьевском уезде из мелких помещиков исключительно на барщине держали своих крестьян 38%, а из средних всего — 10,2%⁸¹. Все крупные и крупнейшие владельцы полностью или частично перевели своих крестьян на оброк. В лежавшем южнее Рязанском уезде исключительно на барщине держали крестьян 72,1% мелких, 36,8% средних 33,3% крупных помещиков⁸². Соответственно, только на оброке были крепостные 10,8% мелких, 21% средних и 33,3% крупных владельцев⁸³. Некоторые помещики Рязанского уезда держали часть крестьян на барщине, а часть — на оброке. Удельный вес этой прослойки владельцев составлял среди средних 42,2%, а среди крупных — 33,4%⁸⁴. В черноземном Скопинском уезде в мелких имениях на оброке было 3% крестьян, а в средних — свыше 9%⁸⁵. В единственном крупном владении княгини В.О. Долгорукой на оброке находилось 570 из 608 крепостных⁸⁶. В самых южных уездах, Данковском и Раненбургском, эта тенденция практически не проявлялась. Чем южнее, тем плодороднее были почвы, и барщинная эксплуатация с целью получения товарного хлеба оказывалась выгоднее взимания денежного оброка для всех групп помещиков.

Система ведения хозяйства дворянами, не имевшими крестьян, освещена источниками скупо. В первой половине XIX в. оскудевшие рязанские дворяне зачастую становились непосредственными производителями и вели хозяйство крестьянского типа⁸⁷. Имеются свидетельства о подобных случаях и в последней трети XVIII в. Так, в Примечаниях Рязанского уезда говорится, что в ряде пустошей “землю и покосы обрабатывают... сами дворяне”⁸⁸. В Примечаниях по Скопинскому уезду указывается, что владельцы, не имеющие крепостных, привлекали для обработки земли крестьян из других имений и однодворцев. Вероятно, такие помещики сдавали землю в оброк, о чем есть одно прямое упоминание в самих Примечаниях⁸⁹. В 1772 г. бескрестьянные дворяне указывали, что землю

“для своего пропитания сдают в наем”⁹⁰. Если учесть, что в середине 90-х гг. XVIII в. средняя арендная плата, взимавшаяся Рязанской казенной палатой, составляла 29 коп. за десятину, то доходы были невелики⁹¹.

Рязанские дворяне занимались и несельскохозяйственным предпринимательством. Во второй половине XVIII в. им принадлежали не менее 15 мануфактур самых разных профилей (суконных, железоделательных, чугунолитейных, игольных), не считая винокуренных⁹². Количество дворянских мануфактур в указанный период увеличилось. Так, если в середине 60-х гг. на территории будущей губернии насчитывалось 8 винокуренных заводов, то в конце века — 58⁹³.

Дворянские мануфактуры в Рязанской губернии в основном являлись крепостными. В некоторых случаях их обслуживали крестьяне, приходившие на предприятия “брат на брата”, то есть когда крестьянские семьи продолжали вести свое хозяйство, отсылая на мануфактуры своих господ половину работоспособных⁹⁴. Вместе с тем привлекалась и наемная рабочая сила, в том числе нелегальная (беглые, беспаспортные). Крепостную мануфактуру нельзя считать полностью феодальной формой промышленности, так как хозяин вкладывал в нее капитал и получал доход в форме прибыли с капитала, а крепостной рабочий был отделен от средств производства и получал оплату за труд⁹⁵. Кроме того, некоторые винокуренные заводы, как, например, М.А. Коробина, обслуживались только наемными людьми⁹⁶.

Вместе с тем мануфактуры играли второстепенную роль в помещичьей экономике. Показательно, что рязанские дворяне не использовали всех имеющихся ресурсов для организации мануфактурного производства и несельскохозяйственного предпринимательства. А.М. Лунин имел свыше 500 крепостных, много строительных материалов, заготовленных крестьянами в годы его службы. Однако как организатор производства он не выходил за рамки забот о том, чтобы продать “плохую” деревню и купить “хорошую”. В конце концов часть производительных сил его имения была использована рязанскими купцами, которым Лунин согласился предоставить своих крепостных для заклада под их откупные операции. Взамен он получал от купцов фиксированную плату за каждую заложенную им душу⁹⁷. Часть дворян не стремилась выйти на рынок с несельскохозяйствен-

ной продукцией. Например, только “для собственного обихода” производилось ливрейное сукно в поместье М.В. Бибикова и суровое сукно в поместье П.С. Свиньина⁹⁸.

Анализ личного состава владельцев дворянских мануфактур показывает явное преобладание среди них крупных и средних помещиков. Например, в 1797 г. из винокуренных заводов крупнейшим помещикам принадлежали 9, крупным — 11, средним — 27, а мелким — 11⁹⁹. В том числе мельчайшие владельцы имели лишь три завода, на которых вырабатывалось всего 0,5% поставляемого в казну вина¹⁰⁰.

Тем не менее из среды мелкопоместных могли выходить видные предприниматели, как, например, скопинский дворянин П.Н. Дубовицкий. Петр Николаевич Дубовицкий родился в 1753 г. в семье владельца 60 душ. Отец вскоре умер, а от отчима Петр Дубовицкий сбежал и два года провел среди дворовых и мелких помещиков, предаваясь пьянству. Спас его крестный отец Л.К. Шетнев, который помог Дубовицкому в 15 лет поступить на службу. Дубовицкий хорошо зарекомендовал себя в ходе русско-турецкой войны и подавления пугачевщины. Выполняя поручения по доставке снаряжения и военного имущества, он вошел в доверие к командиру полка князю М.В. Долгорукову¹⁰¹. Тем не менее к 1775 г., когда Дубовицкий находился в отпуске в своем имении, в перспективе у него была лишь лямка армейского офицера. Тогда он поехал в Санкт-Петербург и упросил Долгорукого помочь ему стать провиантмейстером.

Первым заданием Дубовицкого на новой должности было доставить из Москвы в Краков 120 тыс. руб. Разменивая деньги на звонкую монету, Дубовицкий заработал 300 руб., так как за размен получал по две копейки с рубля. Проводя эту операцию, он сошелся с купцами, от которых узнал, что серебряный рубль старой чеканки стоит в Польше на семь с половиной копеек дороже нового. Молодой провиантмейстер немедленно отобрал 10 тыс. монет старого образца¹⁰². Кроме того, по совету купцов Дубовицкий закупил на часть вверенных ему денег ходовые товары — китайку, чай, нитяные чулки, замшевые перчатки, карты и другие. Все это он доставил в Польшу бесплатно, так как выполнял задание командования. Прибыв на место, Дубовицкий распродал товары, обменял рубли старой чеканки, а после сдал казенные деньги. В свой карман провиантмейстер положил 1,5 тыс. руб.¹⁰³

В 1777 г. Дубовицкий переехал в Александровскую крепость на юге России, где заведовал провиантской комиссией. Должность, казалось, не сулила никакого обогащения, так как в его обязанности входил лишь учет товаров. Но Дубовицкий быстро завел связи с таможней и купцами и узнал, что в Крыму много озерной соли, но велик спрос на вино, а на Украине вино есть в избытке, а соль очень дорогая. Немедленно была составлена схема торговых операций, позволявшая извлекать большую прибыль. Когда через два года доходы сократились, Дубовицкий организовал новое дело: он нанял несколько сот казаков из полков, стоявших на границе, для заготовки сена на ничейных лугах по Днепру. Командиров полков и местного воеводу он снабжал вином, а казакам платил по 10 руб. за скирду. Затем скирды продавались по 30—50 руб. фургонщикам, так что Дубовицкий ежегодно получал 5—6 тыс. руб. прибыли. Кроме того, Дубовицкий торговал предметами роскоши, на которые в дальних гарнизонах был большой спрос, вкладывал деньги в трактиры, шинки и строительство домов для казенных переселенцев¹⁰⁴.

В 1785 г. Дубовицкий вышел в отставку и вложил большую часть своих капиталов в покупку поместий, в основном в Рязанской губернии. Он существенно оздоровил положение купленных имений — привел число крепостных в соответствие с количеством земли, перевел большинство крестьян на денежный оброк, сумму которого значительно повысил. К концу жизни он владел почти 2 тыс. крепостных¹⁰⁵.

Что касается источников существования беспоместных рязанских дворян, то часть из них добывала “пропитанье... собственными своими трудами”¹⁰⁶ на государственной службе. Кое-кто даже поступал в аппарат вотчинного управления, как, например, отставной капитан А.Н. Скуратов, ставший управляющим имениями у Луниных¹⁰⁷. Другим удавалось устроиться на иждивение к родственникам или богатым помещикам. Д.Н. Толстой в своих записках вспоминал о том, что в их доме подолгу жили престарелые супруги Николай Андреевич и Варвара Андреевна Львовы. Все “достояние их заключалось в шестиместном рыдване, одной повозке и фуре с потребным количеством лошадей, кучеров, в фореиторе, лакее, поваре и горничной”¹⁰⁸. В этом “подвижном доме” они разъезжали по гостям. У Толстых их

селили в отдельную комнату, где Львовы могли жить, сколько хотели, пока не надоест. Время от времени эти старики ссорились с хозяином усадьбы и уезжали, как они говорили, навсегда к другому помещику, но через некоторое время возвращались¹⁰⁹. Схожий образ жизни вел полковник Сокорев. Все его имущество составляли бричка, четверка лошадей и двое крепостных. Пожив у одного помещика, он ехал затем к другому. Чаще и дольше всего Сокорев обретался у Бибиковых¹¹⁰.

Часть оскудевших дворян выбывала из сословия. Например, Зот Матюнин покинул “по бедности” родовое имение в деревне Танинская и перебрался жить в Кирсановский уезд к родственникам жены, однодворцам. Его малолетний сын Егор после смерти родителей был записан в подушный однодворческий оклад¹¹¹.

Некоторые дворяне становились рабочими на мануфактурах. В конце XVIII в. на игольной фабрике генеральши И.Я. Хлебниковой в селе Столпцы было 27 человек благородного происхождения. Они составляли свыше 2% от общего числа работников¹¹². В основном это были дворяне Пронского уезда.

На протяжении последней трети XVIII в. хлебниковские мануфактуры лихорадили выступления рабочих людей. Беспорядки 1783—1785 гг. в Столпцах были напрямую связаны с попыткой перевести приписанных мастеров из разночинцев на положение крепостных крестьян. В ответ 69 рабочих в декабре 1783 г. совершили коллективный побег и принесли жалобу на приказчика В.М. Ильина. Они протестовали против зачисления их в крестьяне села Столпцы и сдачи нескольких человек в рекруты, а также обвиняли хозяев “в недоплате заработных денег”. Как минимум, четверо из вышеупомянутых жалобщиков являлись выходцами из дворянского сословия¹¹³.

Расследование длилось более полугода, и в сентябре 1784 г. Пронский уездный суд вынес решение. Вопросы оплаты труда, определения статуса рабочих и привлечения к тем или иным видам работ отдавались “на произвол владельцев их”. Однако когда исправник с полусотней понятых и несколькими солдатами штатной команды явился в Столпцы и обнародовал это решение, то мастера отказались ему повиноваться. Они заявили, что “пожалованные им от госу-

дарей волности лишится не хотят” и не пойдут “в холопи”. Что же до рекрутских наборов, то “рады помереть, а рекрут не дадим, а не то так пусть... платят по пятисот рублей, а нами... торговать не годится”¹¹⁴. Исправник был вынужден ретироваться. Вполне вероятно, что среди бунтовщиков были его бывшие собратья по сословию. Мастерские прекратили сопротивление лишь к концу 1784 г. Пятнадцать человек, в том числе внук дворянина Степан Сукочев, подверглись наказанию плетьюми¹¹⁵.

События 1783—1785 гг. на мануфактуре Хлебниковой интересны потому, что дают нам уникальную возможность увидеть непосредственно финал процесса превращения деклассированных дворян в крепостных крестьян.

Подведем итоги. Во второй половине XVIII в. рязанским помещикам принадлежало 2/3 земли и податного населения губернии. Однако лишь около 10% рязанских помещиков относилось к средним и крупным, а порядка 70% — к мельчайшим. Наибольшая концентрация мельчайших наблюдалась в уездах с самым многочисленным дворянским населением и сравнительно древней дворянской колонизацией. В губернии была прослойка дворян, владевших только землей, и беспоместных.

Размеры поместий оказывали существенное влияние на формы организации хозяйства. Чем крупнее был помещик, тем шире он внедрял денежный оброк, а также занимался несельскохозяйственным предпринимательством. Только на черноземном юге барщина, с целью получения товарного хлеба, оставалась выгоднее оброка для всех групп помещиков. Средним и крупным помещикам принадлежало большинство мануфактур Рязанской губернии, включая винокуренные заводы. Тем не менее, хотя объективно хозяйственные возможности средне- и крупнопоместных владельцев были шире, они использовали их не полностью, оставаясь обычно в рамках барщинного или оброчного хозяйства. Беспоместные дворяне, владевшие только землей, и часть мелких владельцев добывали средства к существованию сдачей земли в наем, а также личным трудом, включая обработку земли. Некоторые вели паразитический образ жизни. Следовательно, принадлежность к дворянскому сословию объединяла представителей разных классов.

Во второй половине XVIII в. в Рязанской губернии про-

исходил процесс расслоения помещиков по размерам душе- и землевладения. Дробление имений при переходе их по наследству приводило к увеличению числа помещиков. При этом среди них увеличился, с одной стороны, удельный вес мельчайших, а с другой стороны, крупных и средних владельцев, при сокращении численности владельцев 21—100 душ. Поляризация в среде помещиков сопровождалась концентрацией в руках средне- и крупнопоместных средств производства. В конце XVIII в. им принадлежали в губернии 2/3 крепостных, против 1/3 в начале века. Этот процесс происходил за счет сокращения доли средств производства у мелкопоместных, из которых часть лишалась крестьян и земли, а иногда и сословного статуса, переходя в число однодворцев, мастеровых или крестьян. Эти тенденции получили дальнейшее развитие в первой половине XIX в., когда последовало массовое лишение помещиков крепостной рабочей силы¹¹⁶.

Расширение размеров помещичьего душе- и землевладения за счет пожалований, покупки казенной земли и земельных захватов не уменьшало степени расслоения, так как полученные этим путем средства производства в основном, попадали в руки придворной и провинциальной верхушки, то есть крупных и средних помещиков. Число пожалованных во второй половине XVIII в. крестьян было относительно невелико. Границы помещичьего землевладения были зафиксированы в ходе Генерального межевания, а последующие приобретения сопровождалось большими затруднениями и были невелики по объему. Это объясняется тем, что резервы расширения дворянского душе- и землевладения в Рязанской губернии были исчерпаны. Складывались условия для упадка экстенсивного помещичьего хозяйства.

Примечания

¹Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. Т. 1.

²См., напр.: Ляшенко П.И. История народного хозяйства. М., 1952; Индова Е.И. Аграрный строй в России XVIII в. М., 1966; Милов Л.В. Исследование об “Экономических примечаниях” к Генеральному межеванию. М., 1965; Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981; Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в. М., 1988; Полянский Ф.Я. Экономический строй мануфактуры в России XVIII в. М., 1956; Пономарев А. М. Промышленность России в XVIII в. Ярославль, 1980; Гомаюнов С. А. О сущности кризиса вотчинной

промышленности в конце XVIII — первой половине XIX в. // ОИ 1992. № 3. С. 161—171.

³Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Тамбовской и Рязанской губерний в первой половине XIX века. М., 1959.

⁴Анализ источников по проблеме см.: Крючков В.В. Источники по истории рязанского дворянства второй половины XVIII века // Рязанская вивлиофика. Исторический альманах. Рязань, 2000. Вып. 1. С. 47—58.

⁵Фонды РИАМЗ. № 12529. Л. 4—6.

⁶РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18977. Л. 2—2 об.; Овсянников А.А. Экономическое положение Рязанского края (в 60-е гг. XVIII века) по данным Вольного экономического общества // Рязанский край. История. Природа. Хозяйство. Рязань, 1991. С. 21.

⁷Фонды РИАМЗ. № 12529. Л. 4—6.

⁸РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18977. Л. 2 об.

⁹Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. (По материалам ревизии). М., 1971. С. 73, 85, 97, 109.

¹⁰Там же.

¹¹Подробнее по вопросу классификации помещиков в зависимости от размеров душевладения см.: Зудина Л.С. Дворянское землевладение во второй половине XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 75—78.

¹²Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Молчалины // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 20-ти т. М., 1971. Т. 12. С. 32.

¹³Шепукова Н.М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 389—390.

¹⁴Водарский Я. Е. Указ. соч. С. 163.

¹⁵Там же.

¹⁶Там же. С. 162.

¹⁷Киприянова Н.В. Дворянское землевладение во второй половине XVIII в. (По материалам Владимирской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 32—35.

¹⁸Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 162.

¹⁹РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1213. Подсчет наш.

²⁰Там же. Д. 1213; Фонды РИАМЗ. № 887. Подсчет наш.

²¹Павленко Н. И. Одворянивание русской буржуазии в XVIII в. // “ИСССР”. 1961. № 2. С. 78—80.

²²ГАРО. Ф. 98. Оп. 134. Д. 64. Л. 17—17 об.

²³НИОР РГБ. Ф. 233. К. 7. Д. 7. Л. 5.

²⁴Там же. Л. 1.

²⁵ГАРО. Ф. 98. Оп. 134. Д. 69. Л. 1 об.—2,26.

²⁶Там же. Л. 23.

²⁷ГАРО. Ф. 627. Оп. 53. Д. 66. Л. 5 об.

²⁸ГАРО. Ф. 98. Оп. 134. Д. 64. Л. 12 об.—13.

²⁹Там же. Оп. 6. Д. 41. Л. 4-10 об.

³⁰РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 911. Л. 21.

³¹РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 59367. Л. 3.

³²АРО. Ф. 98. Оп. 15. Д. 30. Л. 549 об.

³³Кропотов П.А. Фомушка, бабушкин внучек // Российский Феатр. СПб., 1790. Ч. Т. XXXV. С. 240.

³⁴ГАРО. Ф. 129. Оп. 7. Д. 8, 16—17, 26—27, 35—37, 54—56, 65, 73—74, 81—82, 88—89, 95—96, 102—103. Подсчет наш.
³⁵РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1213. Л. 94—97 об.
³⁶Там же. Л. 96—97 об.
³⁷Там же. Л. 94 об.
³⁸Там же. Л. 96—97 об.
³⁹ГАРО. Ф. 129. Оп. 7. Д. 17. Л. 19 об, 21, 60.
⁴⁰Там же. Оп. 9. Д. 5. Л. 26—26 об.
⁴¹*Селиванов А.З.* Очерки социального быта Рязанского края: По архивам рязанских помещиков — Бекетовых, Д.А. Толстого, Дубовицких. Рязань, 1930. С. 63—72. (Тр. О-ва исследователей Рязанского края. Вып. XXXVIII).
⁴²РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18981. Ч. 3. Л. 53, 64 об. и др.
⁴³НИОР РГБ. Ф. 153. К. 2. Д. 1. Л. 20, 24.
⁴⁴*Селиванов А.З.* Указ. соч. С. 63—72.
⁴⁵НИОР РГБ. Ф. 153. К. 2. Д. 1. Л. 36.
⁴⁶Там же. Л. 39—39 об.
⁴⁷Там же. Л. 40.
⁴⁸Там же. Л. 45 об.—46, 67 об.—68.
⁴⁹РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18981. Ч. 6. Л. 34.
⁵⁰Там же. Л. 73.
⁵¹Там же. Л. 31—32.
⁵²Там же. Д. 18981. Ч. 6; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1204. Л. 1. Подсчет наш.
⁵³РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1241; ГАРО. Ф. 129. Оп. 7. Д. 74, 95. Подсчет наш.
⁵⁴РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1225. Л. 2, 9; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18981. Ч. 3. Л. 6 об.—7, 23 об.—24.
⁵⁵ГАРО. Ф. 892. Оп. 2. Д. 1290. Л. 10 об.
⁵⁶Там же. Л. 9 об.
⁵⁷Там же. Л. 1—112 об. Подсчет наш.
⁵⁸Там же. Л. 15.
⁵⁹Там же. Л. 18.
⁶⁰Там же. Л. 2—3, 4 об., 8—9, 10 об.—13, 15—21, 22 об.—23, 28 об.—29, 31, 33 об., 37, 38 об.—39 об., 41, 42—42 об., 43 об., 71 об., 90 об., 96 об.—97. Подсчет наш.
⁶¹*Крупин Е.Н.* Род освободителя Бейрута [Рязань, 1996] С. 6. (“Рязанский родословец. Кн. 3).
⁶²Там же.
⁶³ГАРО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 4.
⁶⁴Там же. Д. 1. Л. 1—265 об. Подсчет наш.
⁶⁵Там же. Л. 231—234.
⁶⁶Там же. Л. 153—153 об.
⁶⁷Там же. Л. 158 об.—159 об., 165 об.—166 об.
⁶⁸РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 910. Ч. II. Л. 84 об.
⁶⁹Там же. Д. 968. Ч. III. Л. 146—152 об.
⁷⁰РГАДА. Ф. 1455. Оп. 6. Д. 225. Л. 3 об.
⁷¹ГАРО. Ф. 98. Оп. 134. Д. 51. Л. 165.
⁷²Там же. Оп. 15. Д. 31. Л. 117 об., 122, 129.
⁷³ГАРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15. Л. 175.
⁷⁴Там же. Л. 329 об.
⁷⁵ГАРО. Ф. 98. Оп. 134. Д. 69. Л. 24, 26, 27, 40 об., 42 об., 44 об., 46—46 об., 58 об., 60 об., 68—68 об., 76 об. Подсчет наш.
⁷⁶Там же. Оп. 15. Д. 30. Л. 549 об. Подсчет наш.

⁷⁷*Ковальченко И.Д.* Указ. соч. С. 268.
⁷⁸РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1222. Л. 1—29; Д. 1241. Л. 29—279 об.; Оп. 2. Д. 236. Л. 14 об.—228; Фонды РИАМЗ. № 887. Л. 1—427. Подсчет наш.
⁷⁹РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1225. Л. 1 об.—22.
⁸⁰*Ковальченко И.Д.* Указ. соч. С. 268.
⁸¹РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1213. Подсчет наш.
⁸²Фонды РИАМЗ. № 887. Подсчет наш.
⁸³Там же.
⁸⁴Там же.
⁸⁵РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1241. Л. 29—279 об. Подсчет наш.
⁸⁶Там же. Л. 194 об.
⁸⁷*Кошелев А.И.* О мелкопоместных дворянах // Сельское благоустройство. 1858. № 2. С. 130.
⁸⁸Фонды РИАМЗ. № 887. Л. 198, 201—203.
⁸⁹РГАДА. Ф. 1355. Д. 1241. Л. 169.
⁹⁰ГАРО. Ф. 1. Д. 651. Л. 17—18.
⁹¹ГАРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 800. Л. 7.
⁹²ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1764. Л. 10—387; *Милонов Н.П.* Из истории отдельных районов поймы Оки и Рязанской Мешеры. Рязань, 1952. С. 49—51. Подсчет наш.
⁹³РГАДА. Ф. 248. Д. 3579. Л. 859—877 об.; Ф. 1239. Оп. 3. Ч. III. Д. 59507. Л. 2 об.—21. Подсчет наш.
⁹⁴РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18981. Ч. 6. Л. 112.
⁹⁵*Сметанин С.И.* Экономическая история России. Период феодализма: Лекция. М., 1990. С. 42—43.
⁹⁶РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18981. Ч. 6. Л. 96.
⁹⁷НИОР РГБ. Ф. 153. К. 2. Д. 1. Л. 66.
⁹⁸РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18981. Ч. 3. Л. 64—64 об.; Ч. 6. Л. 87 об.—88.
⁹⁹РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. III. Д. 59507. Л. 2 об.—21. Подсчет наш.
¹⁰⁰Там же. Л. 15 об.—16, 17 об.—18. Подсчет наш.
¹⁰¹*Селиванов А.З.* Указ. соч. С. 35.
¹⁰²Там же. С. 36.
¹⁰³Там же.
¹⁰⁴Там же. С. 37—39.
¹⁰⁵Там же. С. 40—41.
¹⁰⁶ГАРО. Ф. 4. Оп. 47. Т. IX. Д. 6456. Л. 9 об.—10.
¹⁰⁷НИОР РГБ. Ф. 153. К. 1. Д. 2. Л. 54 об.
¹⁰⁸*Толстой Д.Н.* Черты старинной помещичьей жизни // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. Воронеж, 1894. С. 28.
¹⁰⁹Там же.
¹¹⁰*Оболенский Д.Д.* Наброски из прошлого // ИВ. 1893. № 11. С. 371.
¹¹¹ГАРО. Ф. 98. Оп. 10. Д. 2. Л. 43.
¹¹²ГАРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148. Л. 78 об.
¹¹³Там же. Л. 5—5 об.
¹¹⁴Там же. Л. 100 об.—101 об.
¹¹⁵Там же. Л. 107.
¹¹⁶*Повалишин А.Д.* Рязанские помещики и их крепостные. Репринтное изд. Рязань, 1995. С. 13—25.

**Приложение 1.
ГРУППЫ ДУШЕВЛАДЕЛЬЦЕВ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МЕЖДУ НИМИ КРЕПОСТНОГО
НАСЕЛЕНИЯ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ ПЯТОЙ РЕВИЗИИ (1795 г.)**

Уезды	Число владельцев и % ко всем владельцам						
	Группы	1—10	11—20	21—100	101—500	501—1000	Более 1000
Данковский	150	144	87	65	5	2	453
Егорьевский	87	125	108	57	4	5	386
Зарайский	389	210	147	57	-	-	803
Касимовский	95	111	114	54	6	3	383
Михайловский	315	151	125	60	3	1	655
Пронский	580	256	108	47	3	1	995
Раненбургский	116	133	98	50	9	1	406
Рязанский	360	183	82	56	3	1	685
Рязанский	392	209	146	54	7	1	809
Сапожковский	201	163	64	38	7	2	475
Скопинский	336	95	78	32	3	3	544
Спасский	175	133	82	49	8	3	450
Всего	3 196	1 913	1 239	619	58	19	7044

**Приложение 2.
ГРУППЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
МЕЖДУ НИМИ ЗЕМЛИ ПО ДАННЫМ
ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ**

Группы (десятин)	Уезды			
	Рязанский			
	Число владельцев, (%)	Земля (десятин), (%)	Пашня (десятин), (%)	% к земле в группе
1—150	893 (70,7)	338 439 (10,4)	23 973,8 (24,3)	70,8
151—300	139 (11)	27 711,4 (8,5)	13 691,2 (13,9)	49,4
301—1 500	181 (14,3)	94 061,8 (29)	38 378,3 (38,9)	40,8
1501—7 500	45 (3,5)	113 674,4 (35,1)	14 666,2 (14,9)	12,9
7501—15 000	3 (0,3)	24 441,3 (7,6)	5 272,7 (5,3)	21,6
более 15 000	2 (0,2)	30 630,5 (9,4)	2 658,7 (2,7)	8,7
Итого	1 263 (100)	324 362,4 (100)	98 640,9 (100)	30,7
	Михайловский			
	Число владельцев, (%)	Земля (десятин), (%)	Пашня (десятин), (%)	% к земле в группе
1—150	746 (68,5)	15 032,4 (9,1)	12 146 (11,4)	80,8
151—300	108 (9,9)	11 728,6 (7,1)	8 736,6 (8,2)	74,5
301—1 500	165 (15,2)	51 209,2 (31)	42 200 (32,1)	66,8
1501—7 500	68 (6,2)	63 102,9 (38,2)	39,421,3 (37)	62,5
7501—15 000	1 (0,1)	7 268,4 (4,4)	3 516 (3,3)	48,4
более 15 000	1 (0,1)	16 849,5 (10,2)	28 523,5 (8)	50,6
Итого	1 089 (100)	165 191 (100)	106 544 (100)	64,4
	Егорьевский			
	Число владельцев, (%)	Земля (десятин), (%)	Пашня (десятин), (%)	% к земле в группе
1—150	221 (43,5)	15 480,2 (5)	6 196,5 (8,8)	40
151—300	112 (22)	25 246,1 (8,1)	7 507,7 (10,7)	29,7
301—1 500	129 (25,4)	83 067,3 (26,6)	25 068 (35,7)	30,2
1501—7 500	41 (8,1)	132 706,3 (42,5)	23 880,4 (34,1)	18
7501—15 000	4 (0,8)	40 040,3 (12,8)	6 751,2 (9,6)	16,9
более 15 000	1 (0,2)	15 559,8 (5)	798,6 (1,1)	5,1
Итого	508 (100)	312 100 (100)	70 203,2 (100)	22,5

Таблица составлена по: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1213; Оп. 2. Д. 236; Фонды РИАМЗ. № 887. Подсчет наш.

**Приложение 3.
ГРУППЫ ДУШЕВЛАДЕЛЬЦЕВ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МЕЖДУ НИМИ
КРЕПОСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ**

Группы (д.м.п.)	По данным 1-й ревизии		По данным 5-й ревизии	
	Число владельцев (%)	У них д.м.п. (%)	Число владельцев	У них д.м.п. (%)
1—20	2 785 (66,1)	20 586 (15,7)	5 109 (72,5)	46 623 (15)
21—100	1 163 (27,7)	50 171 (38,1)	1 239 (17,6)	62 785 (20,2)
101—500	242 (5,8)	45 827 (34,8)	619 (8,8)	128 368 (41,3)
501—1000	18 (0,4)	12 585 (9,6)	58 (0,8)	40 717 (13,1)
Более 1000	2 (0,05)	8 261 (4,6)	19 (0,3)	32 325 (10,4)
Всего	4 210 (100)	131 561 (100)	7 044 (100)	310 818 (100)

Таблица составлена по: *Шенукова М.М.* Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII - первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1964. С. 403, 406. (данные по первой ревизии); ГАРО. Ф. 129. Оп. 7. Д. 7, 8, 16, 17, 26, 27, 35, 36, 37, 54, 55, 56, 65, 73, 74, 81, 82, 88, 89, 95, 96, 102, 103. Подсчет наш (данные по пятой ревизии).

**Приложение 4.
ИЗМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА ВЛАДЕНИЙ
В ДАЧАХ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.**

Группы дач	Количество владений в дачах			Измене- ния в кол- ве вла- дений	в % к кол- ву вла- дений
	Кол-во дач	1766— 1780 гг.	В 1797 г		
Дачи, число владений в которых увеличилось	475	2 426	3 997	+1571	+64,8
Дачи, число владений в которых уменьшилось	196	1 316	810	—506	—38,4
Дачи, число владений в которых не изменилось	524	1092	1092	0	0
Итого	1 195	4 834	5 899	+1 065	+22

Таблица составлена по: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1212, 1225; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18981. Ч. 3, 6; ГАРО. Ф. 892. Оп. 2. Д. 1290; Фонды РИИМЗ. № 887.

Д.Ю. Филиппов

*Купеческое сообщество
города Касимова
конца XVIII— начала XX в.*

Социальная структура провинциального города (в нашем случае города уездного) характеризуется невероятной устойчивостью отношений, связей, порой сохраняющихся на протяжении столетий. Уездный город в меньшей степени, чем другие городские центры (губернские, крупные торговые, столичные города), претерпевал приток пришлых элементов, и это позволяло провинциальному городскому сообществу в течение долгого времени сохранять достаточно стабильный состав, в итоге определявший форму и дух, социальный и материальный облик города, придававший ему самобытные черты и формировавший некую городскую “особость”, отличающую конкретный городской центр от сотен подобных.

Среди населения городов, активно вовлеченных в торгово-промышленную деятельность, ведущую роль играло купеческое сословие; именно так было в Касимове — одном из уездных центров Рязанской губернии. В предлагаемой публикации на примере Касимова мы рассмотрим, как изменялся на протяжении последней трети XVIII — начала XX столетия персональный состав купеческого сообщества уездного города, проанализируем состав городской торгово-промышленной элиты указанного периода, проследим изменения, происходившие в купеческой семье. Для этого обратимся к *пофамильному составу* касимовского купеческого общества.

Под купеческой фамилией (купеческим родом) в дан-

ном случае понимаются семьи родственников-однофамильцев, связанные друг с другом различными степенями родства. Как показали исследования столичного и провинциальных купеческих обществ, большинство купеческих родов отличалось крайней нестабильностью. Активная жизнь купеческой фамилии в сословно-профессиональном качестве длится не более 1—2, реже 3—4 поколений. Но при пофамильном сравнении составов городских купеческих обществ в разные хронологические периоды выявляется четкая закономерность: как в столице, так и в провинции ведущая роль в торгово-промышленной деятельности города принадлежала небольшому количеству купеческих фамилий, составлявших основу городского купечества¹. При этом исследователями отмечалось, что в XVIII в. устойчивость купеческих фамилий в провинции сохранялась значительно дольше, чем в центре². Рассмотрим, как отмеченные тенденции проявлялись в Касимове.

По своему происхождению все касимовские купеческие фамилии можно разделить на несколько групп. Наиболее обширная среди них — фамилии, имеющие коренное касимовское происхождение и встречающиеся в источниках, как минимум, с XVII в. В переписных книгах Касимова 1746 г. упоминаются фамилии Алянчиковых, Гагиных, Дружечковых, Казлининых, Какушкиных, Кленовых, Кисловых, Коняшинных, Курбатовых, Негодяевых, Полежаевых, Пустоваловых, Шаниных и др.³ Ряд фамилий по источникам XVII в. не прослеживается, но, очевидно, они также коренного касимовского происхождения, так как имели в городе очень широкое распространение: Абуховы (Обуховы), Вереины, Крапотины, Назмовы (Назьмовы), Подшивалины (Подшивалкины), Прибытковы, Путилины и др. На протяжении всего рассматриваемого периода касимовское купеческое общество постоянно пополнялось извне. Пополнялся и перечень купеческих фамилий. В конце XVIII—XIX вв. в касимовском купечестве появляются фамилии Умновых (1780), Каржевиных (1807), Сусоровых (1808), Колобаевых (1836), Самгиных, Наставиных (1842), происходившие из мещан и купцов города Елатьмы. Из рязанских купцов, мещан и цеховых происходили Постниковы (1779), Шетерины (1793), Анурины (1840-е), Сиротинины (1840-е), из муромских купцов — Глатковы (1796), из кадомс-

кого купечества — Шемякины (1804), из московского — Корсаковы (1820-е), Гальяновы (1849) и др.

В XIX в. касимовское купечество активно пополняется выходцами из крестьянской среды. Многие из них смогли добиться значительного успеха на коммерческом поприще и составляли элиту касимовского купеческого общества. Из крестьян происходили Большевы (1799), Гусевы (1806), Третьяковы (1809), Барковы (1817), Кривенковы (1850-е) и другие, менее значительные фамилии.

Массовая запись лиц из духовного сословия в купечество, особенно в конце XVIII в., привела к появлению большого числа семей Поповых, Дьяконовых, Пономаревых. Причем, так как почти все они не имели между собой каких-либо родственных связей, решение вопроса о преемственности их деятельности и продолжительности пребывания в купеческом сословии весьма затруднено. Так же дело обстоит и с фамилиями Миловановых и Тамилиных, происходившими из касимовских посадских жителей. Эти фамильные прозвания были весьма широко распространены в купеческом и мещанском обществах Касимова и были представлены большим количеством семей, не имевших между собой никаких родственных связей. В переписных книгах XVII в. часто упоминаются жители посада, носившие прозвища Милованко и Томилко, от них и происходят совершенно различные роды, носившие, однако, одинаковые фамильные прозвания⁴.

Семьи купцов Живиловых, Юсовых, Ивакиных, Чиликиных, Азимковых происходили из касимовских ямщиков. Активная запись этой категории населения в купечество отмечалась в конце XVIII в. Из служилых людей старых служб — однодворцев, казенных кузнецов — происходили Скорняковы, Первовы, Поспеевы, Муратовы. В касимовском купеческом обществе с конца XVIII в. числились семьи Муратовых, происходившие из казенных кузнецов, а в первой половине XIX в. в гильдии записываются семьи татар Муратовых.

В первой четверти XIX в. в касимовском купечестве появляются татарские семьи. Примечательно, что первыми в купечество стали записываться представители татарской знати. Например, Х.С.Шакулов (в купечестве с 1809 г.) принадлежал к одному из древнейших татарских родов, возводивших свою родословную к пророку Мухаммеду. В купече-

ство записывались семьи татарских мурз Бекбулатовых, Девлеткильдеевых, Максютых, Муратовых, Ширинских и др. Позже стали появляться купцы-татары из крестьян, жителей касимовской Татарской слободы и прибывшие из других городов, например Ишимбаевы из московских купцов (1835).

Обратимся к составу касимовского купечества конца XVIII в. В списке 1777 г. насчитывалось 59 семейств, представлявших 33 различные фамилии. Из них 5 семей принадлежали к фамилии Полежаевых, фамилии Алянчиковых, Вереиных, Муромцовых составляли по 4 семьи, по 3 семейства принадлежало к фамилиям Гагиных, Коняшинных, Миловановых и Прибытковых, двумя семьями были представлены Горбовы, Казлинины, Кисловы, Серебрянниковы, Шанины и др. Семьи бывших купцов гостиной сотни Гагиных и Шаниных, в конце XVIII в. активно занимавшиеся торговой деятельностью, уже в начале XIX в. выбывают в мещанство: Гагины окончательно, а Шанины на достаточно длительное время. Кроме бывших членов привилегированных торговых корпораций в начале XIX в. из купечества выбывают фамилии Горбовых, Грибковых, Дружечковых, Казлининных, Кисловых, Курбатовых, Прибытковых, Рюминых, составлявшие в конце XVIII в. верхушку касимовского купечества. В 80-х гг. XVIII в. выбывает сначала в третью гильдию, а с 1785 г. в мещанство семья бывшего купца второй гильдии и питейного откупщика М.А.Милованова, оставившего после смерти более 5 тыс. руб. долгов разным лицам. В зачет долга был продан дом Миловановых, к тому времени находившийся “в крайней ветхости”⁵. Другая фамилия, также обладавшая значительным влиянием в касимовском купечестве конца XVIII в., Казлинины, выбывает из купечества в начале XIX в. М.А.Казлинин вел оптовую торговлю хлебом, железом, медом и воском. На протяжении всей последней трети XVIII в. его семья числилась во второй гильдии. После смерти Марка Андриановича дело перешло в руки его сына Ивана. Семья продолжала состоять во второй гильдии, но, видимо, дела шли не совсем успешно, в 1807 г. капитал был объявлен по третьей гильдии, а с 1808 г. после смерти Ивана Марковича семья выбыла в мещанство⁶.

В 1824 г. — на этот год приходится наименьшее число купеческих семей в первой четверти XIX в. — повторяются 9 фамилий, представленных в списке 1777 г.⁷, в том числе фамилии

Алянчиковых (2 семьи), Вереиных (3), Какушкиных (3), Коняшинных (1), Полежаевых (2), Шишкиных (3), Якунчиковых (3). Именно они составляли группу наиболее сильного купечества Касимова конца XVIII — первой половины XIX в.

Пик численности купечества в Касимове приходится на середину 1790-х гг., поэтому мы примем за основу пофамильный список купцов по ревизии 1795 г., как наиболее полно представляющий фамильные прозвания населения Касимова. Всего в ревизских сказках 1795 г. зафиксировано 123 фамильных прозвания купеческих семей⁸. За 50 лет — к 1845 г. — пофамильный состав купечества изменился более чем наполовину: из 77 фамильных прозваний, упомянутых в списке купечества 1845 г., в конце XVIII в. встречалась 31 (40,2%) фамилия. Повторяемость фамильных прозваний составила 25% от списочного состава 1795 г. В то же время 52 (41,2%) купеческие семьи в 1845 г. принадлежали к фамилиям, состоявшим в гильдиях, как минимум, с конца XVIII в. Это объясняется тем, что новые купеческие фамилии, особенно происходившие не из Касимова, часто были представлены одной семьей, тогда как старые, как правило, давали большее число семейств. Так, в 1845 г. максимальное число семейств — 6 — принадлежало к фамилии Полежаевых, 4 семьи представляли фамилию Вереиных, по 3 семейства дали фамилии Алянчиковых, Кленовых, Коняшинных, Пустоваловых, Умновых⁹.

Во второй половине XIX в. персональный состав касимовского купеческого общества претерпевает дальнейшие изменения. В гильдейском списке 1860 г. зафиксировано 215 семей, представлявших 135 различных фамилий; из них “старинные” посадские составляли почти треть — 38 фамилий, или 28,1% списочного состава¹⁰. Повторяемость купеческих фамилий по сравнению с концом XVIII в. составила 30,8%. Из 38 “старинных” фамилий, состоявших в гильдиях, 24 (63,1%) были представлены 1—2 семьями, 8 (21%) насчитывали 3 семьи, и только 6 (15,7%) — по 4—6 семей, а всего к “старинным” фамилиям принадлежало 90 (41,8%) семей. Наиболее представительными были Вереины, Живиловы — по 6 семей, Полежаевы, Тамилины — по 5 семей, Баранаевы и Распопины — по 4 семьи. Среди фамилий, представленных тремя семьями, встречаются Коняшины,

Пустоваловы, Путилины, Рюмины, Шишкины — те, кто составлял основу касимовского купеческого общества в конце XVIII — первой половине XIX в.

В 1874 г. в касимовском купечестве состояли 177 семей, представлявших 119 фамилий, из них “старые” составляли 31 (26%)¹¹. По сравнению с концом XVIII в. повторяемость фамилий снизилась и составляла 25,2%. Число семейств, представлявших эти фамилии, также сократилось, составив 32,7% (58).

Для большинства “старых” купеческих фамилий во второй половине XIX в. было характерно сокращение представительства в гильдиях — большинство из них были представлены 1—2, реже — 3 и совсем редко — большим числом семей. В 1874 г. среди упомянутых “старых” фамилий 15 (48,3%) были представлены 1 семьей, по 7 (22,5%) фамилий — 2 и 3 семьями (Абуховы, Алянчиковы, Баранаевы, Вереины, Какушкины, Полежаевы, Постниковы, Пустоваловы, Умновы, Шишкины и др.), и только 2 (6,4%) фамилии (Живилковы, Кленовы) представляли 4 семьи.

К 1895 г., за истекшие сто лет, состав касимовского купечества сменился по сравнению с концом XVIII в. более чем на 80%. Повторяются в конце XIX в. только 17,8% фамилий конца XVIII столетия. В списке касимовского купечества 1895 г. из 68 упомянутых фамильных прозваний “старые” составляли 22 (32,3%) фамилии. Из 105 семей, записанных в гильдии, представители “старых” фамилий насчитывали 40 (38%). Большинство было представлено 1 семьей — 11 (50%), в том числе Вереины, Грибковы, Шишкины, по 2 и 3 семьи насчитывали 5 (22,7%) фамилий (Живилковы, Полежаевы, Постниковы, Рюмины, Умновы, Абуховы, Баранаевы, Дьяконовы, Назмовы, Пустоваловы), 1 (4,5%) фамилия — Кленовы — была представлена 4 семьями¹².

В 1917 г. из 27 купеческих фамилий, упомянутых в гильдейских списках, 8 (29,6%) составляли “старые” фамилии, в том числе Баранаевы (1 семья), Вереины (3), Дьяконовы (2), Живилковы, Назмовы, Постниковы, Пустоваловы и Путилины — по одной. Из 37 купеческих семей к указанным фамилиям принадлежало 11 (29,7%) семей¹³.

На основе анализа поименных списков касимовского купечества конца XVIII — начала XX в. мы установили круг купеческих фамилий, игравших ведущую роль в хозяйственной жизни города в разные хронологические пери-

оды. На протяжении всего рассматриваемого периода, или, по крайней мере, до 70—80-х гг. XIX в., когда занятия торгово-промысловой деятельностью перестали быть обусловленными принадлежностью к купеческому сословию, активно занимались предпринимательской деятельностью Алянчиковы, Баранаевы, Вереины, Кленовы, Коняшины, Назмовы, Полежаевы, Постниковы, Пустоваловы, Умновы, Шишкины. Семьи этих фамилий были постоянно представлены в гильдиях и составляли основу касимовского купеческого общества на протяжении всего рассматриваемого периода.

Более того, для каждого хронологического периода можно выделить группы фамилий, игравших важную, а часто ведущую роль в касимовском купеческом обществе. Во второй половине XVIII в. это были Гагины, Горбовы, Грибковы, Дружечковы, Казлинины, Какушкины, Кисловы, Курбатовы, Миловановы, Муромцевы, Прибытковы, Рюмины, Старченковы, Шанины. В первой половине XIX в. в числе крупнейших представителей касимовского купечества были Барковы, Шакуловы, Якунчиковы, среди наиболее устойчивых купеческих семейств были Губины, Грошевы, Ростовцевы, Хлебниковы и др. В середине XIX в. заметно возрастает роль фамилий, вновь причисленных в касимовское купеческое общество, — уже упомянутых Барковых, Шакуловых, а также Ануриных, Ишимбаевых, Кастровых, Колобаевых, Корсаковых, Кривенковых, Наставиных, Пигаревых, Резвяковых, Салазкиных, Самгиных, Черновых, Шемякиных.

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода состав касимовского купеческого общества претерпевает заметные изменения, что было явлением естественного характера в любом купеческом обществе. Это, в частности, отмечает и А.И. Аксенов, исследовавший уездные купеческие общества московской губернии XVIII в.¹⁴ Представительство коренных касимовских фамилий в составе городского купечества сокращается, составляя в первой половине XIX в. около половины, а во второй половине XIX в. — около трети состава касимовского купеческого общества. Число семей, представлявших эти фамилии на протяжении всего XIX в., составляло около 30—40% состава купечества. Причем в начале XIX в. удельный вес семей “старых” фамилий был выше, чем в середине и второй половине XIX в.,

что объясняется изменением характера пополнения купеческого сословия.

В XVIII — начале XIX в. городская община носила достаточно замкнутый характер. Хотя запрещение перехода с посада на посад для городских жителей в конце XVIII в. фактически было отменено, порядок перехода был труден и переселения были редки¹⁵. Ограниченная свобода перемещения городского населения и заметная его оседлость в сочетании с незначительным пополнением состава городского общества извне приводили к тому, что рекрутирование состава купечества происходило на протяжении многих десятилетий из одних и тех же коренных посадских родов. Следствием этого было наличие большого числа однофамильных семей, связанных разными степенями родства в составе купечества, само же городское купеческое общество в результате представляло своего рода клановую структуру. По мере разрушения замкнутости городского общества и все большего проникновения в него внешних элементов изменяется и его структура. Число семей коренных фамилий сокращается, а новые фамилии, как правило, были представлены малым числом семей, в редких случаях число последних возрастало в результате семейных разделов, если дело переходило к семьям второго поколения (Резвяковы, Черновы). Кроме того, со временем изменяются и сами купеческие роды. Будучи исходно разными по мощности, одни из них существуют дольше, давая значительное число семей, различающихся по экономическим возможностям (Алянчиковы, Вереины, Кленовы), другие, менее разветвленные, были представлены меньшим числом семей, но, зачастую, более сильных и устойчивых (Постниковы, Умновы, Шишкины), третьи действуют в составе городской торгово-предпринимательской элиты короткий срок, затем пресекаясь (Казлинины). Значительное число городских фамилий было представлено в купечестве время от времени разным числом семей, но, как правило, недолго и особенно не проявляя себя на предпринимательской стезе (Азимковы, Вземовы, Кудрявцевы, Рубцовы, Уровы и др.).

Примером наиболее устойчивых и экономически сильных фамилий Касимова могут служить купеческие роды Алянчиковых, Вереиных, Коняшиных, Пустоваловых, Шишкиных, Умновых, Якунчиковых и др.

Род купцов Шишкиных принадлежит к числу старейших и наиболее сильных купеческих фамилий Касимова. Род был не очень обширен, и в разные годы число купеческих семей этой фамилии не превышало 3—4, причем все они находились друг с другом в самом тесном родстве. Основоположником купеческой династии был Петр Григорьевич Шишкин (1702—1758). У него было четыре сына: Андрей (1734—1795), Михаил (1740—?), Григорий (1746—?), Иван (1749—1830)¹⁶. В 1782 г. в купечество третьей гильдии записалось семейство вдовы П.Г.Шишкина — И.Я.Шишкиной, состоявшее из семей младших братьев — Григория и Ивана¹⁷. Именно их потомки на протяжении всего XIX в. представляли фамилию Шишкиных в касимовском купеческом обществе. У Григория было четыре сына: Михаил (1775—1839), Яков (1777—?), Иван-большой (1784—?) и Иван-меньшой (1788—?), у Ивана — один сын Никита (1790—1818).

В конце XVIII в. во владении семьи находилась канатопрядильная фабрика, заведенная еще в 1770-х гг. Видимо, в 1794 г. братья Григорий и Иван Шишкины разделили семейный капитал и с этого времени вели дела порознь. В начале XIX в. оба брата состояли во второй гильдии (1807—1812 гг.) и входили в число наиболее крупных касимовских купцов, владельцев промышленных заведений. Г.П.Шишкину к этому времени уже принадлежали две канатопрядильные фабрики, одна из которых в 1807 г. перешла во владение старшего сына Михаила, выделенного отцом в особое семейство, а вторая после смерти Григория Петровича была унаследована тремя младшими сыновьями: Яковом, Иваном-большим и Иваном-меньшим, состоявшими в общем нераздельном капитале. В 1826 г. во время очередного семейного раздела фабрика перешла во владение Якова Григорьевича¹⁸. Третья из действовавших в городе в это время канатопрядильных принадлежала Ивану Петровичу.

Григорий Петрович кроме канатопрядения занимался кожевным производством и вел торговлю юфтяным товаром в Москве, где во время пожара 1812 г. у него сторела партия красной и белой юфти “всего счетом пять тысяч сто шестьдесят девять кож весом тысяча двести шестьдесят восемь пудов тридцать фунтов” на сумму 40 600 руб¹⁹. После окончания войны Григорий Петрович получил правительственную ссуду с рас-

срочкой, а после его смерти сыновьям пришлось вносить причитающиеся по ней платежи. Иван-большой “по несостоянию” отказался платить по долгам отца и завещанную ему часть отцовского имения передал “в вечное и потомственное владение” Якова и Ивана-меньшого²⁰.

Первая половина XIX в. была для фамилии Шишкиных временем наибольшей деловой активности. В 1820—1830-х гг. в купечестве состояли семьи Михаила Григорьевича, Якова, Ивана-большого и Ивана-меньшого Григорьевичей (до начала 1820-х гг. братья объявляли общий капитал), их двоюродного брата — Василия Михайловича (1777— ок. 1841) и дяди — Ивана Петровича Шишкиных.

Наиболее экономически сильной в этот период была семья И.П. Шишкина: в 1824—1828 гг. он объявлял капитал по второй гильдии. В 1830 г. Иван Петрович умер. Последние два года жизни он практически не занимался делами, так как был уже в преклонных летах и серьезно болел. Его преемником и единственным прямым наследником по мужской линии был внук — Петр Никитич, который и вел дела все это время, вероятно с помощью дяди — Ивана Григорьевича-большого, служившего приказчиком у него, а до этого у Ивана Петровича. В 1830—1835 гг. П.Н.Шишкин объявляет капитал по третьей, а в 1836—1841 гг. — по второй гильдии. Ему принадлежали канатопрядильная фабрика и кожевенный завод, причем, как свидетельствуют документы, он собирался расширять кожевенное производство. Однако в 1841 г. Петр Никитич умер, и дела семьи пошли на спад. После публикации о вызове должников и кредиторов оказалось, что долг его составлял 5033 руб. 21 коп. серебром и 4241 руб. 93 коп. ассигнациями, тогда как движимое и недвижимое имение купца было оценено в 3709 руб. 27 коп., а сумма вексельных долгов, причитающихся Шишкину, составила 4220 руб. серебром и 2177 руб. ассигнациями²¹. Кроме того, его сыновья Иван и Николай были еще детьми и не могли продолжать семейное дело. В результате дела семейства пришли в полное расстройство.

Канатопрядильная фабрика П.Н. Шишкина, возможно, была куплена их бывшим приказчиком Т.Е. Меньшовым. Меньшов в 1839 г. записался в касимовское купечество из вольноотпущенных крестьян и в течение нескольких лет служил у Шишкиных, а с середины 1840-х гг. упоминается

как владелец канатопрядильной фабрики. В 1850 г. опекуны над имением малолетних Шишкиных продали купцам Барковым и кожевенный завод²².

Семья Михаила Григорьевича была экономически активной более долгое время, но и она переживала в середине XIX в. не самые лучшие времена. В конце 1830-х гг. умирают Михаил Григорьевич и его единственный сын Василий (1798—1838), после чего во главе семейного дела становится вдова Василия Михайловича Александра Андреевна (1800—?). До середины 1840-х гг. в одном капитале, объявляемом матерью, состояли пять сыновей Василия Михайловича: Александр (1815—?), Павел (1817—?), Иван (1825—?), Петр (1827—?) и Василий (1838—?). В 1845 г. был отделен Александр, в 1848 г. — Павел, выбывшие на несколько лет в мещанство. В начале 1850-х гг. выбывают в мещане и младшие братья. С начала 1860-х и до конца 1880-х гг. в купечестве числилась семья старшего сына Александра Васильевича, а в 1890—1910-х гг. — семья его сына Михаила (1843—?). Принадлежавшая им канатопрядильная фабрика была единственной просуществовавшей, как минимум, до начала 1910-х гг.

Все указанные семьи Шишкиных были содержателями канатопрядильных фабрик: канатопрядение составляло традиционное занятие этого рода. Причем среди касимовских купеческих родов Шишкины были почти единственными, кто занимался канатопрядением столь длительное время — не позже чем с середины XVIII в. и до конца XIX в. Более того, почти все упоминающиеся в источниках представители этого рода так или иначе были связаны с традиционным семейным ремеслом и либо были владельцами фабрик, либо служили на фабриках своих родственников мастерами и приказчиками. Наиболее сильная ветвь рода, ведущая начало от Г.П. Шишкина, насчитывает пять поколений, активно действовавших в торгово-промышленной сфере на протяжении более ста лет. Другие ветви в разное время также принимали активное участие в экономической жизни Касимова, а отдельные из них насчитывали по 2—3 поколения купеческих семей.

Другая купеческая фамилия — Пустоваловы — принадлежала к числу наиболее значительных кожевенных заводчиков. Впервые Пустоваловы появляются в списках касимовского купечества в конце XVIII в. Основателем купечес-

кой династии можно считать Ивана Сергеевича Пустовалова (1707—?). В его семье было шесть сыновей — Иван-большой (1731—?), Никита (1732—?), Петр (1741—1750), Афанасий (1746—?), Ларион (1751—?) и Иван-меньшой (1753—?)²³. В 1770-х гг. семья состояла в мещанстве, а источником ее дохода была обработка кожевенного сырья — этим ремеслом Пустоваловы занималась издавна. Видимо, в 1850-х гг. от отцовского семейства был отделен Иван-старший, который впоследствии, по свидетельству отца, “остался с детьми своими один, как в пропитании, так и во всем, имея немалую по возрасту их нужду, и... последний пожиток издержал”. Никита Иванович в 1854 г. без разрешения отца “сошел с двора... во двор тещи своей”, за что был лишен отцом доли наследства²⁴. В 1770-х гг. Иван Сергеевич разделил трех младших сыновей, оставив при себе Ивана-меньшого, позже унаследовавшего отцовское дворовое усадьбное место с садом и кожевенный завод²⁵.

В последней четверти XVIII в. члены фамилии Пустоваловых состояли в мещанстве и купечестве, у большинства семей отчетливо прослеживается характер их предпринимательской деятельности. В материалах, собранных касимовским магистратом в 1788 г. для составления обывательской книги, упоминаются Матвей Иванович Пустовалов — сын Ивана-старшего, он зарабатывал на жизнь “услугами у разных господ и своей работой”, Никита Пустовалов — торговавший медом, разным “спорушным товаром” и занимавшийся выделкой кожевенного товара, Афанасий Пустовалов — купец третьей гильдии, торговавший в Касимове и других местах кожами собственной выделки; Иван-меньшой, также торговавший разным товаром и занимавшийся кожевенным производством, а в списке купечества 1787 г. упомянут купец третьей гильдии и кожевенный заводчик — Ларион Пустовалов²⁶. В конце XVIII в. (1799 г.) в третьей гильдии состояли семьи Афанасия, Лариона, Ивана и Матвея Пустоваловых.

Из 15 кожевенных заводов, действовавших в городе в 1810-х гг., три, в том числе два самых крупных, принадлежали Пустоваловым. Их владельцами были Иван Иванович, Ларион Иванович и Александр Алексеевич — внук Афанасия Ивановича. Экономически наиболее сильной, по всей видимости, была семья Л.И. Пустовалова: в 1807—1812 гг. он объявлял капитал по второй гильдии. В 1817 г. его дело унаследовал

сын Лариона Ивановича — Козьма. В 1820-х — начале 1830-х гг. он также был одним из ведущих касимовских кожевенных заводчиков. В 1820-х гг. двумя кожевенными заводами владел И.И. Пустовалов²⁷.

В последующие годы производственной деятельностью занимались только сыновья Алексея Афанасьевича Пустовалова — Александр (1794—?), Василий (1796—?) и Алексей (1807—1840). В 1830—1860-х гг. Александр и Василий постоянно были в числе кожевенных заводчиков Касимова. В последней четверти XIX — начале XX в. в гильдиях состояли семьи двоюродных братьев Николая Васильевича (1836—?) и Василия Александровича (1835—?) Пустоваловых. Семья Николая Васильевича Пустовалова была единственной семьей фамилии, состоявшей в купечестве до 1917 г.

Одним из самых многочисленных и активных в предпринимательской сфере купеческих родов Касимова был род Вереиных. В начале XIX в. наиболее экономически сильной семьей этой фамилии была семья К.И. Вереина (1741—1803). В конце XVIII в. семья Кирилла Ивановича числилась то в купечестве, то в мещанстве, но в 1799 г. занимает прочное место среди наиболее устойчивых и преуспевающих купеческих семей Касимова. В семье Кирилла Ивановича было трое сыновей: Иван (1771—1835), Тимофей (1775 — до 1832), Дмитрий (1781—1849)²⁸. После смерти К.И. Вереина братья состояли в общем капитале, а основой их предпринимательской деятельности было кожевенное производство на собственном заводе, основанном еще в 1794 г. В начале 1810-х гг. братья купили с аукционного торга каменный кожевенный завод умершего купца Я.Г. Грибкова и во владении семьи было уже два кожевенных заведения. В январе 1815 г. братья, “чтобы семейному утеснению дать свободный покой, а тем более желая усилить по воле каждого коммерцию”²⁹, разделили отцовский капитал. Семьи Ивана и Дмитрия Кирилловичей состояли после раздела в купечестве вплоть до конца XIX в., а Тимофей Кириллович перешел в мещанство.

У Ивана Кирилловича был один сын — Матвей (1792—?), он и унаследовал отцовский капитал и продолжил семейное дело после смерти И.К. Вереина в 1835 г. В середине 1850-х гг. он упоминается в документах, как владелец двух кожевенных заводов и оптовый торговец кожевенным товаром³⁰. В 1860—

1900-х гг. в купечестве состояли семьи сыновей Матвея Ивановича — Ивана (1818—?) и Василия (1836—?).

Из трех сыновей К.И. Вереина наибольшего успеха на коммерческом поприще добился Дмитрий. После раздела с братьями он стабильно числился в третьей гильдии и вел торговлю кожевенным товаром. В самом начале 1830-х гг. Дмитрий покупает с аукциона кожевенный завод брата Тимофея Кирилловича, описанный за долги³¹. Дмитрий Кириллович восстанавливает и расширяет производство, в 1830-х гг. его завод был вторым по масштабам и объемам производства. В 1833 г. Дмитрий Кириллович объявляет капитал по второй гильдии, в которой его семья состояла до 1850 г. В 1851 г. семья Д.К. Вереина, к тому времени уже скончавшегося, была возведена в почетное гражданство³². У Дмитрия Кирилловича было три сына: Иван (1807—?), Павел (1823—1846), Дмитрий (1832—?). После смерти главы семьи дело возглавила вдова М.И. Вереина, а позже Дмитрий Дмитриевич, унаследовавший завод в конце 1860-х гг. После получения почетного гражданства семья Д.Д. Вереина объявляла капитал по третьей гильдии и числилась в купечестве до 1880-х гг., а семья старшего сына Д.К. Вереина Ивана с конца 1850-х гг. перестала записываться в купечество и числилась в почетном гражданстве.

Более ста лет длилась активная торговая и производственная деятельность рода купцов Умновых. Основоположник купеческой династии Н.И. Умнов (1765—1841) происходил из мещан города Елатьмы, а в касимовском купечестве состоял с 1782 г.³³ Первое время Николай Иванович жил в доме касимовского мещанина Г.Г. Калинина (документы 1780-х гг. называют Николая Ивановича пасынком Калинина)³⁴. В 1790 г. Гаврила Григорьевич завещал Николаю Умнову свой кожевенный завод и другое имение. Это, видимо, и стало основой для занятий кожевенным производством. В 1791 г. касимовское городническое правление отвело Н.И. Умнову усадьбное место для построения дома и при нем нового кожевенного завода³⁵. С этого времени фамилия Умновых, не покидая купеческого сословия на протяжении более ста лет, была одной из ведущих среди касимовских кожевенных заводчиков. В купечестве состояли четыре поколения этой семьи: сын Николая Ивановича — Петр (1790—?), внук Василий Петрович (1816—?) и правнук Петр Васильевич (1852—?).

В 1891 г. касимовские власти просили губернское начальство ходатайствовать о возведении рода Умновых в потомственное почетное гражданство “за столетнее состояние в купечестве и за продолжительную заводскую деятельность”. Однако, так как Умновы никогда не входили в высшие купеческие гильдии и никто из семьи не имел чинов и званий, ход делу дан не был³⁶.

Рассмотрим *персональный состав верхушки* касимовского купечества. За период с 1800 по 1917 г. в первых двух гильдиях касимовского купечества состояли представители не менее 30 фамилий. Наиболее прочным было положение фамилии Алянчиковых. Алянчиковы записались во вторую гильдию в конце XVIII в., и до 1870-х гг. несколько семей Алянчиковых состояли как во второй, так и в первой (с 1807 г.) гильдиях, причем это были семьи ближайших родственников. С середины 1810-х гг. до 1859 г. одно из ведущих мест в рядах высшего касимовского купечества занимали купцы Якунчиковы, до 1817 г. состоявшие во второй, а позже постоянно числившиеся в первой и во второй гильдиях.

В пятилетие, предшествовавшее войне 1812 г., когда численность крупного купечества в Касимове была наивысшей, в составе второй гильдии были представлены семьи наиболее устойчивых и старых купеческих родов — Вереиных, Коняшиных, Пустоваловых, Шишкиных.

Процесс обновления хозяйственной элиты Касимова конца XVIII — начала XIX в. затронул и высший состав сословия. В начале XIX в. в первых гильдиях касимовского купечества появляются семьи крестьянского происхождения. Например, семья купцов Большевых, бывших крепостных Н.Ф. Чихачева, с 1799 по 1817 г. состоявшая во второй гильдии. В 1817—1821 гг. во второй гильдии состояла семья Третьяковых, записавшаяся в купечество в 1809 г. из дворовых людей. В 1833 г. объявляет капитал по первой гильдии семья Барковых, записавшаяся в купечество в 1817 г., получив вольную от А.А. Баташева³⁷. С 1827 до 1860 г. во второй гильдии числились семьи купцов Корсаковых, причисленные в 1827 и 1835 гг. в касимовское купечество из московских купцов. С 1810-х гг. в первых двух гильдиях состояли представители татарского купечества — Шакуловы, Максютовы, Девлеткильдеевы.

Одной из особенностей крупного российского купече-

ства середины XIX в. было увеличение числа “коллективных купцов”, когда гильдейское свидетельство выкупалось не конкретным лицом, а от имени предприятия³⁸. В Касимове это явление также имело место. В 1840-1860-х гг. такого рода свидетельство выкупал Торговый дом Барковых, а на последнем этапе существования фирмы, в 1864—1867 гг., — Администрация, учрежденная по делам дома Барковых. В 1852—1858 гг. капитал по первой гильдии объявляла Троицкая канатопрядильная компания, основанная в 1851 г.

В 1850—1860-х гг. большинство семей, составлявших первые две гильдии касимовского купечества в первой половине XIX в., выбывают из сословия. Причин тому было несколько: отдельные семьи, носившие звание почетных граждан, перестали записываться в гильдии (И.И. Алянчиков, семьи Барковых, наследники Я.И. Алянчикова, Д.К. Верина, С.Г. Корсакова, Х.С. Шакулова); другие, не имея наследников, оказывались выморочными (семья М.А. Якунчикова) или переходили в иногородние купеческие общества (наследники И.А. Якунчикова).

Примечательно, что во второй половине XIX в. семьи, принадлежавшие к коренным касимовским купеческим фамилиям, покидают высшие гильдии. Вместе с тем прочные позиции в первой и второй (до 1863 г.) гильдиях занимают новые семьи, игравшие ведущую роль в хозяйственной жизни города. Почти все они были выходцами из других городов (И.С. Гальянов, братья Шанины — из московских купцов, И.А. Смирнов — из алатырских купцов, Я.Я. Фейгин — из бердянских купцов), или происходили из крестьян (Кастровы, Кривенковы).

Вольноотпущенный крестьянин Мурсалим Кастров был зачислен в третью гильдию касимовского купечества в начале 1840-х гг. Его семья занималась шитьем и продажей тулупов³⁹. В 1850 г. дело перешло в руки Сайфуллы Мурсалимовича Кастрова. В 1854 г. он объявил капитал по второй гильдии, и с этого времени до начала 1900 гг. Кастровы были одной из ведущих татарских торгово-промышленных фамилий Касимова, владея мерлушечным заводом и производя обширную торговлю мехами и тулупами.

В одно время с Кастровыми — в начале 1840-х гг. — в касимовское купечество третьей гильдии записался елатомский мещанин М.Л. Наставин. В 1860 г. Наставины были

зачислены во вторую гильдию, а с 1863 г. состояли в первой гильдии. С 1871 г. в первой гильдии числились уже две семьи Наставиных — вдовы А.Т. Наставиной и старшего сына Михаила Львовича — Николая Михайловича Наставина⁴⁰. Наставиных связывали родственные узы с фамилией Кривенковых. Кривенковы записались в касимовское купечество из казенных крестьян Владимирской губернии в начале 1850-х гг. С 1867 г. и до конца 1890-х гг. семья Кривенковых состояла в первой гильдии⁴¹.

Всероссийскую известность в конце XIX — начале XX в. имела фамилия касимовских купцов Салазкиных. В 1840-х гг. С.Л. Салазкин служил писарем, а позже стал приказчиком при конторе Торгового дома Барковых⁴². Видимо, служба у Барковых сыграла чрезвычайно важную, если не определяющую, роль в предпринимательской карьере Салазкина. В начале 1860-х гг. он зачисляется в третью гильдию, а в 1865 г. объявляет капитал по первой гильдии, торгуя железом и будучи владельцем железолудильного завода. После смерти С.Л. Салазкина в 1909 г. семейное дело переходит в руки братьев С.С., А.С. и В.С. Салазкиных⁴³.

С 1859 г. во второй гильдии, а с 1864 г. — в первой состояла семья Шаниных, перешедшая в касимовское купечество из московских купцов второй гильдии в 1858 г. В 1900-х гг. единственной семьей, состоявшей в первой гильдии, была семья железоторговцев братьев Черновых⁴⁴. Кроме того, в 1850—1870-х гг. в первую и вторую гильдии записывались татары М.Т. Девлеткильдеев, М.Т. Максюттов (с 1869 г. — почетный гражданин), Н.Ф. Мустаев.

Из 30 фамилий, представленных в первой и второй гильдиях касимовского купечества на протяжении XIX — начала XX в., 13 (43%) фамилий носили звание почетных граждан. В первой половине XIX в. касимовские купцы даже после возведения в почетное гражданство продолжали объявлять капитал. Так, Алянчиковы, Шакуловы, Якунчиковы, получив это звание в 1830-х гг., еще более 20 лет состояли в гильдиях. Семьи, состоявшие в первой и второй гильдиях во второй половине XIX в., напротив, получив звание почетных граждан, практически сразу покидали ряды сословия: в конце 1870-х гг. перестают записываться в гильдии Кастровы и Шанины, в 1880-х гг. — Наставины и Салазкины, с конца 1890-х гг. — Кривенковы,

однако все они продолжали активно заниматься предпринимательством.

Анализ именных списков касимовского купечества первых двух гильдий показывает, что в первой половине XIX в. верхушка касимовского купеческого общества, оставаясь достаточно устойчивой, была подвержена тем же изменениям, которые переживало все сословие в целом. Пополнение высшего касимовского купечества новыми семьями было весьма ограничено. В первой половине XIX в. появление новых семей в составе первой и второй гильдий чаще оказывалось лишь восстановлением утраченных некогда позиций купцами, состоявшими в гильдиях ранее (так было с семьями Верейных, Коняшиных, Шишкиных и др.), или результатом раздела семейного капитала (Алянчиковы, Якунчиковы). В конце XIX в. численность крупного купечества в Касимове, как и по России в целом, сокращается, и одной из причин этого был переход многих состоятельных семей в разряд почетных граждан. Эта тенденция отмечалась исследователями столичной буржуазии⁴⁵, но, как следует из приведенных фактов, проявлялась она и на провинциальном уровне.

Представляет интерес размер купеческой семьи в разные хронологические периоды. Проведенный нами анализ материалов ревизий и других источников, содержащих информацию о характере купеческих семей, выявил следующие результаты (см. табл. 1). По данным ревизии 1782 г., средняя купеческая семья составляла 5,9 человека. При этом более половины семей — 80 (64%) — насчитывали от 3 до 6 человек, в свою очередь в этой группе семей преобладали семьи численностью 5 человек — 24 семьи. Сравнительно крупные семьи 7—10 человек составляли 25 (20%) семей. Число малых семей, состоявших из 1—2 человек, а также больших семей, насчитывавших более 10 человек, было невелико: их насчитывалось 12 (9,6%) и 8 (6,4%), соответственно⁴⁶. По данным ревизии 1795 г., характер купеческой семьи не претерпел особых изменений. Средний размер купеческой семьи составлял по-прежнему 5,9 человека. Основная часть купеческих семей — 192 (54,8%) — насчитывала от 3 до 6 человек. По сравнению с 1782 г. возросло число малых семей, состоявших из 1—2 человек, они составили 12% (42 семьи). Увеличение числа малых семей, очевидно, объясняется общим ростом записи в купечество. Так, из 42 малых

семей только 7 состояли в сословии до ревизии 1795 г., а 35 принадлежали к новоприсоединенным семьям. Причем из них 17 происходили из мещанства, а 18 — из других сословий, главным образом из заштатного духовенства. Семьи, насчитывавшие до 10 человек, составляли 24% (84 семьи). Больших семей, от 10 до 22 человек, по-прежнему было немного — 32 (9,1%), причем треть из них — 11 — были потомственными купеческими семьями, состоявшими в гильдиях уже около двадцати лет⁴⁷.

Практика записи в гильдии многопоколенных купеческих семей была широко распространена, так как это позволяло избежать раздела капитала, что зачастую вело к выходу семьи из состава купеческого сословия, так как размеры семейного капитала далеко не всегда позволяли семье разделить его без ущерба для социального статуса. Кроме того, запись нескольких семей в купечество в общем капитале нередко диктовалась соображениями экономии: уплачивая единый процентный сбор, все члены семейства получали сословные права, избегая уплаты дополнительных процентных денег. В результате в одном капитале нередко состояли семейства, насчитывавшие более двух поколений. Например, самая крупная из купеческих семей, зафиксированных ревизией 1782 г., — семья С.Г. Скорнякова — насчитывала 18 человек и включала семьи трех сыновей Степана Григорьевича — Лаврентия, Павла и Андрея, а также семьи сыновей Лаврентия Степановича — Ивана и Григория⁴⁸.

Другая семья — Коняшиных, насчитывавшая 17 человек, — также состояла из нескольких самостоятельных семей. Главой семьи считалась вдова Прасковья Герасимовна Коняшина. Она была объявителем капитала, в котором нераздельно состояли четыре ее сына — Мартын, Василий, Семен и Егор Петровичи. При этом трое старших братьев уже обзавелись своими семьями. В 1795 г., по материалам пятой ревизии, семья Коняшиных насчитывала уже 22 человека, составлявших шесть семей в трех поколениях. К семьям, упомянутым ранее, добавились семьи сыновей Мартына Петровича — Евграфа и Василия Петровича — Фавста⁴⁹.

Одним из лидеров касимовского купеческого общества рубежа XVIII—XIX вв. была семья О.С. Алянчикова, представлявшая старинный касимовский посадский род. В Касимове эта фамилия известна, по крайней мере, с XVII в. Еще в

переписных книгах 1646 г. упоминается целовальник Федька Алянчиков⁵⁰.

В конце XVIII столетия в городе было несколько мещанских и купеческих семей Алянчиковых. Именно на конец XVIII — начало XIX в. приходится время взлета фамилии, когда Алянчиковы превратились в настоящих хозяев города, прочно заняли свое место в деловой и культурной элите уездного Касимова.

Наиболее сильной среди семей фамилии Алянчиковых в демографическом и экономическом отношении была семья О.С.Алянчикова, в 1782 г. она насчитывала 8 человек. В 1795 г. семейство состояло уже из 17 человек и 4 семей. Кроме семьи Осипа Самойловича в общем капитале состояли семьи его сыновей Николая (1757— не ранее 1830 г.), Ивана (1762—1824) и Петра (1773—1821), а также младший сын Алексей (1782—1806).

Наиболее устойчивые и экономически сильные купеческие фамилии конца XVIII в. были представлены именно крупными семействами — Алянчиковы (17 человек), Горбовы (12 человек), Грибковы (10 человек), Коняшины (17 человек), Муромцевы (10 человек), Якунчиковы (14 человек) и др. Очевидно, практика записи в купечество большими многопоколенными семьями в целях сохранения капитала и, как следствие, купеческого звания фамилии давала свои результаты.

Данные обывательской книги 1830 г. дают следующую картину численности купеческих семей (см. табл. 1). В 1830 г. из 58 русских купеческих семей (с 1810 г. в касимовском купечестве состояли купцы и из татар) наибольшее число составляли семьи, насчитывавшие 7—10 человек — 29 семей (50%), а преобладавшая ранее группа семей численностью 3—6 человек заметно сократилась, составив 14 (24,1%) семей. Доля малых семей была стабильна и составляла 12% (7 семей), а семьи с числом членов более 10 человек составили 8 (13,7%).

Средняя людность русской купеческой семьи в 1830 г. была выше, чем в конце XVIII в., и составляла 7,8 человека. Как видим, этот показатель возрастает, несмотря на то что, по гильдейскому положению 1824 г., запись больших семейств в общий капитал была весьма затруднена. В одном капитале могли состоять только ближайшие родственники.

Родные братья могли состоять в общем капитале только в том случае, если они не были отделены при жизни родителей, не позволялось объединение ранее разделенных братьев. Племянники, двоюродные братья и лица другой степени родства обязаны были объявлять особый капитал, если желали состоять в гильдиях⁵¹. Примечательно, что, по материалам ревизии 1850 г., средний состав русской купеческой семьи не изменился по сравнению с 1830-ми гг. и составлял, как и прежде, 7,8 человека.

Таким образом, повысившись по сравнению с концом XVIII в., средняя людность русских купеческих семей в Касимове в первой половине XIX в. остается достаточно высокой и стабильной. Отмеченная тенденция имела место не только в Касимове. Исследование купечества Рязани показало наличие тех же процессов и в купеческом обществе губернского центра, причем к середине XIX в. среднее число членов купеческой семьи в Рязани несколько возросло по сравнению с первой третью XIX в.⁵² Отмеченные особенности купечества двух наиболее крупных центров Рязанской губернии расходятся с выводами, сделанными в работе Е.А. Зуевой, посвященной исследованию купеческой семьи Сибири в конце XVIII — первой половине XIX в. По ее наблюдениям, средняя людность сибирских купеческих семей на протяжении указанного периода сокращается⁵³. Видимо, тенденции, отмеченные в Касимове и Рязани, имели характер региональной особенности, и причины, способствовавшие их проявлению, требуют специального исследования.

В то же время можно предположить, что сохранение высокой средней численности купеческой семьи в Касимове в первой половине XIX в. было обусловлено изменениями характера пополнения торгового сословия в первой половине XIX в. Во-первых, после массовой записи в купечество городского посадского населения в конце XVIII в., в первой четверти XIX столетия число купеческих семей значительно сокращается. При этом в гильдиях удерживаются только наиболее экономически сильные семьи, а они, как правило, были многолюдны, так как стремление удержаться в купеческом звании вело к тому, что купцы как можно дольше отказывались от раздела, что и вызывало появление больших семей. В свою очередь, это придавало дополнительную устойчивость как семье, так и семейному делу. Наиболее

крупные семьи конца XVIII в. (Алянчиковы, Коняшины, Шишкины, Якунчиковы и др.) в начале XIX в. разделились и стали средними по численности, но в то же время появляются новые многолюдные купеческие семьи других фамилий: Кленовы — 17 и 18 человек, Полежаевы — 14 человек, Шемякины — 12 человек, Пустоваловы — 9 и 10 человек и др. Во-вторых, многие вновь причисленные семьи, особенно происходившие из крестьян, часто были очень обширны. Так, семейство Н.Я. Гусева, происходившего из дворовых людей, насчитывало четыре поколения (24 человека), семейство купцов Барковых в 1830 г. насчитывало 14 человек и состояло из трех родственных семей, проживавших в одном доме и состоявших в одном капитале⁵⁴.

Таким образом, в первой трети XIX в. в Касимове при общем сокращении числа купеческих семей и сохранении их достаточно высокой людности средняя численность купеческой семьи несколько повышается по сравнению с показателями конца XVIII в.

Рассмотрим соотношение семей разного типа в середине XIX в. по данным ревизии 1850 г. (см. табл. 1). Среди 110 русских купеческих семей наибольший процент составляли семьи численностью от 3 до 6 человек — 34 (30,9%). Столько же насчитывалось семей численностью от 7 до 10 человек. Среди них преобладали семьи, насчитывавшие 7 человек, — 17 семей. Семьи, численность которых превышала 10 человек, составляли почти четвертую часть всех купеческих семей, их насчитывалось 27 (24,5%). Малые семьи, численностью 1—2 человека, составляли 13,6%, насчитывая 15 семей⁵⁵.

В конце XIX — начале XX в. средняя численность русской купеческой семьи сокращается, составляя 6,2—6,3 человека. При этом преобладающей по численности по-прежнему была группа семей, насчитывавших от 3 до 6 человек. В 1870-х гг. она составляла 41,1% (44 семьи), в начале 1910-х гг. — 38,4% (20 семей). Число малых семей в конце XIX — начале XX в. возросло и составило в 1875 г. 21,1% (23 семьи), в 1910 г. — 21,4% (11 семей). Число крупных семей, насчитывавших 10 человек и более, напротив, сокращается по сравнению с серединой XIX в.: в 1875 г. их насчитывалось 15 (14%), в 1910 г. — 9 (17,3%).

Таким образом, людность русских купеческих семей в

конце XIX — начале XX в. сокращается и преобладающими становятся средние по размеру семьи, что было закономерным в ходе эволюции семьи от больших, сложных по составу многопоколенных семей к простым малым семьям.

Особым явлением были татарские купеческие семьи. На протяжении всего рассматриваемого периода их средняя людность была заметно выше аналогичного показателя у русского купечества (см. табл. 2). Так, в 1830 г. она составляла 9,4 человека. При этом более половины всех татарских купеческих семей 9 (56,2%) насчитывали от 6 до 10 человек, а четвертая часть — 4 семьи — более 10 человек.

В середине XIX в. среди 24 татарских семей 10 (41,6%) насчитывали от 6 до 10 человек, столько же было семейств, насчитывавших более 10 членов. Не были редкостью и особо крупные семьи, состоявшие из 20 и более человек. В 1850 г. таковых было три — Ходабердыевых (21 человек), Альбетковых (24 человека), Ширинских (31 человек). В капитале, объявленном М.-Р.Б. Ширинским, состояли четыре сына с семьями, их старшие дети также были женаты и имели детей, но состояли при родителях. Малые татарские семьи — от 2 до 5 человек, — как и ранее, не были многочисленны, например в 1850 г. их насчитывалось только 4 (16,6%). Средний размер татарской купеческой семьи составлял 11,4 человека⁵⁶. К началу последней четверти XIX в. показатель средней людности татарской купеческой семьи сократился до 8,2 человека. Изменилось и соотношение разных типов семей. Подавляющее большинство семейств — 13 (72,2%) — по-прежнему насчитывало от 6 до 10 человек, но заметно сократилось число больших семей, оно составило 11,1% (2 семьи). Относительное число малых семей было стабильным, составляя, как и в 1850 г., 16,6 % (3 семьи).

В начале 1910 г. общее число татарского купечества сократилось до 11 семей, из них одинаковое число — по 4 семьи (36,3%) — составляли семьи числом до 5 и от 6 до 10 человек. Число крупных семей несколько возросло и составило 27,2% (3 семьи). В среднем на одну семью приходилось 8,2 человека.

Как следует из приведенных данных, татарские семьи были более сложными по структуре, часто это были многопоколенные макросемьи; для татарских купеческих семей была характерна более высокая, чем для русских семей,

людность. Но в конце XIX — начале XX в. намечается тенденция к уменьшению численности татарской купеческой семьи, что, вероятно, было проявлением общедемографических тенденций развития семьи.

Таким образом, анализ состава касимовских купеческих семей показал следующие их особенности. Людность русских купеческих семей в Касимове на протяжении конца XVIII — первой половины XIX в. была достаточно высока, составляя от 5,9 до 7,8 человека. Сокращение средних показателей людности купеческой семьи обнаруживается только в последней трети XIX в. Численность татарских купеческих семей, состоявших в гильдиях с начала XIX в., была выше аналогичных показателей семей русских купцов, и также сокращалась в конце столетия. На протяжении всего рассматриваемого периода характерной особенностью касимовского купеческого общества было наличие крупных семей. Запись в гильдии больших купеческих семей не только диктовалась экономической необходимостью — размер купеческого капитала не всегда позволял разделить его без ущерба для социального статуса семьи, но, очевидно, была и традиционным принципом организации купеческого предпринимательства конца XVIII—XIX вв. В соответствии с ним все члены купеческой семьи участвуют в общем деле, объединяясь в рамках семейной фирмы и едином капитале, в результате чего семейное дело получало дополнительную устойчивость.

Как показало проведенное нами исследование касимовского купеческого сообщества, его персональный состав характеризуется наличием небольшого круга родов, игравших в хозяйственной жизни города ведущую роль на протяжении всего или почти всего периода существования купеческого сословия. Вместе с тем для каждого хронологического периода выделяется группа своего рода временных торгово-промышленных лидеров. В конце XVIII — начале XIX в. особенно отчетливо проявляется семейно-клановая структура купеческого общества Касимова. Ограниченный приток новых предпринимательских кадров извне в силу еще высокой замкнутости городской общины приводил к тому, что рекрутирование состава купечества происходило на протяжении десятилетий из одних и тех же старинных посадских родов, в результате чего городское купечество насчитывало большое число однофамильных семей, связанных разными

степенями родства. В XIX в. представительство в купечестве фамилий коренного касимовского происхождения постепенно сокращается, составляя в первой половине XIX в. около половины, а во второй половине XIX в. — около трети состава касимовского купеческого общества. Причем в начале XIX в. удельный вес семей “старых” фамилий был выше, чем в середине и второй половине XIX в. Обычным для касимовского купечества было наличие крупных семей, причем их доля в общем составе сословия была достаточно высока. Запись в купечество крупных семей объясняется рядом причин. Во-первых, материальное положение большинства купеческих семей было таково, что раздел капита-

Таблица 1.
СОСТАВ РУССКИХ КУПЕЧЕСКИХ СЕМЕЙ КАСИМОВА
В КОНЦЕ XVIII—XIX в.

Состав семьи (человек)	1782	1795	1830	1850	1875	1910
	семей (%)	семей (%)	семей (%)	семей (%)	семей (%)	семей (%)
от 1 до 2	129 (9,6)	42 (12)	7 (12)	15 (13,6)	23 (21,4)	11 (21,1)
от 3 до 6	80 (64)	192 (54,8)	14 (24,1)	34 (30,9)	44 (41,1)	20 (38,4)
от 7 до 10	25 (20)	84 (24)	29 (50)	34 (30,9)	25 (23,3)	12 (23)
более 10	8 (6,4)	32 (9,1)	8 (13,7)	27 (24,5)	15 (14)	9 (17,3)
Всего	125 (100)	350 (100)	58 (100)	110 (100)	107 (100)	52 (100)
Средняя людность	5,9	5,9	7,8	7,8	6,3	6,2

Таблица составлена по: ГАРО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 70; Д. 877; Ф. 46. Оп. 1. Д. 331; Ф. 129. Оп. 1. Д. 22; Оп. 7. Д. 28; Оп. 46. Д. 66.

Таблица 2.
СОСТАВ ТАТАРСКИХ КУПЕЧЕСКИХ СЕМЕЙ
КАСИМОВА В XIX в.

Состав семей (чел.)	1830	1850	1875	1910
до 5	3 (18,8)	4 (16,6)	3 (16,6)	4 (36,3)
от 6 до 10	9 (56,2)	10 (41,6)	13 (72,2)	4 (36,3)
более 10	4 (25)	10 (41,6)	2 (11,1)	3 (27,2)
Всего	16 (100)	24 (100)	18 (100)	11 (100)
Средняя людность	9,4	11,4	8,2	8,2

Таблица составлена по: ГАРО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 70; Д. 877; Ф. 46. Оп. 1. Д. 331; Ф. 129. Оп. 46. Д. 66.

ла далеко не всегда был возможен без ущерба для их сословного статуса; кроме того, запись в купечество большими семьями позволяла купцам избежать “лишних” налоговых платежей. Во-вторых, участие всех членов большой купеческой семьи в общем деле придавало ему дополнительную устойчивость, превращая семью в своего рода единую фирму с общими интересами и целями.

Примечания

¹См.: *Аксенов А.И.* Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993. С. 7—8; *он же.* Купеческий род и семейные судьбы // Российское купечество от средних веков к новому времени. Науч. конф. Москва, 2—4 ноября 1993 г. Тезисы докладов. М., 1993. С. 102.

²См.: *Аксенов А. И.* Очерки генеалогии... С. 204; *Репин Н. Н.* Генеалогические заметки и торговые биографии крупнейших представителей купеческого мира Европейской России в конце XVII—XVIII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1982. Вып. 2. С. 30.

³“Переписная книга по городу Касимову за 1646 (7154) г.” / Сообщ. В. И. Холмогорова // ТРУАК. 1891. Рязань, 1891. Т. VI, № 2. С. 19—24.

⁴Там же. № 1. С. 7—10; № 2. С. 19—24.

⁵ГАРО. Ф. 651. Оп. 1 а. Д. 523. Л. 11.

⁶ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 120. Л. 34.

⁷РГАДА. Ф. 1397. Оп. 1. Д. 668. Л. 5—8 об.

⁸Подсчитано по: ГАРО. Ф. 129. Оп. 7. Д. 28. Ревизские сказки пятой ревизии купцов города Касимова (1795 год).

⁹Купцы Умновы происходили из Елатьмы, но принимая во внимание то, что они состояли в касимовском купечестве с начала 1780—х гг., мы будем рассматривать эту фамилию в ряду “старых” касимовских фамилий.

¹⁰Подсчитано по: ГАРО. Ф. 129. Оп. 116. Д. 103.

¹¹Подсчитано по: ГАРО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 70.

¹²Подсчитано по: ГАРО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 532.

¹³Подсчитано по: ГАРО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1417.

¹⁴См.: *Аксенов А.И.* Очерки генеалогии... С. 68.

¹⁵См. об этом: *Кафенгауз Б.Б.* Город и городская реформа 1785 г. // “Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.” М., 1956. С. 159.

¹⁶РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1298. Л. 56.

¹⁷ГАРО. Ф. 651. Оп. 1 а. Д. 242. Л. 29.

¹⁸ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 329. Л. 5 об.—6.

¹⁹ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 191. Л. 641.

²⁰ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 329. Л. 5 об.—6.

²¹ГАРО. Ф. 651. Оп. 1. Д. 327. Л. 87, 88, 107, 121.

²²ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1685. Л. 6.

²³РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1298. Л. 42.

²⁴ГАРО. Ф. 651. Оп. 1 а. Д. 529. № 263. В деле отсутствует нумерация листов, здесь и далее по указанному делу приводятся порядковые номера “сказок”, поданных купечеством.

²⁵Там же.

²⁶ГАРО. Ф. 651. Оп. 1 а. Д. 567. Л. 12,98; Д. 259. № 123; Д. 513. Л. 2 об.; Оп. 2 а. Д. 85. Л. 8 об.

²⁷ГАРО. Ф. 920. Оп. 1. Д. 1031. Л. 58.

²⁸ГАРО. Ф. 129. Оп. 7. Д. 28. Л. 63 об.

²⁹ГАРО. Ф. 651. Оп. 1. Д. 122. Л. 2.

³⁰ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1397. Л. 8.

³¹ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1634. Л. 125.

³²ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1546. Л. 289 об.

³³ГАРО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 22. Л. 396.

³⁴ГАРО. Ф. 651. Оп. 1 а. Д. 529. № 233.

³⁵ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3094. Л. 16 об.

³⁶Там же. Л. 1—17.

³⁷ГАРО. Ф. 129. Оп. 92. Д. 4. Л. 1—3. Подробнее о Барковых см.: *Филиппов Д. Ю.* Торговый дом касимовских купцов Барковых: к истории предпринимательских династий России // Отечественная история: Люди. События. Мысль: Сб. науч. тр. кафедры Отечественной истории. Рязань, 1998. С. 163—175.

³⁸См. об этом: *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России, 1861—1900. М., 1974. С. 65.

³⁹ГАРО. Ф. 129. Оп. 46. Д. 66. Л. 1; Ф. 46. Оп. 1. Д. 852. Л. 3.

⁴⁰ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 763. Д. 28—47; Ф. 15. Оп. 1. Д. 155. Л. 1—11; Д. 160. Л. 1.

⁴¹ГАРО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 335. Л. 3—5.

⁴²Касимовский краеведческий музей. Фонды. № 205.

⁴³ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1924. Л. 103,104. Подробнее о Салазкиных см.: *Филиппов Д.Ю.* Предприниматели и общественные деятели Салазкины: материалы к биографии // Исторические личности России: Материалы Одиннадцатой всерос. заочной науч. конф. / Науч. ред. С.Н. Полтораки. СПб., 1998. С. 239—242.

⁴⁴ГАРО. Ф. 129. Оп. 116. Д. 96. Л. 200; Ф. 15. Оп. 1. Д. 877. Л. 1; Д. 1218. Л. 1; Д. 1417. Л. 1.

⁴⁵*Лаверычев В. Я.* Указ. соч. С. 64; *Нифонтов А.С.* Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. (по материалам переписей населения г. Москвы в 70—90-е гг. XIX в.) // “ИЗ”. М., 1955. Т. 54. С. 245.

⁴⁶Подсчитано по: ГАРО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 22. Л. 362—400.

⁴⁷Подсчитано по: ГАРО. Ф. 129. Оп. 7. Д. 28. Л. 1—125.

⁴⁸Там же. Л. 395.

⁴⁹Там же. Л. 365.

⁵⁰См.: Переписная книга по городу Касимову за 1646 (7154) г. // ТРУАК. 1891. Рязань, 1891. Т. VI, № 2. С. 21.

⁵¹Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1—е. СПб., 1830. Т. XXXIX. № 30115.

⁵²См.: *Кусова И.Г.* Рязанское купечество: Очерки истории XVI — начала XX в. Рязань, 1996. С. 115—116.

⁵³См.: *Зуева Е.А.* Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII — первой половины XIX в. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 13.

⁵⁴ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 331. Л. 164, 165, 168, 169.

⁵⁵Подсчитано по: ГАРО. Ф. 129. Оп. 46. Д. 66. Л. 1—226.

⁵⁶Там же.

И.Г. Кусова

*Торговая деятельность
рязанского купечества
в конце XIX — начале XX в. **

Конец XIX — начало XX в. явились временем активного формирования новых буржуазных элементов в экономике и социальной жизни России. Рассматриваемый период в определенном смысле стал переломным в истории российского купеческого сословия. Сложилась парадоксальная ситуация, когда на фоне довольно успешного развития экономики шел процесс умирания сословия, незадолго до того являвшего собой цвет и опору отечественного предпринимательства. Не касаясь объективных факторов социально-экономического развития, отметим лишь, что формальной причиной “заката” купечества стали принятые в последние годы XIX в. новые законодательные акты, существенно изменившие принцип формирования купеческого сословия¹. Если раньше в купечество стремились люди, занимавшиеся торговлей и производством, так как купеческое звание автоматически давало им на это право, то, согласно новым законам, документы, дающие купеческие звания (так называемые гильдейские свидетельства), и документы на право торгово-производственной деятельности представляли собой совершенно разные вещи.

Последствия этих новшеств не замедлили сказаться: численность купечества заметно пошла на убыль; соответственно, сократилось участие сословия в отечественном предпринимательстве. Помимо законодательных изменений отток из сословия шел и по причине получения многими купеческими династиями после 10—20-летнего непрерывного пребывания в гильдии звания почетных граждан. В то же время в

купеческом сословии состояли люди, не имевшие отношения к предпринимательству и выкупавшие купеческие свидетельства с иными целями: отошедшие от дел потомки купцов — по семейной традиции, мещане и крестьяне — из соображений престижа, для получения более высокого социального статуса, евреи — для получения права проживания вне черты оседлости и т.д.² Таким образом, в рассматриваемый период понятия “купец” и “предприниматель” были далеко не тождественны.

Как правило, именно купцы и экс-купцы — почетные граждане составляли верхушку предпринимательства. Наряду с ними весьма значительную роль в городской торговле играли люди, имевшие опосредованное отношение к купеческому сословию или вовсе его не имевшие. С учетом данного обстоятельства, а также имея в виду крайнюю подвижность гильдейского состава (согласно законодательству, записываться в гильдию, то есть подтверждать свой купеческий статус, нужно было ежегодно), на наш взгляд, было бы не вполне объективно исследовать торговлю городского купечества, строго ограничиваясь при этом рассмотрением деятельности только тех, кто официально состоял в купеческом сословии. Поэтому наряду с “официальными” купцами будет рассмотрена деятельность тех предпринимателей, кто имел купеческое происхождение, но не выбирал при этом гильдейского свидетельства, тех, кто записывался в купцы лишь в отдельные годы, а также крупных торговцев из иных сословий. Таков круг лиц, чья деятельность будет рассмотрена ниже.

Определившись с объектом исследования, обозначим и вопросы, которые будут освещены. Что представляла собой торговля в Рязани в указанный период, каковы были ее особенности? Какова роль купечества, то есть его удельный вес, в общегородской торговле? Какие виды торговли получили в купеческой среде преимущественное развитие? Какова величина купеческого товарооборота и прибыльности торговых операций? При обращении к составу купечества частично будет затронута гендерная тематика.

Источниками для исследования послужили опубликованные материалы центральной статистики, в частности общероссийские справочники из серии “Вся Россия: Статистико-экономическое состояние Российской империи”³, издания

губернского статистического комитета⁴ и документы фондов Государственного архива Рязанской области. Из последних наиболее содержательным является фонд податного инспектора⁵. Частично использовались материалы фондов городского самоуправления и губернского управления⁶.

В 1895 году в первой и второй гильдиях Рязани и уезда значилось 130 семей. В последующие годы число семей неуклонно шло на убыль: в 1906 г. — 104 единицы, а к 1913 г. оно уменьшилось до 76⁷, то есть менее чем за 20 лет сокращение составило 41,5%. Учитывая, что в целом, согласно статистике, торговля в губернии, в том числе в Рязани, несмотря на короткие периоды застоя, развивалась поступательно (об этом см. далее), можно сделать вывод, что сокращение численности сословия неизменно повлекло за собой сокращение удельного веса купеческой торговли в общегородской (этого удалось бы избежать лишь при условии резкого роста величины оставшихся в купечестве капиталов, однако, судя по тому, что подавляющее большинство купцов продолжали оставаться во второй гильдии, речи об этом идти не может).

Состав гильдейского купечества Рязани был весьма однородным: основная масса капиталов заявлялась по второй гильдии; первой гильдия исчислялась единицами. К примеру, в 1895 г. из 130 капиталов в первой гильдии состояло 4, в 1901 г. из 112 — 1, в 1908 г. из 94 — 2⁸, в 1913 г. из 76 — 5. В среднем, удельный вес первогильдейцев в общей массе составлял от 0,9 до 12%, причем некоторое увеличение этого показателя в 1910-е гг. произошло не за счет роста абсолютного числа первогильдейских капиталов, а главным образом по причине снижения общей численности сословия.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению торговой деятельности рязанских купцов, попробуем вкратце охарактеризовать торговлю Рязани и отчасти Рязанской губернии. Несмотря на то что Рязань имела древние торговые традиции, она никогда не являлась крупным торговым центром. В середине XIX в. по величине и количеству крупных купеческих капиталов центр губернии уступал даже некоторым уездным городам, таким как Зарайск и Касимов⁹. К концу столетия благодаря нескольким веткам железных дорог, проложенным через Рязань, положение изменилось и город прочно занял первое место в губернии по величине торговых оборотов¹⁰. Характер рязанской торговли во многом опреде-

лялся близостью столицы, на что была сориентирована вывозная торговля, и откуда, в свою очередь, поступали многие товары на рязанский рынок. В 1890-е гг. среди предметов вывозной торговли рязанцев называются только хлеб и скот, который отправляли в Москву и другие города по реке Оке и железной дороге¹¹. В целом вывозная торговля в Рязани имела небольшое значение, поскольку основным направлением в торговой деятельности предпринимателей являлось обслуживание местного рынка.

Исследуя торговлю Рязани и губернии, статистика конца XIX — начала XX в. отмечала довольно стабильное ее, торговли, положение. Отдельные колебания в сторону увеличения или уменьшения торговых оборотов случались практически ежегодно, но общей картины они не меняли. Вызваны эти колебания были различными причинами. К примеру, в 1897—1898 гг. некоторый упадок в торговле был вызван недородом хлебов, составлявших один из главных предметов торговли Рязанской губернии¹². В 1904—1905 гг. снижение торговых оборотов было вызвано ухудшением экономической ситуации в стране, которое, в свою очередь, являлось следствием “войны на Дальнем Востоке и внутренних неурядиц”. В этот период наблюдался отток в район военных действий значительной части наиболее трудоспособного населения, сокращались торговые кредиты, что, конечно же, не могло не сказаться на состоянии городской торговли. Кроме того, некоторый спад в торговле Рязани в этот период был связан с перерывом в железнодорожном и почтово-телеграфном сообщении, а также со случившимся в городе в октябре 1905 г. погромом, когда был разорен ряд крупных магазинов¹³. В период с 1906 по 1911 г. уровень торговых оборотов в губернии оставался в целом неизменным, при этом отмечалось некоторое “дробление” торговли, то есть переход определенной части торговых заведений из высших разрядов в низшие (разделение на разряды осуществлялось по величине торговых оборотов)¹⁴. В 1912—1913 гг. “под влиянием очевидно удовлетворительных экономических условий” в торговле произошло небольшое улучшение, которое, однако, затронуло не все ее отрасли. В частности, бакалейная и железоскобяная торговля оставались без изменений, а в хлебной торговле наблюдалось даже некоторое затишье, вызванное тем, что закупка и подвоз хлеба были чрезвычай-

но затруднены из-за продолжавшихся всю осень дождей. Увеличение же оборотов произошло прежде всего в сфере непродовольственных товаров, таких как торговля мануфактурой, галантереей, готовым платьем, лесом, а также пивом. Во время Первой мировой войны ежегодные статистические сборники перестали издаваться, поэтому точных данных о величине и динамике развития торговых оборотов губернии в 1914—1917 гг. мы не имеем, но не вызывает сомнений, что объем торговли вследствие военных перипетий значительно сократился.

Из различных форм торговли — ярмарочной, оптовой, розничной и мелочной — нас интересуют большей частью, две — оптовая и розничная, поскольку именно эти формы преобладали в купеческой торговле. Ярмарочная торговля была уделом главным образом крестьян (ярмарки проводились в Рязани три раза в год — на Средокрестной неделе, 2 июля и 28 августа, и имели сравнительно небольшие суммарные обороты — от 35 до 55 тысяч руб.); кроме того, в начале XX в. эта форма торговли постепенно утрачивала свое былое значение из-за развития коммивояжерского промысла, увеличения сети железных дорог и уменьшения размеров скотоводства, в то время как скот являлся одним из главных предметов такого рода торговли¹⁵. Мелочной торговлей в городе занимались преимущественно те же крестьяне и мещане. Купцы подобного рода торговлей занимались редко, и, как правило, содержание мелочных лавок являлось для них дополнением к какому-либо другому виду торговой деятельности. Итак, оставив в стороне ярмарочную и мелочную торговлю как не характерную для купечества, обратимся к оптовой и розничной торговле.

Информация о купеческой торговле конца XIX в. не очень обширна. Перечень рязанских торговцев с указанием рода торговли (данные на 1891 г.) приводит справочник “*Вся Россия*”. Некоторые сведения о торговле купцов также содержат отдельные документы фонда городской управы города Рязани и фонда губернской казенной палаты. На основе перечисленных источников попытаемся дать краткое описание торговли рязанских предпринимателей в 1890-е гг.

В это время ряды купечества Рязани были еще довольно представительными и после выделения части сословия в категорию неторгового купечества ежегодно насчитывали от

115 до 130 капиталов. Самые значительные капиталы имели лесоторговцы. Трое из них, П. Хрущев, Г. Солодов и И. Леонтьев (Масленников)¹⁶, записывались в первую гильдию. Там же состояли на протяжении 1880—1890-х гг. мучной торговец В.Силантьев и торговец недвижимостью Ю. Колманок. Остальные торговцы числились во второй гильдии или же записывались в первую гильдию не более чем на 1—2 года, после чего вновь перечислялись во вторую.

Если исходить из списка, приведенного в указанном справочнике¹⁷, то получается, что наиболее активно рязанские купцы занимались мучной и лесной торговлей, а также продажей мануфактурных и колониальных (то есть импортируемых) товаров. Так, мукой и мануфактурой торговали по 10 купцов, а лесом и колониальными товарами — по 9. В других видах торговли, таких как галантерейная, бакалейная, железоскобяная и другие, число купцов составляло 1—3 человека. Кроме того, в некоторых видах торговли купцов не было вообще. Например, ни один представитель сословия не назван в числе продавцов посуды, рыбы и кондитерских товаров; такого рода торговля находилась в руках мещан, крестьян и ремесленников. И, напротив, в ряде разновидностей торговли названы исключительно купцы, без участия мещан и прочих сословий. К таким монополюбно-купеческим владениям отнесены торговля часами (С. Материкин, Е. Соколов, Д. Топорков), музыкальными инструментами (С. Кессельман) и канцелярскими принадлежностями (И. Жирков), винная (А. Алексеев, Е. Ежов, П. Морозов, И. Савичев) и москательная торговля (москательные товары — краски, клеи, технические масла и прочие химические продукты) — (Я. Михайлов). Предприятия последней категории, то есть те, где торговлю вели только купцы, были немногочисленны и, как правило, были представлены всего одной-двумя фамилиями торговцев. По сравнению с прочими, немногим больше было виноторговцев, в списке которых названы четыре фамилии.

Самые многочисленные группы торгующего купечества — хлеботорговцы и лесоторговцы — выделялись не только своей численностью, но и, как отчасти уже было замечено, величиной капиталов. Именно в этих группах было сосредоточено подавляющее большинство первогильдейских капиталов. Свидетельства первой гильдии в разные годы выбирали хле-

боторговцы Антоновы, Силантьевы, Н. Щербаков, упомянутые выше лесоторговцы Г. Солодов, И. Масленников, П. Хрущов. Примечательно, что большая часть лесоторговцев состояла в купеческом сословии уже во втором или третьем поколении, а следовательно, их капиталы сформировались за несколько десятилетий до описанного времени. В том, что хлебные капиталы в Рязани имели столь “почтенный возраст”, очевидно, не последнее значение имели существовавшие в городе давние традиции хлебной торговли.

Иначе выглядят капиталы лесоторговцев. Наиболее оборотистыми среди них были бывшие крестьяне — купцы в *первом* поколении. Их капиталы, соответственно, были намного “моложе” хлебных. Развитие лесной торговли и выдвижение ее на первые позиции в купеческом предпринимательстве, вероятно, следует увязать со скупкой земель, которой купцы активно занимались в этот период¹⁸.

Группы купцов — торговцев колониальными товарами и мануфактурой не дают возможности выявить какие-то тенденции в формировании капиталов этого рода. Среди них присутствуют как потомственные купцы (Крюковы, Шульгины, Кокины), так и вчерашние мещане и крестьяне (Афанасьевы, Соловьевы). Следует отметить, что среди торговцев мануфактурой упоминаются женщины. Это купчихи М.Д. Митрофанова и Т. Соловьева. Обе числились купеческими женами (а не вдовами), а следовательно, вели свое самостоятельное дело при жизни мужей, хотя не исключено, что оформление торговли на имя жен было не более чем формальностью, а реально дела вели сами купцы, их сыновья или приказчики.

В целом в конце XIX в. число женщин, занимавшихся торговлей, было еще незначительным. В справочнике названы всего пять женщин-купчих¹⁹. Помимо двух вышеназванных хозяйек мануфактурной торговли в списке указаны предпринимательницы, совмещавшие два рода торговли: Е. Сливкова продавала лес и железоскобяные товары, А. Ланина содержала гостиницу и вела колониальную торговлю. Пятая и последняя предпринимательница, Е. Ежова, занималась продажей вина. Таким образом, женщины хотя и завоевывали постепенно все более прочные позиции в рязанской торговле (в 1837 г. женщины составляли 6% городских купцов-торговцев²⁰, в 1891 г. их число возросло до 9,3%), тем не менее их участие продолжало оставаться весьма скромным.

Еще одной характерной особенностью рязанской торговли конца XIX в. стало появление торговых домов. Подобные образования объединяли в своих рамках несколько капиталов, как правило семейных. Учредителями торговых домов обычно выступали братья или отец с сыновьями, реже для совместной торговли объединялись лица, не связанные между собой родственными узами. На данный момент известны 14 торговых домов Рязани, существовавшие в 1880—1910-е гг.²¹ Подавляющее большинство этих заведений — 11 из 14 — возникло в течение одного десятилетия — с 1886 по 1895 г. В 1889 г. одними из первых были образованы торговые дома Крюковых (торговля мукой и колониальными товарами) и Гордеевых (мануфактурная торговля). В начале 1890-х гг. торговые товарищества создали владельцы магазинов готовой одежды и пошивочной мастерской отец и сыновья Курпели, торговцы мануфактурой и галантерейными товарами братья Шульгины, торговцы и владельцы гостиницы и ресторана отец и сыновья Морозовы. При схожих обстоятельствах и с разницей в полгода в 1894—1895 гг. возникли торговые дома Масленниковых и Дроздовых. Оба учредителя, Федот Масленников и Алексей Дроздов, были крестьянами, выкупившими временные купеческие свидетельства и вступившими в торговый союз со своими братьями, которые продолжали числиться в крестьянах. Оба дома не ограничивались пределами Рязанской губернии, как это было у остальных торговых домов, зарегистрированных в городе, а торговали по всей стране: Масленниковы — всякого рода товарами, продовольственными и непродовольственными, Дроздовы — продукцией своих предприятий, ватного и “отбеленого”. При этом Торговый дом Дроздовых имел самый крупный уставной капитал — 200 тыс. руб.²² Капиталы остальных торговых домов находились в пределах 8—35 тыс. руб. Заметно разнилась и продолжительность существования торговых домов. Некоторые дома существовали в течение нескольких лет, другие оказались намного более жизнеспособными, они действовали в течение 15—20 лет и прекратили свое существование после 1917 г.

По сравнению с 1890-ми гг., торговая деятельность рязанских купцов в 1900-е гг. в источниках отражена намного полнее. Уникальные в своем роде документы содержит фонд податного инспектора города Рязани. Должность податного инспектора была учреждена в России с введением Промыс-

лового положения 1886 г. и существовала до 1918 г. В обязанности податных инспекторов входило определение размеров налогового обложения и контроль за правильностью и своевременностью выплаты налогов. В настоящее время материалы указанного фонда являются единственным известным нам источником, содержащим данные о торговых заведениях города и, что более важно, о размерах товарооборотов рязанских предпринимателей и величине их прибыли. Документы фонда датируются 1896—1918 гг., однако материалы, представляющие для нас интерес, относятся исключительно к первым годам XX в.

Обратимся к этим материалам и проанализируем купеческую торговлю, ее структурные особенности, размеры купеческих товарооборотов. Основным источником при этом нам послужит «Список торговых и промышленных предприятий г. Рязани 1906—1907 годов»²³. Для «чистоты эксперимента» будем оперировать исключительно данными 1906 г. Подобное жесткое ограничение объясняется ежегодными изменениями в составе сословия, причины которых были изложены выше. Разумеется, с помощью указанного исследовательского приема мы не имеем возможности проследить интересующий нас вопрос в динамике; вместе с тем предпринятый метод позволяет дать максимально полную картину торговых занятий рязанского купечества за определенный период.

После введения нового промыслового положения 1898 г. для определения прибыльности, или, выражаясь современным языком, рентабельности торговых заведений и установления в зависимости от этого налогового обложения, во всех губерниях России была разработана классификация торговых заведений с учетом местных особенностей²⁴. В Рязани, согласно выработанной классификации, вся торговля подразделялась более чем на 70 видов. Спектр заведений, названных торговыми, был достаточно велик. Он включал в себя, помимо магазинов и лавок, разного рода трактирные заведения, гостиницы, винные погреба, бани, аптеки и транспортные предприятия²⁵. Для каждой разновидности торговли определялась средняя прибыльность. Для большинства торговых заведений прибыльность не превышала 10%, но у некоторых заведений, таких как игрушечные, антикварные магазины, кондитерские и магазины по продаже музыкальных инструментов, этот показатель был более высоким и

превышал 20%. Самая же высокая прибыль была у владельцев модных дамских магазинов — 25% и аптек — 27%. У ряда других заведений, напротив, этот нормативный показатель был довольно низким и составлял 1—5%. К такого рода предприятиям относились: из продовольственных видов — торговля сахаром, чаем, хлебом, из непродовольственных — торговля железом, мылом, бумагой, строительными и осветительными (масло, нефть) материалами.

В списке 1906—1907 гг. приведены торговые заведения Рязани первых трех наиболее крупных разрядов, (купцам полагалось выкупать свидетельства на торговые заведения первых двух разрядов, к которым относились заведения с годовым оборотом от 50 тыс. и выше, к III разряду относились заведения с оборотом от 10 до 50 тыс. руб.). Поскольку сословная принадлежность владельцев торговых заведений в списке не указывается, сопоставим этот документ с гильдейским списком Рязани за тот же 1906 г., чтобы выявить среди владельцев купцов. При этом выясняется, что из 104 купцов, числящихся в гильдейском списке (103 капитала — во второй гильдии и один — в первой), лишь 79 (75%) являлись владельцами торговых заведений, 12 купцов (11,5%) занимались производством, а оставшиеся 13 (12,5%) представителей сословия не указаны среди владельцев торгово-промышленных предприятий, поэтому род их занятий нам не известен.

В перечне торговых предприятий города приведены заведения 54 разновидностей, включая аптеки, гостиницы, транспортные конторы и проч. Купцы владели предприятиями только в 20 видах торговли из представленных 54, исключая такие, как те же аптеки, торговля кожей, обувью, посудой, фруктовая, колбасная, кондитерская торговля и многое другое. В общей сложности из 496 заведений купцам принадлежало всего лишь 72 (14,5%) — значительно меньше, чем можно было бы ожидать. Структура купеческой торговли представлена в таблице 1.

Как видно из таблицы, при наличии определенного сходства с общегородской торговлей купеческая торговля имела характерные отличия. Прежде всего, она была заметно более сконцентрирована: на самые развитые в городе виды торговли — бакалейную, мануфактурную и мучную — у купцов приходилась половина всех заведений (48,6%), в то время как в общегородской торговле указанные заведения

Таблица 1.
УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ТОРГОВЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
В КУПЕЧЕСКОЙ И ОБЩЕГОРОДСКОЙ ТОРГОВЛЕ
РЯЗАНИ (1906 г.)

Род заведений	Уд. вес в купеческой торговле, %	Уд. вес в городской торговле, %
Бакалейные	20,8	23,0
Мануфактурные	15,3	6,0
Мучные	12,5	6,9
Галантерейные	6,9	3,0
Железные, кузнечные	5,6	3,6
Гостиницы, трактиры, рестораны	5,6	3,4
Булочные	4,2	4,2
Книжн. и писчебум.	4,2	1,2
Прочие	24,9	48,7

не играли столь значительной роли и составляли 35,9% торговых заведений города. То же следует сказать и о прочих видах торговли, где имелись купеческие заведения: почти во всех представленных видах удельный вес заведений того или иного рода у купцов был выше, нежели в городе вообще. Исключением являются булочные и портерные (пивные), доля которых составляет равные величины в городской и купеческой торговле (булочные — 4,2%, портерные — 1,4%), а также торговля мясом и готовой одеждой, где мы имеем обратное соотношение — мясные заведения и магазины готовой одежды составляли в городе, соответственно, 5 и 3% торговых заведений, тогда как у купцов оба названных вида торговли составляли по 2,8%.

Высокая концентрация купеческих капиталов в отдельных областях торговли, а также наличие у купцов заведений в узкоспециализированных областях, не получавших широкого распространения, позволили занимать им в подобного рода торговле ведущее положение. К примеру, в таких специфических разновидностях торговли, как свечная, сахарная, масляная (имеются в виду технические масла), купцам принадлежало 100% заведений города, а в торговле книгами и музыкальными инструментами — половина всех заведений. Купцам принадлежала третья часть всех мануфактурных и галантерейных магазинов города, четверть мучных, железокузнечных и гостинично-трактирных заведений, пятая часть предприятий лесной и мебельной

торговли. При этом необходимо учитывать, что в руках купцов, как правило, были сконцентрированы наиболее крупные предприятия, значительно превосходившие своими оборотами некупеческие предприятия в той же области. Если же крупные предприятия принадлежали не купцам, это были экс-купцы — потомственные почетные граждане (В. Постников, Г. Солодов) или предприниматели, ранее выбиравшие купеческие свидетельства (И. Салтыков, А. Батракова).

Согласно списку предприятий 1906 г. средний купеческий товарооборот составлял 50,5 тыс. руб. в год. Самые крупные купеческие капиталы были сосредоточены в бакалейной и мучной торговле. Среди бакалейщиков выделялись единственный купец первой гильдии В. Ларионов (годовой оборот — 660 тыс. рублей), купцы А. Сударкин (135 тыс. руб.), М. Часоводов (120 тыс. руб.). В мучной торговле самые большие товарообороты были у Торгового дома Масленниковых (400 тыс. руб.) и у М. Силантьева (100 тыс. руб.). Такие же значительные обороты были в области мануфактурной торговли — у Торгового дома Шульгиных (370 тыс. рублей), в области железокузнечной торговли — у М. Рождественского (100 тыс. руб.) и у наследников Шестова (350 тыс. руб.). Средние размеры товарооборотов в различных отраслях составляют следующие величины (приводим самые крупные):

- железокузнечная торговля — 122,5 тыс. руб.
- мучная — 85,8 тыс. руб.
- бакалейная — 80,1 тыс. руб.
- мануфактурная — 68,0 тыс. руб.
- мясная — 45,0 тыс. руб.
- мебельная — 40,0 тыс. руб. и т.д.

Самые мелкие обороты были у владельцев часовых магазинов (5 тыс. руб.) и магазина музыкальных инструментов (3 тыс. руб.).

Несколько иначе предприятия распределялись по своей прибыли. Наиболее высокую прибыль давала продажа тех же железокузнечных изделий — в среднем 8,6 тыс. руб. в год, далее по убывающей идут:

- мануфактурная торговля — 5,2 тыс. руб.
- бакалейная — 4,5 тыс. руб.
- транспортные конторы — 4,2 тыс. руб.
- мебельная торговля — 4,0 тыс. руб.
- мучная — 3,9 тыс. руб.

булочная — 3,2 тыс. руб.
мясная — 3,0 тыс. руб.
лесная — 2,4 тыс. руб.

И здесь на последних местах находились часовая торговля и продажа музыкальных инструментов. У часовщиков прибыль составляла 750 руб. в год, у владельца магазина музыкальных инструментов — 600 руб. Самую же высокую прибыль имели бакалейный торговец В. Ларионов (33 тыс. руб.), Торговый дом Шульгиных (32,2 тыс. руб.) и наследники Шестовы (24,5 тыс. руб.). Торговый дом Масленниковых, который по своим оборотам значительно превосходил и Шульгиных, и Шестовых, заметно уступал последним по величине прибыли — она составляла 17,5 тыс. руб. Большинство же рязанских купцов-торговцев имели весьма скромную прибыль, не превышающую 1—3 тыс. руб., и более того, у 11 владельцев торговых заведений прибыль не достигала и таких размеров и составляла от 350 до 900 руб. Но при этом необходимо учитывать, что, по сравнению с другими сословиями, у купцов в целом прибыль была более высокой.

Подведем итоги всему вышеизложенному. В результате принятия в 1898 г. новых положений, регулирующих правила записи в купечество, состав сословия в начале XX в. значительно сократился, что не могло не сказаться на масштабах торговой деятельности купечества. Составляя меньшую часть общего числа городских предпринимателей, купцы, соответственно, владели незначительным в процентном выражении (14,5%) числом городских торговых заведений Рязани. Купеческие заведения имелись далеко не во всех видах торговли, они были сосредоточены в наиболее развитых в Рязани областях — мучной, бакалейной, хлебной — и в узкоспециализированных родах торговли — книжной, сахарной, свечной и проч. Купцам принадлежало подавляющее большинство крупных торговых заведений Рязани, лишь малая часть подобных заведений находилась во владении у представителей других сословий, часть которых к тому же ранее также состояла в купечестве. Значительную роль в купеческой и общегородской торговле играли торговые дома, которые зачастую являлись лидерами в той или иной области торговли. Все это позволяет заключить, что, несмотря на объективно неблагоприятные условия существования и раз-

вития купеческого сословия в России в начале XX в., рязанское купечество продолжало удерживать достаточно прочные позиции в городской торговле и, будучи численно потеснено на рынке торговцами — представителями иных сословий, тем не менее занимало лидирующее положение по масштабам торговой деятельности.

Примечания

*Первоначально сокращенный текст статьи был опубликован на английском языке. См.: *Kusova I.G. Riazan Merchant Trading at the End of the Nineteenth and the Beginning of the Twentieth Centuries // Russian Studies in History. 1999. Vol. 38, № 2. P. 17—30.*

¹Свод законов Российской империи. Птг., 1914. Т. 5. Ст. 447—477.

²Подробнее о составе купечества г. Рязани см.: *Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI — начала XX века. Рязань, 1996.*

³Обзоры Рязанской губернии за 1897—1913 годы. Рязань, 1898—1915.

⁴Вся Россия: Статистико-экономическое состояние Российской империи. Торгово-промышленный адрес-календарь России. СПб., 1894.

⁵ГАРО. Ф.188 (Податной инспектор г. Рязани).

⁶ГАРО. Ф. 19 (Городская управа г. Рязани); Ф.49 (Городская дума г. Рязани); Ф. 129 (Рязанская губернская казенная палата).

⁷Подсчитано по: ГАРО. Ф. 129. Оп. 386. Д. 183; Д. 521; Д. 526.

⁸Подсчитано по: Там же. Д. 517; Д. 522.

⁹См.: Рязанская губерния. Материалы для статистики и географии России /Сост. М.С. Баранович. СПб., 1860.

¹⁰См.: Обзоры Рязанской губернии за 1897 и 1898 гг.

¹¹Обзор ... за 1897 год. Рязань, 1898. С. 25.

¹²Обзор ... за 1898 год. Рязань, 1899. С. 27.

¹³Обзор ... за 1905 год. Рязань, 1906. С. 52.

¹⁴Обзор ... за 1911 год. Рязань, 1913. С. 67.

¹⁵Обзор ... за 1908 год. Рязань, 1909. С. 69; То же ... за 1913 год. Рязань, 1915. С. 65.

¹⁶Среди рязанских купцов встречались лица, имевшие по две фамилии. Обычно это были выходцы из крестьян, то есть купцы в первом поколении, которые одну фамилию получали по своему отчеству, а вторую — по фамильному прозвищу отца. Так, Иван Леонтьевич Масленников именовался и Масленниковым, и Леонтьевым, Иван Федорович Жирков — и Жирковым, и Федоровым и т.п.

¹⁷Необходимо учитывать, что в подобного рода изданиях, очевидно, по причине многоступенчатости обработки первичного материала, к сожалению, нередко встречаются неточности и даже ошибки.

¹⁸За период 1881—1905 гг. число купеческих земельных владений в Рязанском уезде возросло с 64 до 129 и составило четверть всех земельных владений уезда (см.: Статистика землевладения 1905 года. СПб., 1906. Вып. IV. Рязанская губерния)

¹⁹ Кроме купчих в списке фигурируют еще шесть женщин некупеческого сословия, в том числе торговавшая галантереей и мануфактурой А. Селиванова, которая в начале XX в. будет значиться купчихой.

²⁰Подсчитано по: ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 55.

²¹Подсчитано по: ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 820; Д. 1746.

²²Подсчитано по: Там же. Д. 822

²³ГАРО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 51.

²⁴В Рязани при определении средней прибыльности предприятий использовался опыт других губерний. Об этом свидетельствует тот факт, что в Рязань присылались классификационные ведомости из других городов, в частности из Баку и Пензы (см.: ГАРО. Ф. 129. Оп. 157. Д. 179).

²⁵ГАРО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 147.

А. О. Никитин

Ф. А. Малявин и становление Рязанского художественного училища

Художественная жизнь Рязани первых послереволюционных лет представляет собой интереснейшее и малоизученное явление. В ряду культурных событий 1918—1919 гг. не последнее место занимают основание Рязанского художественного училища и выставка картин художника Филиппа Андреевича Малявина. Последний стоял также у истоков училища, что позволяет объединить эти темы.

Рязанский период биографии Малявина занимает два десятилетия, но изучен очень мало. “Ф.А. Малявин ничего не оставил после себя, кроме своего искусства, — пишет исследовательница творчества художника О.А. Живова. — Неизвестна судьба его архива...”¹. Кажется бы, история возникновения в Рязани художественного училища, способная пополнить биографию художника новыми деталями, давно должна была заинтересовать исследователей. Тем не менее ни одной специальной работы, посвященной становлению РХУ и деятельности в Рязани Малявина не существует. Источниками для цитировавшейся выше монографии О.А. Живовой послужили воспоминания В.Н. Шульгина² и рязанские газеты 1918—1919 гг. В этом же русле следует большинство остальных публикаций³. Повесть А.Осипова “Вихрь”⁴ эпизод с выставкой целиком заимствует у того же Шульгина. Материалы ГАРО нашли отражение лишь в газетных заметках Т.П. Синельниковой и А.М. Сторожевой⁵.

О начальном этапе истории РХУ удовлетворительных публикаций не существует. Рассматривалась эта тема либо в

связи с училищными юбилеями, либо через призму биографии Я.Я. Калиниченко, занимая в общем изложении лишь несколько строк⁶. Традицией такого рода публикаций является отсутствие ссылок на источники, отчего неясно, имели ли авторы дело хоть с какими—нибудь документами или просто перелицовывали тексты предшественников⁷.

Взгляд на историю РХУ, сложившийся в рязанском краеведении 1960—1970 гг., отражен в “Материалах свода памятников истории и культуры РСФСР”. Нынешнее помещение РХУ охарактеризовано там С.М. Степашкиным как “здание, где в 1918 г. была открыта художественная студия, возглавляемая художником Я.Я. Калиниченко [...] Я.Я. Калиниченко стал руководителем открытой 3 ноября 1918 г. по его инициативе художественной студии, которая явилась предшественницей Рязанского художественного училища, существующего и в настоящее время”⁸.

3 ноября как дата рождения Рязанского художественного училища приводится и в буклете, выпущенном к 75-летию РХУ. Утверждается, что в этот день Рязанский Совет рабочих и крестьянских депутатов выдал Я.Я. Калиниченко доверенность на получение 13 762 руб., ассигнованных на содержание студии⁹. Иная дата — 1 июля 1918 г. названа в “Очерках истории культуры Рязанского края” И.П. Попова¹⁰.

Вернемся к тексту С.М. Степашкина. “Кроме художественной студии, — пишет он, — в Рязани в течение 1919—1922 гг. [sic! — А.Н.] были открыты свободные государственные художественные мастерские (ул. Ленина, 38) для всех желающих, достигших шестнадцати лет. В конце марта 1919 г. на общем собрании учащихся мастерских руководителями были избраны Ф.А. Малявин и Я.Я. Калиниченко. Открытию художественных мастерских [...] способствовала персональная выставка произведений Ф.А. Малявина в феврале 1919 г., всколыхнувшая творческую молодежь”¹¹. Значат ли слова “...кроме художественной студии”, что студия и мастерские были не связанными между собой организациями? “Работала также Красноармейская художественная студия при Рязанском гарнизонном клубе (ул. Ленина, 28), которой руководил Кирсанов Михаил Герасимович [...] Весной 1920 г. студия переехала в деревню Аксиньино в мастерскую Ф.А. Малявина”¹², — добавляет Степашкин.

Шаг вперед в изучении истории РХУ мог быть сделан в се-

редине 1980-х гг., когда накануне 70-летия училища к документам ГАРО обращалась Л.Н. Ляхова. Однако единственная известная нам публикация Л.Н. Ляховой на эту тему выделяется на фоне прочих разве что оригинальным “открытием”, что “единомышленниками и помощниками” Калиниченко в открытии студии стали Ф.А. Малявин, С.А. Пырсин и А.А. Киселев-Камский¹³.

Тяжело искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Очевидно, что без прочной, основанной на документальных источниках фактической базы автора — будь он искусствовед или историк — не спасут ни самое ловкое маневрирование вокруг темных для него мест, ни уклончивые формулировки. Приблизительность суждений будет обнаруживать себя в каждой строчке.

Предпринятое автором этих строк в 1998 г., в связи с предстоящим 80-летием РХУ, архивное исследование позволило освоить значительный массив документов и восстановить многие детали событий, о которых до сих пор не имелось никакого представления. В работе были использованы документы из фондов ГАРО, ГАРФ, РГАЛИ, архива РХУ и Музея молодежного движения, ныне впервые вводимые в научный оборот¹⁴.

Человек, благодаря дневниковым записям которого мы получаем возможность увидеть события 1918—1919 гг. не только через строки документов, но и живыми, заинтересованными глазами одного из ключевых участников событий, — **Михаил Иванович Воронков** (1893—1973 гг.), в описываемый период — губернский комиссар народного просвещения, член горкома и губкома ВКП(б). Натура творческая, этот крестьянский сын, бывший студент Московского коммерческого института, в большей степени, чем кто—то еще из руководящей обоймы рязанских большевиков, может быть назван интеллигентом. Среди партийцев 1917 г. встречались такие — шедшие в революцию не за властью, а из идеи общественного служения. Этим людям приходилось нелегко — жизнь быстро обнаруживала иллюзорность их позиции. В этом смысле дневник Воронкова очень красноречивый документ: ожидание мировой революции сочетается там с резкой критикой большевистской управленческой практики, самоуверенность “молодого реформатора” — с нарастающим разочарованием, преклонение перед Лениным — с неприятием “ярых коммунистов”.

Участие М.И. Воронкова пронизывает все события в сфере образования и культуры Рязани тех лет. Исключителен его вклад в работу Подотдела изобразительных искусств Губернского отдела народного просвещения. Любовь к изобразительному искусству (при несколько старомодных вкусах) не раз находит выход на страницах его дневника. Недаром Воронков, не будучи художником, входил в состав Коллегии подотдела, а затем и возглавил ее. Не ему ли принадлежала инициатива организации Художественной студии при отделе?

Традиция отводит эту роль Калиниченко — с той же легкостью и бездоказательностью, с какой приписывает последнему организаторские способности¹⁵. Не вдаваясь сейчас в вопрос, обладал ли таковыми Яков Яковлевич, отметим, что полноценного исследования о художнике до сих пор не написано — не считать же им брошюру А.И. Репкина, изданную в 1958 г. Если картины “художника-демократа” подвергались искусствоведческому анализу, то его личность и биография остались вне изучения. Следствием явилась неизбежная мифологизация фигуры Калиниченко, который, между тем, был человеком из плоти и крови.

Губернский комиссариат народного просвещения функционировал с марта 1918 г., тогда же в составе художественной секции появился Я.Я. Калиниченко. С “мифологической” точки зрения все логично — “художник-демократ” и новая власть нашли друг друга. Как писал А.И. Репкин, “те идеи, за которые так страстно боролся своим искусством Калиниченко, нашли практическое воплощение с приходом Советской власти”¹⁶.

На самом деле “приход Советской власти” застал Калиниченко растерянным, испуганным человеком, чье имение в деревне Аксень Ряжского уезда подверглось крестьянскому разграблению. Сохранившиеся письма художника 1917—1918 гг. убедительно свидетельствуют, что ни о чем, кроме спасения своей жизни и своей семьи, Калиниченко в начале 1918 г. и не мечтал. В письме И.А. Данилину от 26 марта 1918 г. Яков Яковлевич, нашедший убежище в Ухолове, сообщает, что поступил в школьные учителя, но к работе приступит только осенью. “Я собираюсь на днях ехать в Рязань в Совет Советов хлопотать о вывозе картин своих и библиотеки, — пишет он в том же письме. — Не знаю, выйдет ли что из моей поездки. Ехать сейчас очень трудно.

Красная гвардия пассажиров снимает из крыш вагонов залпами; есть убитые”¹⁷.

Из приведенных строк ясно, что в Рязань Калиниченко отправлялся отнюдь не окрыленный организационными идеями. И коль в том же марте 1918 г. — спустя всего несколько дней — мы встречаем Калиниченко в составе художественной секции Губпроса, то это, несомненно, следствие встречи с М.И. Воронковым, который немедленно взял его в оборот (“Вы художник? Вот и включайтесь в работу”).

Одним из первых мероприятий секции стала открытая 23 апреля выставка картин¹⁸. А 15 мая 1918 г. на заседании Губпроса под председательством Воронкова принимается решение: “Устроить выставку картин художника *Малявина* [курсив наш. — А.Н.]”. Под другим пунктом в том же протоколе читаем:

“[...]Возбудить ходатайство перед Исполнительным Комитетом Совета Рабочих Депутатов о передаче в ведение Комиссариата Художественно-исторического музея им. Пожалостина и Педагогического музея, дом б. губернского земства переименовать в Дом Комиссариата Народного Просвещения”¹⁹.

“Б. дом губернского земства” (точнее, Губернской земской управы) на углу Левицкой и Мальшинской улиц — не что иное, как нынешнее здание Администрации города Рязани, или, выражаясь в духе 1918 г., “б. дом Обкома КПСС”. Двухэтажное кирпичное здание с полуподвальным этажом, отстроенное перед самой революцией по проекту инженера А.И. Шевлягина²⁰, было самым внушительным по площади гражданским сооружением тогдашней Рязани (около 20 000 м²). Именно в этом здании, ставшем впоследствии бастионом местной партийной власти, в 1918—1919 гг. проводились художественные выставки²¹. Это и есть “здание, где в 1918 г. была открыта художественная студия, возглавляемая художником Я. Калиниченко”. С.М. Степашкин, объявивший таковым нынешнее здание РХУ, попал пальцем в небо; в действительности свое нынешнее местопребывание училище обретет лишь в 1933 г., сменив не один адрес²².

Документа, содержащего постановление о создании при Комиссариате просвещения Художественной студии, обнаружить не удалось; первые, встреченные нами, упоминания

о ней исходят уже из факта принятого решения. Так, 22 мая 1918 г. Губпрес постановляет:

“VI. [...] Поручить Я.Я. Калиниченко представить в Комиссариат список картин, находящихся на выставке Комиссариата, для приобретения Комиссариатом в собственность; представить список журналов, книг, которые необходимо выписать для студии [курсив наш. – А.Н.], а также поручить Калиниченко обследовать художественную мастерскую при Духовной Семинарии”²³.

24 мая 1918 г. утверждается смета на устройство электрического освещения студии в сумме 1092 руб.²⁴

После этого на заседаниях коллегии Губернского отдела народного просвещения две темы – выставки картин Малявина и Художественной студии – тесно соседствуют друг с другом. Для художественной секции Губпроса это, бесспорно, главные мероприятия. Секцию же на первых порах составляют лишь два человека – М.И. Воронков и Я.Я. Калиниченко.

Яков Яковлевич Калиниченко—Бабак (1869—1938) – такова его полная фамилия²⁵ – добился всероссийской известности благодаря картине “Перед обыском” (1908), в виде открыток разошедшейся по всей стране. Целый ряд его работ сочувственно отображал борьбу революционеров с самодержавием, так что появление Я.Я. Калиниченко в советском учреждении было вполне естественным. Он постоянно подчеркивал свое участие с 1893 г. в “кружке пропагандистов подполников [sic! – А.Н.]” и прочие революционные заслуги, в частности то, что по приказу царского министра внутренних дел В.К. Плеве картина “Перед обыском” “была заперта в чулан”, а сам он находился с 1903 г. под полицейским надзором²⁶.

При всем том Калиниченко, однако, не мог претендовать на первенство даже в провинциальной Рязани. Ведь всего в 12 верстах от города, в своем имении Аксиньино (Денежниково)²⁷ жил **Филипп Андреевич Малявин** (1869—1940), “атлет искусства”, по определению Максимилиана Волошина. Здесь Малявин, чувравшийся городской жизни, работал, здесь, среди рязанских крестьян, находил типажи для своих полотен. Образ русской деревни, созданный Малявиным, вырос на рязанской почве.

Тогдашний заместитель Воронкова по Комиссариату просвещения В.Н.Шульгин спустя сорок лет описывал, как матрос впустил к нему в кабинет “какого-то буржуя”:

“В комнату вошел плотный, среднего роста человек в прекрасно сидевшем на нем костюме. Крахмальный воротничок, тоненький красного цвета шелковый галстук, лаком покрытые ботинки, напомаженные волосы – все это резко контрастировало со сломанными стульями, скамьями, ободранными обоями бывшего губернаторского кабинета... Человек уверенно шел вперед.

“Малявин, – подумал я и тотчас же спросил себя: – Зачем? [...] Зачем он пришел? Сгорела усадьба? Погибли картины?”²⁸.

Как следует из дальнейшего изложения, художник пришел с идеей организации выставки:

“ – ...Пусть народ придет посмотреть Малявина. Рабочие, солдаты, крестьяне. Они поймут. [...] Пусть народ придет посмотреть Малявина. Он скажет: “Малявин – наш”.

“Картинки надо спасти”, – думаю я и говорю:

– Откладывать дело нельзя, сейчас же поезжайте за картинами. Мы вывезем все и здесь, в Рязани, будем организовывать выставку Малявина. Сговорились?

– Да”²⁹.

Воспоминания Шульгина появились в 1957 г. и, конечно, не могут быть признаны надежным источником. Камертоном отношения мемуариста к художнику оказывается высказывание... В.И. Ленина. Ильич, как известно, обо всем успел высказаться и оставил афоризмы обо всем на свете. Почему бы и не о Малявине тоже?

“ – Русский мужичок, и с хитрецей, – в раздумье промолвил Владимир Ильич, – из колеблющихся. Бойтся, что картины погибнут. А спасти их некому. В этом все дело. Некому. – Владимир Ильич чуть-чуть улыбнулся. – Большевики, положим, – народ опасный. Кто их там знает, что у них на уме, а кроме них спасти некому. Вот и пришел”³⁰.

Итак, мотивы малявинской инициативы, согласно Шульгину, оказываются весьма прозаическими. Не приходится сомневаться, что положение, в котором находился Малявин, было угрожающим. Волна грабежей и погромов, длившаяся с

лета 1917 г., сделала остовы сгоревших усадеб почти обязательным элементом сельского пейзажа. Никакие добрые прежде отношения с крестьянами не могли оградить землевладельца от эксцессов с их стороны. Гарантию безопасности обещало лишь обретение некоего официального статуса, предполагавшего тесное сотрудничество с новой властью. Но нельзя забывать и другое: на пороге пятидесятилетия Малявин все еще не имел в своей карьере персональной выставки. Его сотрудничество с рязанским Губпросом открывало возможность воплотить в жизнь давнюю мечту. Рязань, как место проведения выставки, была наиболее удобна: основной корпус будущей экспозиции находился рядом в Аксиныне; оставалось добыть картины, хранившиеся в московских собраниях.

Как бы то ни было, “Известия Рязанского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов” 2 июня 1918 г. поместили объявление:

“В ближайшее время в зале дома Комиссариата Народного Просвещения (угол Мальшинской и Левицкой ул.) открывается Комиссариатом 2-я выставка картин. О дне открытия выставки и об условиях посещения ее будет объявлено особо.

Выставка будет состоять исключительно из произведений художника Ф.А. Малявина.

Губернский комиссар народного просвещения М. Воронков
Сотрудник комиссариата художник
Я. Калининченко”³¹.

А другое объявление в той же газете от 30 июня 1918 г. следует считать “свидетельством о рождении” РХУ:

“Занятия в Художественной Студии Комиссариата Просвещения начнутся с 1-го июля.

Записавшихся на занятия просят к означенному сроку внести плату за 1-й месяц обучения. Несостоятельные рабочие и их дети освобождаются от платы по представлении соответствующих удостоверений от профессиональных союзов.

Губернский комиссар народного просвещения М. Воронков
Заведующий Студией художник
Я. Калининченко”³².

Таким образом, утвердившаяся версия об основании РХУ 3 ноября 1918 г. не имеет ничего общего с действительностью. Если в этот день Калининченко и получил доверенность на 13 762 руб. на содержание Студии, то это случайный, выхваченный из контекста факт, которому было придано преувеличенное значение. Нет оснований предполагать, что открытие занятий 1 июля по каким-либо причинам не состоялось.

Между тем, только появившись на свет, студия уже обречена на реорганизацию, так как Наркомпрос готовит кардинальную реформу художественного образования. В документах Отдела изобразительных искусств, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, встречается следующий текст, очевидно предназначавшийся для рассылки в губернские комиссариаты:

“С наступающего учебного года Отделом Изобразительных Искусств открываются Свободные Государственные Художественные Мастерские.

Учащимися Мастерских могут быть все желающие лица обоюбого пола, имеющие не менее 16 лет от роду и сознательно чувствующие влечение к искусству.

Обучение в Мастерских бесплатное.

Всем художественным определившимся течениям обеспечивается место в Мастерских, причем все художники имеют право выставить свою кандидатуру на руководителя мастерской.

Руководители Мастерских избираются учащимися соответственно количеству групп, на основании опубликованному [sic! – А.Н.] декрету “О выборах руководителей Свободных Государственных Художественных Мастерских”. См. “Известия ЦК [правильно – ЦИК. – А.Н.]” за ц ... от 7 сентября с/г.

Все существующие художественные училища Федеративной Республики, пользующиеся субсидиями от Государства, преобразовываются в Свободные Государственные Художественные Мастерские.

Заявления от желающих работать в Мастерских принимаются круглый год”³³.

Нетрудно заметить, что форма предполагаемых Мастерских несет в себе идею творческой коммуны. Авторами про-

екта были А.В. Луначарский и заведующий Отделом изобразительных искусств художник Д.П. Штеренберг.

Подтверждением факта работы Художественной студии летом 1918 г. является заявление Калиниченко от 6 августа довольно оригинального содержания:

“В среду 7 августа мне необходимо, воспользовавшись хорошими летними днями, предпринять поездку для зарисовки эскизов наиболее красивых местностей в губернии и тем, так сказать, положить начало собранию художественных изображений, касающихся природы и жизни губернии.

Ввиду этого, прошу комиссариат разрешить мне эту поездку. В наблюдении за ходом работ по студии меня мог бы заменить в мое отсутствие Н.А. Егин.

Заведывающий [sic! – А.Н.] подотделом Художник Я. Калиниченко”³⁴.

Заявление вызвало неожиданно бурную реакцию коллегии Губпроса. Хотя протокольная запись (черновик) не очень членораздельна, можно понять, что отпускать Калиниченко не хотят, потому что это срывает сроки подготовки малявинской выставки:

“[...] Калиниченко говорит, что тормозом к открытию выставки является отсут[ствие] технических приспособлений.

Корнев просит прямого ответа, будет ли влиять на открытие выставки вчерашнее постановление и почему вчера Я.Я. не возражал.

Белорусец: Не отсутствие техн[ических] приспособлений, не жел[езные] крючья, а выставка и ставит вопрос: что является задержкой к открытию выставки: или крючья оборудов[ания] гал[ереи] полосы и крючья Малявина [sic! – А.Н.]

Корнев: Предлагаю оставить в силе вчерашнее постановление и впредь не пересматривать его без особых мотивов со стор[оны] Калиниченко”³⁵.

6 сентября 1918 г. в рязанских “Известиях” появляется заметка “К выставке картин Ф.А. Малявина”:

“На днях вернулись в Рязань ездившие в Москву Рязанский Губернский Комиссар Просвещения М.И. Во-

ронков, состоящий при комиссариате художник Я.Я. Калиниченко и художник Ф.А. Малявин. Поездка их была связана с вопросом об устройстве в Рязани и впервые в России выставки картин Ф.А. Малявина, устраиваемой по инициативе художественного отдела Комиссариата Просвещения под руководством Я.Я. Калиниченко.

Филипп Андреевич Малявин еще и к о г д а самостоятельных выставок своих произведений не устраивал и организуемая теперь в Рязани Комиссариатом Просвещения выставка будет первой попыткой собрать воедино и показать ценителям искусства и широкой публике все, что есть лучшего и талантливого у этого, к сожалению, мало известного у нас художника.

Вполне понятно, поэтому, что организаторы первой выставки картин и рисунков Ф.А. Малявина прилагают все старания к тому, чтобы она была по возможности полной и действительно отражал бы дарование этого крупного художника в полной мере.

Много картин Ф.А. Малявина находится в Третьяковской галерее. Получить их для Рязанской выставки и задались целью организаторы выставки.

В Москве они первым делом обратились к Народному Комиссару Просвещения А.В. Луначарскому. Выслушав их, он отнесся к ним очень сочувственно и предложил художественной коллегии при Комиссариате Просвещения оказать всяческое содействие рязанцам в получении ими для выставки хранящихся в Третьяковской галерее картин Ф.А. Малявина: “Бабы”, “За книгой”, “Бабы” [sic! – А.Н.], “Вихрь”, “Крестьянская девушка” (сестра художника) и “Крестьянская девушка с чулком”.

Особый интерес представляет собою картина “Вихрь”, это крупнейшее произведение Ф.А. Малявина. Величина картины 223–410 сант., так что возникает вопрос, как будет доставлена картина в Рязань; ни в один вагон она не помещается. Вероятно, ее придется вести [sic! – А.Н.] на открытой платформе с большими предосторожностями.

Как эта, так и остальные пять картин из “Третьяковки” будут при первой возможности доставлены в Рязань, после чего уже подготовительные работы к выставке пойдут ускоренным темпом, так как все затруднения зак-

лючались в получении именно этих, наиболее ценных работ художника.

Кроме того, на выставке будут выставлены и ряд других картин и портретов Ф.А. Малявина и до 200 рисунков его, разбором и подбором которых художник занят теперь в своей мастерской в имени "Аксиньино" Рязанского уезда при ст. Денежниково.

Портреты работы Ф.А. Малявина вообще впервые появятся на выставке, так как до сих пор никогда и нигде не выставлялись.

Выставка, надо надеяться, откроется в конце этого или в начале будущего месяца.

На зиму Ф.А. Малявин переезжает на жительство в Рязань, где уже снял себе квартиру. Художник предполагает посвятить себя тут исключительно художественному творчеству³⁶.

Художественная студия работает уже два месяца, и Калиниченко остается в ней единственным руководителем. Во всяком случае, помещенная выше заметка не говорит о том, что Малявин как-то причастен к ее деятельности.

Интересен протокол заседания коллегии Губпроса от 2 октября 1918 г. В этот день на должность учителя рисования и живописи в Художественной студии принимается художник М.Г. Кирсанов ("не фиксируя оклада содержания"). Там же мы находим первые сведения о численности студийцев и распорядке их занятий:

"[...] Калиниченко сообщил, что средняя посещаемость Худ. Студии – утром 25 чел., вечером несколько большая. Некоторые ученики занимаются утром и вечером. Всего учеников в студии около 40 человек"³⁷.

Когда 18 ноября 1918 г. в Рязани проходит собрание заведующих уездными внешкольными подотделами, для них организуется посещение студии, "где Калиниченко демонстрировал характер занятий учеников и преподавателей, а также труды учащихся"³⁸.

Пресловутую доверенность на получение 13 762 руб., выданную 3 ноября 1918 г. Калиниченко, встретить в документах нам так и не удалось. Но, скорее всего, она не является чьим-то вымыслом: в ноябре 1918 г. в положении Ху-

дожественной студии случается важная перемена: она переходит на государственное финансирование. В черновике протокола заседания коллегии от 22 ноября находим:

"[...] Плату за обучение в студии отменить и опубликовать в газете: ввиду того, что по смете отпущены Центром кредиты, плата, которая взималась Отделом временно, за неимением достаточно средств".

Соседние строчки протокола, однако, обнаруживают вполне объяснимую прижимистость:

"[...] Вычесть из жалования Кирсанова за дни отпуска и материалы, которые затрачены на написание портретов Ленина, Маркса и Луначарского.

Счет Тиходеева в сумме 535 руб. за исполнение флагов и плакатов к революции [sic! – А.Н.] отклонить"³⁹.

Речь идет о прошедшем праздновании первой годовщины Октябрьской революции, которое потребовало привлечения всех художественных сил, в том числе и учащихся студии. Именно к последним относится *Григорий Михайлович Тиходеев* (1899—1958), сын губернского секретаря и несостоявшийся студент Московского Коммерческого института (из которого, кстати, ушел на Первую мировую и М.И. Воронков). Его имя встретится нам еще не раз.

Итак, можем ли мы говорить о М.Г. Кирсанове как о втором, после Калиниченко, педагоге, а о *Григории Тиходееве* как о первом известном нам по документам учащемся в истории РХУ? В отношении Кирсанова – с большой долей уверенности, но мы знаем имя и другого студийца 1918 г.

"В 1918 г., недолго проживая в Рязани, я учился в художественной школе при Наркомобразе у Калиниченко и у *Малявина* [курсив наш. – А.Н.]"⁴⁰. Это строки из автобиографии *Вадима Федоровича Рындина* (1902—1974). Имя знаменитого театрального художника, работавшего в 1925—1934 гг. в Московском Камерном театре, затем в Театре им. Вахтангова, а с 1953 г. – Главным художником Большого театра СССР, никогда не связывалось с Рязанью: родился в Москве, образование получил в Воронеже, прославился в столице. Между тем, по материнской линии Рындин приходился внуком Алексею Ивановичу Черепнину (1841—1905), известному рязанс-

кому историку и археологу. Каким бы кратким эпизодом ни была для Рындина учеба в рязанской студии – в том же 1918 г. его семья переехала в Воронеж, – в истории РХУ его имя должно занять свое место. Один из первых студентов, он оказывается и самым титулованным: Народный художник СССР, Заслуженный артист РСФСР, Лауреат Сталинской премии, номинант Ленинской премии 1963 г. (за оформление спектакля “Дон Карлос”); получил за него Государственную премию СССР 1966 г.), Действительный член Академии Художеств СССР⁴¹.

Свидетельство Рындина ценно для нас и тем, что датирует преподавательскую деятельность Малявина уже 1918 г. Осенний переезд на жительство в Рязань, безусловно, предоставил художнику возможность активно включиться в работу художественной секции Губпроса, которая 3 декабря 1918 г. превращается в подотдел Изобразительных искусств⁴². Ее коллегии составляют Воронков, Малявин и Калиниченко. В этот же день Воронков записывает в дневнике:

“Художественная секция развивается в подотдел изобразительных искусств; в Рязани подобрались хорошие силы (Калиниченко, Малявин). Наши Художественные Мастерские будут поставлены прилично [...]”⁴³.

Но тут же обнаруживаются и противоречия; Калиниченко и Малявин имеют несхожие взгляды на искусство и, вдобавок, не готовы обнаружить той самоотдачи, которой ждет от них молодой ригорист Воронков.

“5-е декабря. Был Малявин, говорил, что у художников идет спор о способах и методах преподавания в Художественных мастерских. Болото Рязанское начинает двигаться. [...]”

6/XII. [...] Сегодня же поразила меня наглость художников. Им предложили заготовить проэскизы рисунков на крышки журнала. Первым словом было: “Сколько заплатите”. Мы решили отдать работу ученикам студии, а художникам предложили выработать расценки. [...]”

9-го декабря. [...] Рассказали мне в Солотче кое-что о Кирсанове. Оказывается он – чуть ли не придворный художник, пролезший туда через Васнецова, близкий к Распутинским кругам и вообще человек для нас нежелательный. О художниках у меня теперь опреде-

ленное мнение: каждый из них звонкую монету ставит куда выше искусства и собственного таланта”⁴⁴.

Михаил Герасимович Кирсанов (1889–1958), крестьянский самородок из Аграфениной Пустыни, тонкий пейзажист, действительно был представлен В.М. Васнецовым царской семье и вплоть до 1917 г. служил при дворе. Его обязанностью – несколько архаичной в пору расцвета фотографии – было запечатлеть различные события из жизни Николая II и его семьи. По свидетельству Н.О.Фреймана, императрица и ее дочери весьма тепло относились к художнику⁴⁵. Интересно, приходилось ли тому встречать в Царском Селе другого рязанского выходца, обласканного царской семьей, – Сергея Есенина?..

Последними документами 1918 г., содержащими упоминания о Художественной студии, являются постановление от 10 декабря (“выдать аванс 300 руб. Калиниченко на уплату за труды натурщикам”)⁴⁶, а также “Краткий обзор деятельности Губернского Отдела Народного Просвещения за все время его существования”, составленный после 3 декабря 1918 г.:

“Художественной секцией была организована выставка картин московских художников. Выставка была открыта с 23 апреля и до конца мая месяца. *Организована студия, где ведутся занятия по живописи и рисованию* [курсив наш. – А.Н.]. Открыта народная картинная галерея, закончены работы по организации передвижной выставки картин и репродукций. Теперь Художественная секция реорганизована в подотдел Изобразительных искусств. *Подотделом разработан план организации Свободных Художественных Мастерских в г.Рязани. Составлена и смета, и отправлена в Центр* [курсив наш. – А.Н.]. Готовится к открытию выставка картин худ. Малявина”⁴⁷.

Итак, студия превращается в Мастерские, как требовал того Наркомпрос от всех художественных школ, состоящих на государственной субсидии. “Положение о Свободных Государственных Художественных Мастерских Российской Федеративной Республики” предполагало, что любой достигший 16 лет гражданин имеет право получить художественное образование за счет государства, при этом от него не требовалось предоставлять никаких аттестатов; что уча-

щиеся сами, поименным голосованием, выбирают себе руководителей по художественным предметам, но имеют право работать и без руководителя; что руководители, чьи занятия не посещаются более трех месяцев, слагают свои полномочия в течение года; всем художественным течениям обещивается место в Мастерских⁴⁸.

Процесс трансформации Рязанской студии в Рязанские мастерские был, как мы увидим далее, весьма размытым, хотя в глазах центра он совершился как бы заранее. Вряд ли случайность, что в списках городов, где к началу 1919 г. имелись Свободные государственные художественные мастерские, Рязань следовала сразу за Москвой⁴⁹.

С организацией малявинской выставки до конца 1918 г. справиться не удалось. Требовалось решить массу технических вопросов, что видно из протокола заседания от 6 декабря 1918 г. Присутствовали М.И. Воронков, И.Д. Виноградов, Л.И. Белорусец, А.П. Иванов, Н.Н. Малышев, В.Я. Синегубкин, Я.Я. Калиниченко, Ф.А. Малявин.

"[...] *Малышев*: Для поездки в Москву за картинами Малявина, на провозку и упаковку требуется аванс в 5000 рублей.

Постановили: аванс 5000 рублей в распоряжении Малявина. Предъявить счета на суммы свыше 25 руб.

Синегубкин: Предложить Народному Комиссариату или Третьяковской галерее застраховать картины Малявина, или, в противном случае, застраховать за счет Отдела.

Постановили: поручить Малявину пригласить почетных гостей из Москвы. Луначарскому послать приглашение на открытие от Отдела"⁵⁰.

Из дневника Воронкова:

"8-е января. Прибыли картины Малявина ни в чем неврежденные. Мотив Грабаревской компании о невозможности перевозки картин зимой – мотив совершенно нелепый. Буду добиваться отпуска картин у Луначарского.

Весь день собирался уехать в Москву и все не удавалось мне это. Поезда не шли с юга. Пришлось остаться до завтра. Много говорил с Малявиным и думал сам о работе Отдела в области искусства. Необходимо дать платформу ис-

кусству вообще и поставить цель перед деловой организацией в работе по искусству. Строим галереи, выставки, мастерские, а зачем, с какой целью, по какому плану – неизвестно. Думаю, что на днях выужу из Малявина его взгляд на искусство.

9/1. Рано утром пошел в Отдел, где меня должен был дожидаться Малявин. Позвонили оттуда на вокзал: поездов не было, пришлось идти обратно. На улицах было удивительно жутко. Предутренняя тьма сгустилась так, что ни зги не видно было в двух шагах. Звезды, собранные в созвездия, горели холодным торжеством. [...]

Вечером отправились наконец в Москву в теплое и уютное купе [...] Малявин, по обыкновению, неугомонно и надоедливо болтал. [...]

11-го января [...] Был на выставке на Пречистенке. Много чисто-футуристического, цветы все заполняют, есть картины голых женщин, цинично исполненные, есть несколько картин (облака), останавливающие внимание. Долго ждал приема у Троцкой, рассердился и ушел, так как противно было дожидаться. В трамваях ужасная давка, всюду брань, воровство, очереди у вагонов [...]"⁵¹.

Воронков искренне любит живопись, музыку, театр, но вкусы у него вполне провинциальные, что сыграет роль в дальнейших событиях...

"12 января. [...] Утром был на выставке на Большой Дмитровке. Поражен был картиной "Декабристы в Сибири" и "Aux morts de la Commune". Стена кладбища "Pair la Chaise" и перед нею, увешанной венками, рабочий в задумчивой позе. Хороша картина, изображающая шаль, оставленная очевидно хорошенькой женщиной на кресле у окна; впечатление такое, словно кто-то только что вышел. Хороши цветные кудрявые, перистые и т.д. облака. Пышен и по-царски исполнен портрет Гзовской. [...] Зашел в музей б. Александра III. Холод страшный. Бегло осмотрели залы с Малявиным, который обратил внимание мое на статуи античного искусства, которые великолепно передают форму и являются дей-

ствительно образцами искусства. То же говорил он и о памятниках Средневековья. Вечером мы с ним говорили об искусстве. Он был неподражаемый. Говорил, что старое искусство дало форму, новое искусство должно дать краски. Искусство зависит лишь от чувства, сюжет и форма теперь не играют роли.

По дороге в Художественный Театр заходили на Кузнецкий мост, смотреть "Красного Петуха". Поучительного мало, сплошной футуризм – рабочему и крестьянину там делать нечего, и футуристы, по-моему, ошибаются, говоря о своем искусстве как искусстве рабочего класса. Великое, что создает рабочий класс, должно быть, как и все великое, доступно простому уму и пониманию непосвященного. [...]

15 января. Были у Троцкой; это барыня удивительная. Свысока смотрит на провинцию и полагает, что мы не сумеем сделать того, что хотим. Убедили ее в обратном и получили разрешение на вывоз картин от частных лиц.

Заходил в Отдел Изобразительных искусств к Татлину и ставил ему вопрос: зачем организуются Государственные Мастерские. Прямого ответа не дали. Программа работ Худож. Мастерских и их направление – от центра "Мира искусств" и левее. Купил "Мистерия-Буфф" Маяковского. Очень интересная и оригинальная вещь⁵².

В тот же день, пока Воронков ходит по московским кабинетам, на заседании коллегии всплывает имя еще одного учащегося Мастерских:

"Слушали: ходатайство коллегии художников, работающих при отделе, о возбуждении ходатайства перед уездным Военкоматом о предоставлении отсрочки ученику Художественных Мастерских Яковлеву.

Постановили: отклонить, на основании приказа Московского Окружного Комиссариата по военным делам ц 561"⁵³.

Сигнал тревожный. Студийцы – люди призывного возраста; между тем огонь Гражданской войны разгорается,

набирают силу мобилизации – сначала на борьбу с Колчаком, потом на борьбу с Деникиным, а с 24 августа 1919 г. Рязань вообще окажется на военном положении. Из дневника Воронкова:

"23 января. Объявлен призыв бывших офицеров. Призываются многие лучшие учителя, которыми школа только и держится. Я поднял шум и временно призыв приостановили. Я сам ходил на освидетельствование; комиссия признала меня годным на штабную должность, а не в строй; положение скверное; очевидно, здоровье расшаталось значительно [...]

25–30 января. [...] Идет деятельная работа по подготовке к открытию Малявинской выставки. Мало инициативы у Калиниченко, Малышева и самого Малявина. Хороши рисунки Малявина и три бабы, стоящие в ряд. [...]

31 января. [...] На выставку Малявина решено по моему предложению пригласить на открытие представителей профессиональных союзов, Красной армии, учащихся и учащихся, Советов и Партии. Там поставим вопрос о значении искусства для рабочего класса. Попробуем Малявина заставить вывернуть себя наизнанку"⁵⁴.

Любопытна запись в протоколе заседания коллегии Губпроса от 4 февраля, в которой упомянут будущий педагог Рязанского художественного техникума:

"Слушали: [...] 10. Заявление С.А. Пырзина о низкой оплате его работы портрета Луначарского, заказанного для декоративного украшения Дома Отдела Народного Просвещения во время минувших октябрьских праздников.

Основываясь на заключении художников Ф.Малявина и Я.Я.Калиниченко, по мнению которых портрет никакой художественной ценности не имеет, и ввиду того, что т. Пырзин не ставил определенных условий оплаты своего труда, Коллегия Губотдела считает себя вправе признать выданное за исполненную работу вознаграждение в сумме 200 р. вполне достаточным"⁵⁵.

Единственный раз документы зафиксировали совпадение мнений Калиниченко и Малявина. Увы, лишь по случаю

нелестного отзыва о третьем лице. Трудно судить, имел ли действительно портрет Луначарского какую-нибудь художественную ценность, но из солидарности с коллегой Малявин и Калиниченко имели право и покривить душой. Тем более, что речь шла о человеке достойном и скромном. **Сергей Андреевич Пырсин** (1868—1962) закончил в свое время Дюссельдорфскую Академию художеств, но затем пожертвовал карьерой художника в пользу педагогической — еще в 1903 г. он открыл в Рязани студию, которую посещали, в частности, Н.О. Фрейман и А.А. Киселев-Камский, а затем долго преподавал рисование в городских учебных заведениях⁵⁶.

Следующая запись в дневнике Воронкова дышит разочарованием:

“6 февраля. Сегодня вечером было собрание слушателей Студии. Ни Малявин, ни Калиниченко ничего не сказали им об искусстве; или они действительно не могут сказать о том, во что веруют, или у них и нет бога-то, о котором они так любят говорить.

Я развивал перед учениками свои мысли о задачах рабочего класса по отношению к искусству. Об этом как-нибудь ниже я поговорю подробнее.

На собрании пришлось организовать хозяйственную комиссию и художественную, в которые надо послать своих людей, так как художники ни инициативы, ни умения работать революционно не имеют”⁵⁷.

Значит ли это собрание, что 6 февраля 1919 г. художественная студия реорганизовалась в художественные мастерские? А художественная и хозяйственная комиссии — это художественный совет и административно-хозяйственный совет, предписываемые “Положением о Свободных Государственных Художественных Мастерских”? Воронков употребляет в настоящем времени термин “студия”, но он мог сделать это и по привычке... На заседании коллеги Губпроша от 13 февраля 1919 г. говорится уже о “мастерских”:

“Предложение Белорусца: Вопрос о работах по организации Своб. Худ. Маст. Не обсуждать за отсутствием протоколов и постановлений заседаний худ. комиссии совместно с учащимися худ. маст.

Предложение Костырева: Предложить Коллегии Художников довести до сведения всех учащихся Художественных

Мастерских, что отдел считает желательным помещение их рисунков (виньеток, заставок) в журнале “Просвещение”. Рисунки предварительно должны просматриваться коллегией художников и объявить конкурс, объяснив характер и задачи журнала. Выяснить к понедельнику вопрос, найдутся ли желающие принять участие в конкурсе, если нет, то обсудить представленные рисунки”⁵⁸.

Между тем хлопоты по организации выставки Малявина подходят к концу. На том же заседании решаются последние вопросы:

“Слушали: [...] Заявление худ. Малявина о его желании, чтобы вход на выставку был платным и сбор с продажи билетов поступил на покрытие расходов, произведенных по устройству выставки.

Постановили: 1) Открыть выставку картин худ. Малявина для обозревания бесплатной.

2) Все расходы, произведенные Малявиным по организации выставки, принять на счет Губ. Отдела.

Слушали: Заявление *Малявина*, решением предложенного им вопроса он вполне согласен и на особое вознаграждение за труды лично он не претендует.

Постановили: принять к сведению, о второй части заявления иметь особое суждение.

Утвердить выработанное Комиссией временное расписание времени посещения выставки и форму пригласительного билета на открытие ее. [...] Поручить Комиссии обставить зал выставки необходимой мебелью ко дню открытия. Поручить Комиссии озаботиться правильной постановкой регистрации посещаемости выставки отдельно рабочими, красноармейцами, учащимися и др. группами граждан. Комиссии пригласить 4-х лиц для наблюдения за порядком и сохранностью выставленных предметов”⁵⁹.

Через два дня, когда двери выставки распахиваются, Воронков записывает в дневнике:

“16 февраля. Было торжественное открытие выставки картин Ф.А. Малявина. Я говорил речь о торговле искусством в старом мире, о новых чаяниях и творчестве

пролетариата, о здоровом влиянии крупных талантов эпох общественных движений, о символике картин Малявина, их революционности, о значении выставки старых мастеров как о пособии новым. Малявин сказал, что его служение искусству имеет целью борьбу с Содомом биржи и с Содомом деревни с тараканами и грязью. Искусство и школы должны поехать в деревню – вот основная его мысль. Еще выступало несколько человек – было праздничное поистине настроение. Играл струнный оркестр. [...]

18–19 февраля. [...] На местах слово “коммунист” стало ругательным словом. Один из делегатов съезда – приличный крестьянин, на мой вопрос “Почему Вы не в партии” ответил: “Я еще уважаю себя немного, с ворами и ветчинниками работать я не желаю”. А он – этот крестьянин – один из тех, кто представляет собой здоровый элемент деревни. На днях Ф.А. Малявин говорил мне, что ему Аксиньинские мужики сказывали так: “В Коммунисты мы ни за что не пойдём”. [...]

23 февраля. Сегодня День Красной Армии. Был на митинге в Красноармейском клубе [...] Потом пошел на парад – войска идут великолепно [...] Иду на заседание Коллегии и Отдела Просвещения [...] Много хлопот с Художественными Мастерскими; ни Малявин, ни Калининченко, ни слушатели студии не понимают, что им делать; иначе давным-давно все было бы уже развернуто. А хочется поставить это дело на должную высоту. Приходится работать и в этой области. Оказывается, что горячее желание выше специализации и высокого художественного образования и воспитания. Меня поражает бездарность и неумение организовать дело людьми старого мира. [...]”⁶⁰.

Какая-то не вполне ясная история, связанная, видимо, с вопросом оплаты за оформление студийцами упоминавшегося выше журнала “Просвещение”, находит отражение в следующей дневниковой записи Воронкова:

“4 марта [...] Вечером было заседание Коллегии Отдела. Шел вопрос об отчислении ученикам приюта дефективных детей части зараб. денег на личные нужды – то же, что было в Художественной Студии с клише. Про-

ект отвергнут и сделано соответствующее внушение ведающим приютом по вопросу о “карманных” деньгах [...]

12-е марта. [...] По дороге из Института зашел к Калининченко. Хочу поднять вопрос об уплате ему за картины, вывезенные весной 1918 года. Спрашивал его мнения о картинах Малявина. Говорит, что они с его точки зрения никакой цены не имеют. Странно, не могут они стать на момент объективными ценителями прекрасного, а смотрят каждый из своей скворешни. Таков и Малявин при отзывах о Калининченко. А может тут личная неприязнь играет роль. “Люди” все-таки подчас сильнее ЧЕЛОВЕКА!...”⁶¹.

Оказывается, отношения между двумя руководителями Мастерских испорчены донельзя. И полугодом не прошло, как Калининченко ездил с Воронковым и Малявиным в Москву по поводу организации выставки своего нынешнего антагониста. В декабре, как мы помним, у художников уже шел “спор о способах и методах преподавания в Художественных мастерских”. И вот – картины Малявина “никакой цены не имеют”...

В судьбах Малявина и Калининченко очень много сходства. Ровесники, оба выходцы из низов, пробившиеся в люди благодаря таланту, пусть и разного масштаба. Оба женились на представительницах другого сословия и стали владельцами имений в Рязанской губернии. Даже названия деревень, где они жили до революции, созвучны: у Калининченко – Аксень, у Малявина – Аксиньино! И вот они сошлись в Рязани, в одной коллегии, в одних мастерских, занятые одним делом – чтобы не совпасть уже больше ни в чем... В свете того, что мы узнали о взаимоотношениях художников, забавно видеть в только что изданном номере рязанского журнала “Утро” соседствующие на одном развороте статьи о Малявине и Калининченко, составленные в привычно слащавом духе.

Курьезный эпизод происходит 15 марта; нам он интересен как свидетельство активности уже знакомого нам студийца 1918 г.:

“[...] 11. Я.Я. Калининченко предлагает на заключение Коллегии рисунок, исполненный учащимся открывшихся Художественных Мастерских т. Тиходеевым и

предназначенный для плаката об открытии Мастерских. Рисунок, по объяснению Калиниченко, представляет первобытного человека, любящегося на сделанную им вазу.

Постановили: считать представленный рисунок и по сюжету, и по исполнению для означенного плаката неподходящим⁶².

Воронков, отправившийся в Москву делегатом VIII съезда ВКП(б), не упускает случая побывать на тамошних выставках и честно пытается определиться по отношению к чуждому ему “футуризму”:

“16-е марта [...] Зашел на выставку Розановой. [Ольга Владимировна Розанова (1886–1918 гг.) до своей преждевременной смерти недолго возглавляла художественно-промышленный подотдел ИЗО Наркомпроса. Ее посмертная выставка, о которой говорит Воронков, состояла из 250 работ. – А.Н.] Многое непонятно мне, особенно в безпредметном искусстве, в супрематизме. Но одна часть работ мне сделалась понятной: это виды города, как он воспринимается при ходьбе или езде, лица, части домов, вывесок, предметы в витринах и т.д. Города капиталистического строя – эти огромные муравейники не дали мысли художницы сосредоточиться на чем либо одном и заставили служителей искусства заниматься творчеством конгломератов. В этой части футуризм верно передал состояние жизни в нашу эпоху. Рисунки супрематические – линии цветные на однообразном тоне – очевидно связаны с психологическими переживаниями, восприятиями и не преследуют целей художественных... [...]

17-е марта. Был на Пречистенке – смотрел 4-ю выставку Наркомпроса. Хороши картины Коровина – “В Гурзуфе” и пейзаж – надо купить для нашей галереи. Был в Народном Комиссариате – говорил о покупке картин у Малявина. Оказывается, можно покупать не дороже 7000 руб. Придется идти к Луначарскому. Ведь так придется покупать только ничего не значущую мелочь, а крупных картин приобретать невозможно... [...] Вечером в номере шел жаркий спор об искусстве: искали, в чем же сущность искусства вообще и пролетарского в частно-

сти. Я защищал свою точку зрения, что нет особого пролетарского искусства, а есть пролетарские подходы к нему, темы, образы. [...] Споры зашли далеко за полночь. Обидно было несколько пренебрежительное отношение наших коммунистов к Малявину, который, конечно, не понимает наших исканий, но многое угадывает и мыслит верно⁶³.

Пока Воронков на съезде слушает выступления “военной оппозиции”, в Рязани продолжают заседания коллегии Губроса. 19 марта по предложению Калиниченко утверждается на должность служителя Мастерских (с окладом 495 руб.) Иван Ефимович Головкин⁶⁴. В протоколе от 22 марта читаем:

“Слушали: Заявление учеников Художественных Мастерских г. Рязани с просьбой ходатайствовать об освобождении учеников Мастерских Н.Г. Яковлева, М.И. Ушмарова от их прямых обязанностей на время поездки в Москву для ознакомления с постановкой работ и вообще с жизнью Московских Художественных Мастерских. Названные лица являются делегатами, избранными общим собранием и состоят на военной службе.

Заявление Калиниченко, что сегодня, 22-го марта состоит [sic! – А.Н.] общее собрание учащихся, на котором предполагается переизбрать совет учащихся и делегатов в Москву.

Постановили: Принимая во внимание заявление Калиниченко, вопрос о командировке учащихся в Москву оставить открытым⁶⁵.

Калиниченко уже не до плаката с первобытным человеком. По-видимому, командировка Яковлева и Ушмарова в Москву не в его интересах. Переизбрание совета учащихся – то, на что Калиниченко возлагает надежды. Похоже, тщетные, ибо 25 марта на коллегию выносятся уже два обращения совета учащихся Мастерских:

“Слушали: 10. Ходатайство Совета учащихся Художественных Мастерских о замене Уполномоченного Губ. Отдела Я.Я. Калиниченко кем-либо другим. Совет учащихся не считает возможным работать в контакте с Я. Калиниченко.

Постановили: для рассмотрения конфликта между

Я. Калиниченко и учащимися Мастерских созвать общее собрание учащихся с участием представителей от Губ. Отдела"⁶⁶.

Несколько месяцев хватило, чтобы основатель Художественной студии оказался в состоянии конфликта и с собственными учениками. В первый, но не в последний раз: в 1923 г. Калиниченко придется уйти из Художественного техникума опять-таки по требованию студентов.

(Усилиями двух поколений рязанских искусствоведов Якову Яковлевичу придано значение едва ли не классика изобразительного искусства⁶⁷. При этом мало внимания обращалось на склонность художника к конъюнктуре, открытое дурновкусие и примитивизм многих его работ.

Избавившись еще в Училище живописи, ваяния и зодчества от неблагозвучной приставки "Бабак", Калиниченко так и не стал интеллигентом. Он остался без звания неклассного художника, потому что не смог осилить курса общеобразовательных предметов, обязательного для учеников МУЖВЗ. Добравшись за пять лет лишь до второго класса, он просил в 1894 г. об освобождении от сдачи экзаменов за 4 и 5 классы, так как "по причине крайне слабого и расстроенного здоровья совершенно не в состоянии заниматься общеобразовательными науками. Кроме того, — добавлял он, — занятие ими совершенно отнимает у меня время для дальнейшего усовершенствования в искусстве"⁶⁸. В ту пору свою подпись он, собираясь вступить в брак с рязанской дворянкой А.Ф. Полубояриновой, выстраивал так: "ученик Яковлевич Яков Калиниченко"⁶⁹...

Оставив преподавание, Калиниченко утешился, выхлопотав себе персональную пенсию республиканского значения "за революционные личные заслуги" (1924 г.). В добывании всевозможных справок, аттестатов и удостоверений, эти заслуги подтверждающие, он был неутомим. Именно по этому вороху справок из пенсионного дела Калиниченко, хранящемуся в ГАРО⁷⁰, краеведы вычисляли масштаб его личности...)

Второе обращение вновь ставило вопрос о командировании учащихся в Москву:

"Слушали: 11. Просьба Совета учащихся Художественных Мастерских командировать в Москву четырех

делегатов от учащихся (тт. Яковлева, Пахомова, Ушмарова и Твердову) для ознакомления с работой Московских Художественных Мастерских и для приглашения руководителей. Так как тт. Яковлев и Ушмаров призваны на военную службу, Совет учащихся просит возбудить ходатайство об освобождении их от служебных обязанностей на время командировки.

Постановили: командировать для указанной цели в г. Москву двух представителей от Совета учащихся Художественных Мастерских. Если таковыми представителями будут избраны тт. Яковлев и Ушмаров, возбудить перед Губ. Военным Комиссариатом ходатайство об освобождении их, как состоящих на военной службе, от обязанностей на время командировки"⁷¹.

Как мы увидим ниже, в Москву отправились Яковлев и Тиходеев. Сохранилась копия с командировочного удостоверения Тиходеева — увы, не датированная⁷².

28 марта коллегия вновь обращается к вопросу о малявинской выставке, теперь — на предмет приобретения работ:

"Слушали: сообщение М.И. Воронкова о положении вопроса о покупке картин Ф.А. Малявина. Народным Комиссариатом по Просвещению постановлено приобретать от художников картины с оплатой стоимости не дороже 7 000 руб. за картину. Для картин Ф. Малявина ("Группа баб" и "Три бабы", оценены им в 100 000 рублей и 50 000 р.), как известного художника, может быть допущено некоторое исключение и заплачено за одну картину 30 000 руб., за другую 15 000 руб. Окончательно вопрос о приобретении картин Малявина для Рязанской Картинной Галереи все же в Центре не решен.

Постановили: запросить Отдел изобразительных искусств Народного Комиссариата по Просвещению, какое решение вынесено по вопросу о приобретении картин Малявина за объявленную сумму"⁷³.

Между тем проходят выборы руководителей Мастерских. В дневнике Воронкова об этом ни слова. В эти дни Михаил Иванович, больной, вынужден, помимо всего прочего, добиваться освобождения педагога Я.В. Кетковича, арестованного ЧК. Признание, которое прорывается у пред-

седателя горисполкома (с 8 февраля 1919 г.), комиссара просвещения и делегата партийного съезда Воронкова, неожиданно, возможно, и для него самого:

"31-е марта. [...] Исстрадался я весь на этой проклятой работе, у проклятой власти. Весь смысл жизнь потеряла, новую окраску принимает мирозерцание. [...]"

2-е апреля. Утром пробыл около двух часов в Чека. Дожидался освобождения Кетковича. [...] Минутами чувствуется такая душевная усталость, такое чувствуется недомогание, так хочется уйти куда-нибудь и все позабыть. [...] Не дают мне покоя Госуд. Мастерские, ничего то там не делается, приходится всюду идти напролом самому и диктовать программу работ не только ученикам, но и художникам..."⁷⁴.

Последняя запись — отклик на заседание коллегии от 2 апреля, из протокола которого видно, как отчаянно Калининченко пытается удержать свои позиции:

"IV. Я.Я. Калининченко докладывает о состоявшихся выборах руководителей Художественных Мастерских. Избранными большинством голосов оказались Ф. Малявин, Я. Калининченко и т. Киселев. Вместе с тем т. Калининченко указывает, что в избрании т. Киселева принимали участие учащиеся бывшей Художественной Студии, не достигшие 16-летнего возраста и не имеющие права голосования. Учащиеся Художественных Мастерских могут быть лица не моложе 16-летнего возраста.

Постановили: Ф. Малявина и Я. Калининченко утвердить с 1 апреля с.г. руководителями по живописи в Свободных Государственных Художественных Мастерских и членами Коллегии изобразительных искусств, которой поручить провести необходимую работу по организации означенных Мастерских. Представителем от Губ. Отдела назначить в указанную Коллегию М.И. Воронкова и с правом совещательного голоса заведующего Подотделом внешкольного образования А.П. Иванова. Согласно разъяснениям Центра, среди руководителей Мастерских представителю старой школы живописи (правое течение) может быть представлено лишь одно место. Представителем старой школы живописи является избранный

в руководители Я. Калининченко. Кандидатуру т. Киселева вследствие этого отклонить. Признать, что в числе учащихся Свободных Государственных Художественных Мастерских лица моложе 16-летнего возраста могут приниматься с особого лишь, в каждом отдельном случае, разрешения Подотдела изобразительных искусств. Данное положение распространить и на настоящий контингент учащихся.

Предложение Я. Калининченко пригласить руководителем в Художественных Мастерских известного кустара т. Соколова (из Сергиева Посада).

Постановили: запросить т. Соколова об условиях, на которых он согласен быть руководителем в Свободных Художественных Мастерских"⁷⁵.

Конфликты с коллегами по искусству сопровождали Якова Яковлевича постоянно. Характерно, что уже ни разу не упоминается как преподаватель М.Г. Кирсанов. Из позднейшего документа станет ясно, что Калининченко с ним не сработался. Та же история и с архитектором В.О. Малининым, в какой-то момент привлекавшимся к преподаванию. Калининченко вспомнил о возрастном цензе не зря: "т. Киселев" — это А.А. Киселев-Камский, давний неприятель Калининченко⁷⁶. Похоже, впрочем, что целью Калининченко было избавиться не только от Киселева-Камского, но и от некоторых учащихся. Тем не менее именно эти выборы позволили Якову Яковлевичу впредь и до конца жизни именовать себя "профессором"...

Избрание руководителем Малявина не должно восприниматься как некая точка отсчета — ошибка, в которую впадали прежние авторы. Преподавательская деятельность Малявина началась уже в 1918 г. Притягательность его имени упрочила выставка. Нам, никогда не видевшим ее, трудно представить, какое впечатление производили десятки полотен Малявина, собранных в одном помещении, на молодых рязанцев, впервые узнавших, что бывает *такая* живопись. Калининченко рядом с ним казался — да и был — провинциальным и скучным. Желающих учиться у Малявина, конечно, нашлось достаточно, и мастерская могла быть сформирована в кратчайший срок.

Из дневника Воронкова:

"5 апреля. [...] Вечером было собрание учеников Студии. Я им предложил срочно собраться с избранными"

ми преподавателями, заслушать их художественное credo и наметить план работы. Дальнейшая бездеятельность мастерских недопустима...⁷⁷

В Губпресе 8 апреля:

"М.И. Воронков просит Ф.А. Малявина дать определенный ответ, согласен ли он передать Губ. Отделу Народного Просвещения свои картины "Группа баб" за 30 000 руб., "Трех баб" за 15 000 руб., "Старика с чайником" и "Старуху" по 5 000 руб.

Ф.А. Малявин отвечает утвердительно.

Постановили: возбудить перед Народным Комиссариатом по Просвещению срочное ходатайство об ассигновании 45 000 руб. на уплату Ф.А. Малявину за две первые картины. На приобретение картин "Старик с чайником" и "Старуха" ассигновано 10000 руб. из местных средств Губ. Отдела⁷⁸.

В финансовых документах ИЗО Наркомпроса обнаруживается запись, из которой можно узнать, когда же состоялась поездка в Москву Яковлева и Тиходеева и какие, в частности, вопросы она решала:

"Апреля 10 [...] Н.Г. Яковлеву на оплату заказов репродукц. для Рязанс. Худ. Мастерс. [...] Рб. 2000 —"⁷⁹.

Из дневника Воронкова:

"11 апреля. Художественные мастерские Рязани, по моему, должны иметь в виду следующее: выбирать талантливых людей для искусства, остальным же давать вполне законченное образование мастеров-специалистов того или иного дела: учителей рисования, граверов, столяров, скульпторов, резчиков и т.д. Искусство, связанное тесно с человеческим трудом, — вот философская основа работы мастерских. Отсюда вытекает всемерное привлечение трудящихся в мастерские, пропаганда идей искусства среди рабочих. Преподавание должно иметь общий образовательный курс из истории, истории искусств, истории литературы, истории культуры и истории социализма. Остальное читается на специальных отделениях. Для малограмотных должна быть организована общеобразовательная группо-

вая подготовка. Кончающие Мастерские должны иметь элементарное образование. [...]

14 апреля. [Воронков снова в Москве. — А.Н.] Был с Калиниченко у писателя Данилина [Калиниченко писал в 1906 г. его портрет. — А.Н.]: семья его — типично хныкающая группа ничего не умеющих делать ни на что не способных людей. [...] Ушел с такой ненавистью в сердце! [...]

16 апреля. Беседовал о Мастерских с Бриком [Заведующий художественным отделом Наркомпроса. — А.Н.]; они пришли к мысли — назначать в мастерские комиссара, который там наводил бы порядки. Ученик мастерских говорил мне о старостате, который якобы и с Отделом Изобраз. Иск. не особенно считается. Меня такие вещи положительно возмущают. Очень рад, что в Москве начался генеральный разгон футуристов. Смотрел III Госуд. Выставку и пришел к мысли, что футуристы — больные люди. Особенно это ясно из их картин, рисующих виды улиц, где все перепуталось: слабое воображение современного человека и притупленный взор ничего ценного из этого взять не способен. Картины беспредметников — не проявление искусства, а иллюстрации к курсу психологии⁸⁰.

Рязанские "Известия" в этот же день:

"Выставку картин Ф.А. Малявина посетило свыше 15 тыс. человек. Такое посещение нужно считать весьма значительным для г. Рязани. В Москве и Петрограде с миллионным населением выставки в редких случаях привлекают такое количество посетителей. Ввиду такого успеха выставка будет открыта еще на некоторое время"⁸¹.

Малявинская выставка в Рязани проработала, по некоторым данным, до начала 1920 г.⁸² В работах, посвященных культурной политике в первые годы Советской власти, ей придавался эмблематичный характер⁸³. При этом, как правило, цитировались воспоминания В.Н. Шульгина:

"На заводах, в депо железных дорог кликнули клич: "На выставку!" На базарах, постоянных дворах, среди кре-

стьян ходили агитаторы: “На выставку!” И было это необыкновенно. Но было именно так. Еще гремели выстрелы, голод давал о себе знать резко и властно, белогвардейцы устраивали заговоры, иностранные интервенты двигались к центру, чтобы задушить только что родившуюся социалистическую республику. Все было пронизано борьбой. И вдруг выставка. Но разве эта выставка не была частью той же борьбы? “Искусство в массы!”, “Искусство миллионам!” – разве в этом не было нового, разве это не хоронило прошлое?”⁸⁴.

Весьма соблазнительно, заразившись безвкусной выпендренностью этих строк, увидеть в малявинской выставке признак культурного подъема (ведь “небывалый культурный расцвет после Великой Октябрьской Социалистической революции” – одна из догм советской исторической науки). На самом деле картина сложнее. Как в любую переломную эпоху, когда рушатся все привычные константы, в хаосе послереволюционной России легко происходят невозможные прежде вещи. Для того чтобы состоялась та же выставка картин Малявина, надо, чтобы в начальственных кабинетах сидели люди молодые, начинающие все с чистого листа, искушения бюрократизмом еще не прошедшие, легко распоряжающиеся деньгами, – это потом денег не будет хватать ни на что, и долгие годы Рязанский художественный техникум будет сидеть на голодном пайке. Если мы захотим увидеть “эпоху небывалого культурного взлета” трезвыми глазами, красные вихри картин Малявина неизбежно потонут на фоне крови и пожаров.

Из дневника Воронкова:

“3 апреля. Санитарный врач сообщил сегодня, что на братском и городских кладбищах покойников зарывают еле-еле на поларшина; торчат ноги, руки. При таянии снега возможно выхождение частей трупов наружу. А из Салтыковской больницы все заразные и незаразные нечистоты спускаются в Лыбедь и идут через весь город. Улицы утопают в грязи, нет рабочих, нет лошадей... Прямо хоть ложись и умирай. Как хочешь, так и борись с эпидемией, которая ширится с каждым днем, унося десятками жертвы... А публика, в том числе и рабочие,

живут моралью: “Лови момент”. Каждый старается как можно больше сорвать для себя, не считаясь с тем, есть или нет для других. Такое явление наблюдается везде, будто все проклятое, что есть в человеке, выплыло сразу наружу...”⁸⁵.

Спора нет, до революции, чтобы организовать выставку такого размаха в лучшем помещении города, Малявину пришлось бы пройти длинный путь по инстанциям, затратить массу собственных средств или искать щедрых меценатов. Сейчас он делает это за счет государства. Прогресс вроде бы налицо. Но ведь реален и другой вариант, когда в 1917 г. Филиппа Андреевича с семьей могут просто убить, а имение сжечь или растащить по бревнышкам. Если этого не случилось, то вовсе не потому, что Филипп Андреевич – великий живописец. Просто ему повезло. После 1925 г. таких, как он, бывших землевладельцев, принудительно выселяют из сельской местности, отбирая даже ту небольшую часть имущества, что в 1918 г. оставили на прожиток. Но не дожидаясь этого, Малявин в 1922 г. навсегда покинет Россию.

Спустя сорок лет, в ноябрьском номере журнала “Октябрь”, а потом и отдельной книгой выходят мемуары В.Н. Шульгина, в 1918 г. – заместителя Воронкова по Комиссариату просвещения. Впрочем, о Воронкове нынешний профессор Шульгин не вспоминает ни в единой строке. У него тема поважнее – собственные встречи с В.И. Лениным, Н.К. Крупской и А.В. Луначарским. Одна из глав касается малявинской выставки 1919 г. Суетливый и неискренний Малявин соседствует в тексте с твердым и пронизательным автором воспоминаний, сразу понявшим, что художник “не наш”. С поразительным самодовольством Шульгин повествует, как Ленин и Луначарский советовались с ним, выпускать ли за границу Малявина. Шульгин “не советовал”, но Ильич, глядя на него “глазами, в которых где-то глубоко-глубоко таилось озорство”, сказал: “Рискнем”⁸⁶. Надо ли говорить, что именно благоглупости Шульгина почти сорок лет служили для рязанских краеведов и писателей источником представлений о малявинской выставке?..

Апрель 1919 г., начавшийся с формального утверждения Малявина руководителем Мастерских, стал для него последним месяцем сотрудничества с Губпросом. Чтобы по-

нять причины его ухода, необходимо разобраться в сложной и запутанной канве событий последней декады апреля, насколько нам удалось ее восстановить.

По направлению Наркомпроса в Рязань прибывают художники В.П. Киселев и Н.Е. Роговин, чтобы представлять в Мастерских “левое” направление.

Виктор Петрович Киселев (1896–1984), сын тульского цехового⁸⁷, в 1912–1917 гг. учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у А.Е. Архипова, Н.А. Касаткина, К.А. Коровина и Л.О. Пастернака. С 1918 г. участвовал в выставках, в 1920-е гг. работал в Театре им. В.Э. Мейерхольда. Здесь в 1921 г. он был одним из художников спектакля “Мистерия-Буфф”, и в этом качестве упоминается В.В. Маяковским в автобиографии “Я сам”⁸⁸. Был членом ОМХ (1926–1929), председателем Московской ассоциации художников-декораторов (1929–1932). Позднее работал в Мастерской монументальной живописи Академии архитектуры СССР⁸⁹.

Николай Ефимович Роговин как художник ныне забыт. Свою карьеру он начал раньше Киселева, в 1910–1911 гг. участием в знаменитой выставке “Бубновый валет”. В 1912 г. следует не менее скандальный “Ослиный хвост” — там у него выставлялось 12 работ. Из каталога этой выставки мы знаем адрес Н.Е.Роговина в 1912 г.: Москва, Остоженка, свой дом⁹⁰. В том же году вместе с Н. Гончаровой и М. Ларионовым он проиллюстрировал книгу Велимира Хлебникова “Мирсконца”. Свою радикальную эстетическую ориентацию художник подтвердил и участием в выставке “Мишень” (1913 г.)⁹¹. Среди экспонентов выставок советского времени мы Роговина не обнаруживаем. Область его интересов смещается в сторону архитектуры: на рубеже 30–40-х гг. выходят составленные им альбомы архитектурных увражей; он участвует в создании первых томов “Всеобщей истории архитектуры”⁹².

Отметим, что Рязань для Н.Е. Роговина не была городом совсем чужим: еще в 1905 г. его отец, инженер-технолог Ефим Самойлович Роговин, купил солидное имение — 447 десятин земли — в селе Лески Екимовской волости Рязанского уезда. Правда, когда в 1908 г. у него сгорел там дом (распространившийся в ту пору у крестьян способ выяснения отношений с землевладельцами), инженер почел за лучшее продать большую часть земли Крестьянскому поземельному банку⁹³.

Третий предполагаемый руководитель, **Валериан Орестович Малинин** (1890– ?), с 1918 г. работал в Рязани городским архитектором, а также заведующим жилищно-строительным и земельным подотделами⁹⁴. Впрочем, и его Воронков именуется в дневнике “московским художником”. В Рязани Малинин оказался, вероятно, благодаря своему товарищу по учебе в МУЖВЗ А.Д. Сошкину, вместе с которым они, страстные любители старины, путешествовали по русскому Северу⁹⁵.

Все трое, как вы видим, были людьми незаурядными, но Воронков видел в них только “футуристов”, явившихся поправить все, что ему было дорого в искусстве. Этот настрой Михаила Ивановича предопределял развитие событий.

Знакомство с москвичами произошло на заседании Коллегии 19 апреля, где присутствуют также Малявин и Калининченко. Выслушав Малинина (“Мой метод преподавания архитектуры будет состоять в привлечении учащихся к живой работе, пользуясь для этого строительными работами при Горисполкоме...”), Киселева (“...Век картин прошел и на искусство нужно смотреть с той точки зрения, что оно было и прогрессирует, пока не дойдет до конца и не будет иметь исключительно утилитарного применения”) и Роговина (“...Я нахожу необходимым ознакомить учащихся с мировой живописью, а не писать с учениками лошадок... Общее образование для учащихся не обязательно, нужно культивировать не ум, а дух учащихся”), Воронков выступил с отповедью, явно приготовленной заранее, если вспомнить его дневниковые отзывы о “футуристах”:

“Мы слышали сейчас критику старого мира, но не узнали, как смотрят художники на возникающие Государственные Мастерские. Наше желание определено: пусть все учащиеся, среди которых до настоящего времени нет, к сожалению, рабочих, приходят сюда с верой, что они таланты. Художники должны поддержать эту веру: время же покажет, есть ли тут ошибка с чьей стороны, но художники обязаны выловить действительные таланты. Это главная задача наших Мастерских, а как будет понимать искусство такой учащийся — нас мало интересует, лишь бы мог он проявить этот свой талант на живом деле. Дальше центр тяжести Государственных Мастерских дать учащимся знания, сделать дельного и полезного в жизни человека и наконец убедить учаще-

гося, что художник велик лишь тогда, когда труд его полезен для жизни, и что искусство должно и может быть применимо для жизненных целей. Необходимо помнить всем нам, что не все, что может быть допущено в частной мастерской, может иметь место в государственном учреждении, каковыми являются учреждаемые теперь Мастерские, а потому необходимо, чтобы руководители отдельных мастерских представили Отделу свои программы, по которым они будут вести свои классы, и которые явятся краеугольным камнем в нашем здании Государственных Художественных Мастерских⁹⁶.

В дневнике Воронков более откровенен:

"19 апреля. Приехали футуристы руководителями в Мастерские, сегодня заседали с ними. Credo свое сказать прямо боятся и высказываются обиняками. Между прочим, я заметил, что художники очень слабы в смысле ясности изложения своей речи. Типичен Малявин, который ведет нехорошую интригу, направленную против Калиниченко, на которого я зол за его мягкотелость и неумение организовать дело и которого жаль, как человека, довольно много поработавшего у нас. Футуристам предъявлено требование – представить ясный и определенный план преподавания в Мастерских. Кажется, им это не понравилось⁹⁷.

Расклад сил весьма необычен. Казалось бы, пятидесятилетнего Малявина к "футуристам" никак не отнесешь, а разговоры о том, что "век картин прошел", не должны вызывать у него сочувствия. Но сам он, видимо, считает, что у него больше общего с "левыми" художниками, чем с Калиниченко. Это определенно проявилось на заседании 22 апреля:

"Присутствуют: члены Коллегии М. Воронков, А. Костырев, А. Иванов, Л. Белорусец и И. Виноградов; сотрудники Отдела Ф. Малявин, Я. Калиниченко, т. Сошкин, Н. Говоров, т. Кожевников, П. Ермильцев, художники: Малинин, Киселев, Роговин и представитель Совета учащихся Художественных Мастерских т. Яковлев.

Председательствует М. Воронков. На повестке: 1. Обсуждение программ занятий в Художественных Мастерских. 2. Текущие дела.

Т[ов]. Малинин сообщает, что указанные программы не составлены, т.к., по его мнению и по мнению художников Роговина и Киселева, составлять и обсуждать их преждевременно. Нужно познакомиться первоначально с познаниями учеников, с составом их, а затем уже составлять для них программы, которые предварительно должны быть рассмотрены не в Коллегии Отдела, а в Коллегии Подотдела Изобразительных искусств.

Т[ов]. Малинин желает затем определенно узнать права и обязанности руководителей и отношение к Мастерским Губ. Отдела Народного Просвещения.

Т[ов]. Киселев считает необходимым создать сначала административный орган, а затем уже самые Мастерские – в Москве Мастерские начали действовать лишь через полгода после организации Отдела Изобразительных искусств.

Ф. Малявин присоединяется ко мнению художников. Надо создать, говорит он, административный орган Мастерских, лица, составившие его, создадут уже программы. Предварительные программы, может быть, и желательны, но не могут иметь серьезного значения, т.к. жизнь в самый короткий срок изменит их, и кроме того, эти программы ничего не дадут. Сейчас нам нужны художники и доверие к ним, а не программы".

А.Д. Костырев, а также поддержавшие его И. Виноградов и Л. Белорусец настаивали на предъявлении москвичами программ.

"Т[ов]. Роговин заявляет, что он готов говорить о своей программе, но не знает, как может критиковать ее Коллегия Отдела, некомпетентная в вопросах искусства.

На вопрос, чему он будет преподавать, т. Роговин отвечает – живописи; на вопрос, как будет преподавать – говорит, что станет учить на рисунках с натуры, познакомлю с рисунками и живописью старых мастеров, в своих лекциях будет касаться вопросов: 1. Что такое искусство вообще, 2. Что такое рисунок, 3. Что такое живопись, 4. Основные типы живописи, 5. Основные роды искусств и т.д. Его личным вкусом являются художники: Леонардо, Челлини, Полайоло [в оригинале – Поллаиоло. – А.Н.], Домье, Сезанн, Коро и др., ни к какому направлению т. Роговин себя не причисляет.

М.И. Воронков снова указывает, что иметь программы занятий каждого отдельного художника в его Мастерской необходимо. *Ф.А. Малявин* неоднократно критиковал работу Художественной студии и *Я. Калиниченко*, теперь нужно сказать, как же эту работу будут вести приехавшие художники. Коллегия Изобразительных Искусств будет создана лишь после того, как будут приглашены руководители, руководители же должны указать предварительно примерные планы занятий в их мастерских.

По вопросу о программах занятий в Художественных Мастерских постановлено: заявление московских художников о невозможности и ненужности составления программ в настоящий момент – принять к сведению; Коллегию Изобразительных искусств новыми членами пока не дополнять¹⁹⁸.

На следующий день коллегия продолжает обсуждение без участия московских художников.

“Председатель собрания *М. Воронков* ставит Коллегии вопрос, приглашать ли руководителями Государственных Художественных Мастерских рекомендованных Народным Комиссариатом художников: *Роговина*, *Киселева* и *Малинина*.

А.Д. Костырев указывает, что со стороны Московских художников замечается недоброжелательное и даже несколько пренебрежительное отношение к Отделу, замечается определенное нежелание представить примерные программы занятий в своих мастерских и т.д. Отказ же их представить программы и отсутствие их трудов не дает право Отделу, как государственному органу, рассматривать их, как руководителей Государственных Художественных Мастерских. Указанные художники для нас люди совсем неизвестные, и тем не менее они ничего не желают сообщить о себе. *А. Костырев* полагает необходимым от приглашения их в Художественные Мастерские воздержаться.

Я.Я. Калиниченко считает гг. *Роговина*, *Киселева* и *Малинина* недостаточно опытными для того, чтобы приглашать их в качестве руководителей в Мастерские; ни на одной выставке работ их он не видел. Между тем у нас Мастерские только организуются, так что произво-

дить эксперименты, приглашая художников без имени, весьма нежелательно.

Ф.А. Малявин говорит, что в художниках Мастерские в настоящий момент весьма нуждаются, судить же о том, что данные художники *Роговин*, *Киселев* и *Малинин* не могут быть опытными руководителями, мы не имеем достаточных оснований. Если Отдел Изобразительных искусств посылает к нам данных лиц, он в достаточной мере уверен в их познаниях и способностях. Народному Комиссариату лучше знать указанных художников, чем можем мы их знать из разговора.

А.П. Иванов также полагает, что ограничиваться знакомством из одной беседы недостаточно, нужно предоставить данным художникам возможность поработать в Мастерских, чтобы на деле убедиться в их работе. Если они не оправдают возложенных на них надежд, придется просить центр рекомендовать иных руководителей.

И.Д. Виноградов высказывает, что рекомендованные Нар. Комиссариатом художники, по-видимому, не удовлетворяют Коллегию Отдела (нет у них стажа, нет, может быть, и определенных программ), но, если нет возможности пригласить в Рязань более известных художников, отказываться от них не следует. *Виноградов* предлагает временно пригласить художников, все же затребовав, предварительно, примерные программы занятий.

Воронков, говоря по вопросу о приглашении художников, высказывает опасение, как бы московские художники, не пожелавшие перед Коллегией, по их мнению некомпетентной в вопросах искусства, развить свои художественные взгляды и изложить программы занятий в мастерских, не применили такового же способа обращения и к учащимся Мастерских – рабочим, красноармейцам и др., и на их прямо поставленные вопросы из той или иной области искусства не стали бы отмалчиваться, мотивируя свое молчание крайней некомпетентностью спрашивающих.

По мнению *Воронкова*, Губ. Отдел как государственная организация вправе знать, кто идет в местное учреждение государственного характера ответственным работником. Помимо того, что художники не дали Отделу планов работ, не сказали, к какому течению в искусстве

они примыкают, не дали возможности ознакомиться с их трудами, их не знают и местные художники. Малявин, ратуящий за приглашение их, однако, не говорит, что означенных художников он считает безусловно на месте в качестве ответственных руководителей.

То, что слышала Коллегия, не дает, по мнению Воронкова, оснований утверждать художников в качестве руководителей Свободных Государственных Художественных Мастерских.

Воронков ставит на голосование вопрос о приглашении художников. Вносятся два предложения: первое – не утверждая руководителями, допустить художников к работе в Мастерских для того, чтобы с ними познакомиться непосредственно на деле. Второе – ввиду того, что московские художники Роговин, Киселев и Малинин, несмотря на определенное желание Губ. Отдела, согласное с мнением т. Брига, заведующего Отделом Изобразительных Искусств Наркомпроса, заслушать от каждого художника программу занятий в Рязанских Мастерских, заявили, что они не считают возможным представить означенные программы, а также ввиду того, что Губ. Отделу совершенно неизвестны ни сами художники, ни их направление в искусстве, ни их работы, Губ. Отдел полагал, что он как местный орган власти государственной власти несет ответственность перед государством, трудовым населением и учащимися за работу всех учреждений, им создаваемых.

При баллотировке принято второе предложение большинством 4-х против 2-х.

Постановили: считать невозможным допущение в качестве руководителей Рязанских Государственных Мастерских художников Малинина, Роговина и Киселева. В Отдел Изобразительных Искусств Наркомпроса направить копию протокола настоящего заседания.

2. Текущие дела:

Слушали: Я.Я. Калиниченко просит разрешить ему пригласить к себе в качестве ассистента художника Мешкова.

Ф.А. Малявин высказывает пожелание о том, чтобы руководители в Мастерские приглашались не отдельными лицами, Калиниченко и т.д., а Коллегией Подотдела Изоб-

разительных Искусств в целом. Я. Калиниченко уже приглашал к себе различных лиц – Кирсанова, Малинина и т.д., а затем сам же говорил о невозможности работать с ними в тесном контакте.

Постановили: Руководителей в Художественные Мастерские приглашать по предварительному обсуждению в Коллегии Изобразительных Искусств¹⁹⁹.

Один из двух голосов, оставшихся в меньшинстве, – безусловно, Малявина. Его последний выпад против Калиниченко – одновременно и последнее выступление Филиппа Андреевича на коллегии Губпроса.

24 апреля 1919 г. рязанские “Известия” печатают объявление:

“От Рязанских Свободных Художественных Мастерских.

Совет учащихся доводит до сведения учащихся Мастерских о том, что в субботу 26-го сего месяца в 6 часов вечера назначено общее собрание учеников мастерской Ф.А. Малявина.

Собрание состоится при участии художественной коллегии и московских художников Киселева, Роговина и Малявина [скорее всего опечатка. Вместо Малявина должен быть Малинин – А.Н.].

На повестке дня:

1. Доклад московских художников.
2. Отчет о поездке в Москву Яковлева и Тиходеева.
3. Текущие дела.

Совет просит учащихся на собрание являться по возможности аккуратно.

Президиум¹⁰⁰.

Несмотря на то что объявление печаталось три номера подряд, по 26 апреля включительно¹⁰¹, собрание не состоялось – видимо, потому что Воронков, а за ним и московские художники отправились в Москву, чтобы объясниться в присутствии начальства.

Из дневника Воронкова:

“26 апреля. Малявин также едет в Москву – очевидно, хочет футуристическую марку поддержать. Мы отказались принять футуристов, раз они нам не представили

программы занятий; они едут жаловаться в центр: думаю, что совершенно бесполезно. [...] Москва кипит, как и в старое время. Прошел по Тверской – людно и весело. [...] Вечером старик Мешков рассказывал, как он писал в Крыму над морем, живя в ущелье, куда его спускали по веревке, а вывозили на лодке морем. У него есть красивые виды Крыма, все за денежки. [...]

28 апреля. Утром был у Брика. Выдержал ожесточенный спор с футуристами. Но все же Брик принял в основе наши действия правильными. Малинину и др. необходимо представить программу занятий. Из Москвы приедет представитель для выяснения конфликта в Рязани с футуристами. Моск. футуристы, как фанатики; думают, что они знают “правду” в искусстве и такую правду, которая под лицо рабочим. Чудаки! [...] Говорил с Павловым об открытии в Рязани граверной мастерской. Обещал прислать своего ученика руководить этой работой. На вокзале уселись в вагон и через пятнадцать минут тронулись. Настроение было славное”¹⁰².

В следующем номере “Известий” президиум совета учащихся сообщал, что собрание перенесено на 29 апреля¹⁰³. В этот же день прошло и заседание Коллегии Губпроса, где Воронков докладывал о своей поездке в Москву. Бросается в глаза отсутствие Малявина; из художников были лишь Калиниченко и архитектор А.Д. Сошкин.

“[...] По вопросу о вознаграждении устроителя выставки Ф.А. Малявина, М. Воронков узнал, что никаких авторских гонораров за устройство выставки в Центре не выдается – лица, устраивающие выставки, рассматриваются в течение данного времени в качестве сотрудников Отдела Изобразительных Искусств и получают соответствующее вознаграждение.

Смета по Подотделу охраны произведений искусства и старины, а также ходатайство об ассигновании денег на приобретение художественно-исторических вещей для музея и ходатайство об ассигновании 45 000 руб. для покупки картин Ф.А. Малявина переданы по назначению, т. Машковцеву. [Николай Георгиевич Машковцев (1887–1962), известный советский искусствовед, в 1918–1927 гг. возглавлял отдел периферийных музеев

Всероссийской коллегии по делам музеев при Наркомпросе. – А.Н.]

[...] М.И. Воронкову пришлось присутствовать на заседании Коллегии Отдела Изобразительных Искусств, где т. Бриком был поставлен ему вопрос о том, что произошло с командированными в Рязань, в качестве руководителей Художественных Мастерских, художниками. Для разрешения происшедшего, по мнению Коллегии Отдела, “недоразумения” заведующий Отделом т. Брик предполагает прибыть в Рязань в субботу, 3 мая с. г.”¹⁰⁴.

3 мая Коллегия обсуждала составленную Воронковым записку, “которая должна определить взгляд Коллегии Отдела на Государственные Художественные Мастерские”¹⁰⁵, а 5 мая проходит очередное заседание Коллегии с участием приехавшего из Москвы вместо О.М. Брика помощника последнего по личному составу В.О. Роскина¹⁰⁶. Присутствовали также Калиниченко и оставшаяся безымянной “представительница от Свободных Художественных Мастерских” (Твердова?).

Воронков зачитал свою записку, все пункты которой были приняты с двумя поправками Роскина, а по вопросу о Роговине и Киселеве рекомендации представителя Наркомпроса вновь оказалось недостаточно.

“От Отдела т. Воронков заявляет, что Губ. Отдел, не зная их программы, раньше не мог высказаться ни за, ни против, и ставит условием, чтобы каждый художник-руководитель дал программу своих занятий. Т[ов]. Роскин возражает сначала против этого условия, ибо программа во многом зависит от самих учащих и художник затрудняется говорить о программе. Отдел настаивает на ясности, определенности, чтобы знать, что преподавать будут в Мастерских, какая определенная программа, и после обсуждений приняли: все художники-руководители должны дать определенные программы в Коллегию Отдела.

Т[ов]. Роскин заявляет, что художника Малявина надо считать выбывшим из Государственных Свободных Художественных Мастерских и Отдела.

О Калиниченко.

Т[ов]. Роскин заявляет, что он может быть утвержден на общих основаниях, если представит программу.

Губ. Отдел выставляет в коллегию Государственных Свободных Художественных Мастерских Калиниченко, Мешкова. Представители от Губисполкома и Губотдела Просвещения будут представлены после.

[ов]. Роскин выдвигает на пост председателя коллегии Жиркова, что вызывает возражение со стороны Отдела, и Роскин на нем не настаивает.

Следующее собрание назначить с художниками для заслушивания их программы на 6-е мая в 10 час. утра¹⁰⁷.

Заседание 5 мая можно считать этапным; Воронкову кажется, что восторжествовал его теоретический подход, в действительности же поле боя осталось за ненавистными ему “футуристами”. На следующий день они огласят свои программы и будут утверждены руководителями Мастерских¹⁰⁸, но программу придется сочинять и Калиниченко, который навсегда утрачивает особое положение и как преподаватель, и как сотрудник Губпроса. А главное, держась за Калиниченко, Воронков потерял Малявина.

Короткое и категорическое заявление т. Роскина — это последнее упоминание Филиппа Андреевича в протоколах Отдела просвещения. Между 26 апреля и 5 мая произошло что-то, не зафиксированное протоколами. Как мы помним, 26 апреля Воронков встречает Малявина в поезде, причем о цели его поездки судит предположительно (“хочет футуристическую марку поддержать”). Стало быть, у Малявина были причины не посвящать соседа по купе в свои планы. О выбытии Малявина объявляет московский представитель; таким образом, можно заключить, что вопрос решался в Москве, без участия рязанского губотдела. Напрашивается предположение: за этим Малявин и ездил в столицу.

В дальнейшем, как известно, Малявин именуется руководителем красноармейской студии, причем занятия ее, по воспоминаниям Н. Трошина, проходили прямо в аксиньинской усадьбе¹⁰⁹. Похоже, что Филиппу Андреевичу удалось найти оптимальное в тех условиях решение: в лице ведомства т. Троцкого он нашел гораздо более серьезного и надежного покровителя, чем захлебывающийся в утопических прожектах Наркомпрос. Преподавать в собственной усадьбе, под крылом Наркомвоена вчерашним же своим ученикам, только переодетым в военную форму, в середине 1919 г., — это, вероятно,

единственный способ для вчерашнего помещика оградить себя, свою семью и свое имущество от многих прелестей революционной эпохи, сметающей, как ураган, остатки усадебной культуры.

Состоялось ли несколько раз переносившееся собрание учащихся мастерской Малявина, и о чем там шла речь? Ушли ли ученики следом за художником в красноармейскую художественную студию? Многие юноши, которым предстояла мобилизация, скорее всего, так и сделали. Впрочем, мы не знаем, с какого времени начала функционировать красноармейская художественная студия, да эта тема и выходит за рамки настоящей статьи. Упомянем лишь, что, видимо, в ней продолжил учебу известный нам Г.М. Тиходеев, командированный в 1922 г. во Вхутемас¹¹⁰.

Всего на несколько месяцев Малявин соприкоснулся с историей Рязанского Художественного училища. Лишь одно полотно с его грандиозной выставки осталось в местном музее — “Старик с чайником”, оцененный, как мы помним, дешевле всего (сейчас картина фигурирует под названием “Старик у очага”)¹¹¹. Почему не состоялось приобретение других работ? Любопытное свидетельство оставил нам художник И.В. Ключ, командированный от ИЗО Наркомпроса в Рязань для организации очередной выставки:

“...Мне было дано от Наркома Просвещения специальное поручение: повидаться в Рязани с художником Малявиным и сделать ему от имени А.В. Луначарского предложение: приехать со всеми своими работами в Москву и устроить там персональную выставку. Для этого Малявину будет дан отдельный товарный вагон, в котором он, кроме своих картин, может провезти всякого продовольствия сколько хочет (это происходило в голодное время, когда было запрещено провозить продовольствие по железной дороге и на пароходах). Малявин был в это время у себя в имении в 15 верстах от Рязани. Я вызвал его в Рязань (он приехал на велосипеде), и я ему передал поручение. Больше я с ним не встречался, но слышал, что он приезжал в Москву без картин, виделся с Луначарским. Они говорили относительно покупки картин Малявина, причем Малявин просил что-то 6 тысяч рублей золотом, а Луначарский давал ему советскими деньгами и говорил, что Малявин очень дорого расцени-

вает свои вещи, Малявин заявлял, что совсем не дорого, если считать что своих “Баб рязанских” раньше продал по 13 тысяч рублей по золотому курсу. Луначарский ему ответил, что советская власть сейчас таких сумм платить не может...”¹¹².

Когда произошла встреча Клюна с Малявиным и насколько точен он в изложении событий? Ведь о переговорах Малявина с Луначарским он, по собственному признанию, знал лишь понаслышке и мог контаминировать два сюжета: предложение Луначарского о перевозе рязанской выставки в Москву (здесь нет оснований сомневаться в словах Клюна) и уже известные нам по документам переговоры о закупке четырех картин Малявина для рязанского музея, шедшие через Воронкова.

Относительно поездки Клюна в Рязань мы нашли в документах ИЗО Наркомпроса следующие скупые записи, из которых лишь последняя дает материал для датировки – август 1919 г. :

“679. Ключу на поездку в г.Рязань по служ. дел., согл. счет – 4098 [...]

416. И. Ключу за исполн. работ по выст. в Рязани и Витебске, согл. счет – 1050 [...] 520. [Аналогичная запись] – 1050 [...] 666. [Аналогичная запись] – 1050 [...]

680. Ключу за прочит. лекц. в Рязани за авг. 19 г. согл. счет – 200”¹¹³.

23 августа 1919 г. Рязанская губерния была объявлена на военном положении в связи с мамонтовским прорывом. Воронков, назначенный комиссаром отдельной группы войск Раненбургского, Данковского, Ряжского, Сапожковского и Скопинского уездов¹¹⁴, отправился на юг губернии. Все упоминания о подотделе изобразительных искусств, мастерских, выставках исчезают со страниц его дневника. С Малявиным, впрочем, он продолжает иногда видеться: дорога в Пронск, куда Воронков часто выезжает в командировки, лежит мимо Аксиньина.

“4/VIII [...] Обратная поездка. [...] У Малявина; мил звон ему церковный. Ночлег в имении”¹¹⁵.

28 сентября. [...] Поздно вечером, при чудесном звездном сиянии ехал в Рязань. В темноте по дороге двига-

ются дезертиры пешком и спекулянты на подводах. В 10 часов заехали к Малявину; он угостил нас сливками. Спал я после закуски, как убитый”¹¹⁶.

Следующая запись, относящаяся уже к 1920 г., камня на камне не оставляет от трогательной сцены, из повести А. Осипова “Вихрь”, где Малявин уже летом 1918 г. отдает все свое имущество, чуть ли не вместе с картинами, аксиньинским мужикам, а те его тепло провожают в Рязань. Действительность далека от идиллии:

“4-го марта. Прибежал утром Малявин; у него на хуторе произошла кража. Страшно волнуется – говорит собственник в нем; подозревает культпросвет, который помещается в его доме. Имение передать Отделу не решается и жить в нем не может; крестьяне к нему относятся враждебно. Ему хочется и имение за собой оставить, и с населением жить в ладу. Но это не удастся, что доказывает живучесть революции [?! – А.Н.]

6–9 апреля. [...] Говорил как-то с Малявиным о его биографии. Необходимо записать, а то умрет художник и погибнет чудный для поколений материал о борьбе за место под небом. Смысл его речи таков: пока дочь не вышла замуж, он не может рассказывать о себе, так как рассказ обнаружит его мужицкое грубое происхождение! Меня это крайне поразило...”¹¹⁷.

М.И. Воронкова предчувствие не обманывает: для поколений погибнет не только автобиографический рассказ Малявина (его мало записать, надо, чтобы и сама запись сохранилась), но и большинство следов его рязанской жизни. Исчезнет его усадьба¹¹⁸, единственным осколком выставки 1919 г. останется в местном музее только “Старик с чайником”. В следующие десятилетия про эмигранта Малявина не принято будет вспоминать, а когда рухнут запреты, имя его возникнет вновь – как легенда, притягательная и загадочная, о той утраченной, былинной Рязани, по улицам которой запросто ходили великие художники.

Автор выражает глубокую благодарность Е.А. Графшиной, Н.А. Даниловой, И.И. Кирееву (Музей молодежного движения), И.Н. Денисовой (Рязанский художественный

музей), Н.Н. Дубцовой, Л.В. Синельщиковой (ГАРО) и, в особенности, Н.И. Зубаревой, без содействия которых автор вряд ли бы смог проделать свою работу.

Примечания

¹Живова О.А. Филипп Андреевич Малявин. М., 1967. С. 8.

²Шульгин В.Н. Памятные встречи. М., 1958.

³Долгополов И.В. Рассказы о художниках. М., 1983. Т. 2. С. 256—257; Попов И.П. Очерки истории культуры Рязанского края. Рязань, 1994. С. 162—163; Степашкин С.М. Певец русской крестьянки // Приокская правда (Рязань). 1969. 22 окт.; Кананов А. Дело не в красках, а в правде // Крестьянка. 1983. № 12. С.35; Торопова Г. Поэт в красках // Рязанский комсомолец. 1989. 21 окт.; Анфимов С. Необычайное дарование // Приокская правда. 1989. 22 окт.; Выропаев А. Из Рязани — в “Третьяковку” // Утро (Рязань). 2001. С. 66—67.

⁴Осипов А.И. Вихрь. Рязань, 1994.

⁵Синельщикова Т.П. Талант яркий, самобытный // Приокская правда. 1984. 27 дек.; Сторожева А.М. Первая выставка // Приокская правда. 1991. 20 февр.

⁶Например, биограф Калининченко А.И. Репкин нашел возможным сослаться лишь на воспоминания известного московского гравера И.Н. Павлова — явно не самое надежное свидетельство: “...В своей мастерской он [Калининченко. — А.Н.] организовал художественную школу, которой покровительствовал Луначарский” (Репкин А.И. Я.Я. Калининченко. Рязань, 1958. С. 18).

⁷Волков А. Художники родного края // Сталинское знамя (Рязань). 1946. 14 июня; Репкин А.И. Детище Октября: Рязанскому художественному училищу — 50 лет // Приокская правда. 1968. 14 дек.; Золотых Н. Большая перемена: Рязанскому художественному училищу исполняется 60 лет // Рязанский комсомолец. 1978. 23 дек.; Трофимов А. Выпускники Рязанского училища // Юный художник. 1987. № 7. С.15; Чернова Г. Вчера, сегодня, завтра // Приокская правда. 1988. 26 нояб.; Ляхова Л.Н. У истоков // Там же; Рязанское художественное училище. 75—летие со дня основания. Рязань, 1993. С. 3—5; Сафронов Б. 80 лет Рязанскому художественному училищу // Краеведение в контексте духовной культуры: Тезисы докладов научно—практической конференции 7 апр. 1998 г. Рязань, 1998. С. 94—95; Коновалов Д. Словесный портрет художника Калининченко // Утро. 2001. С. 67—70.

⁸Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Рязанская область. М., 1980. С. 72. (Тр. научно-исследовательского ин—та культуры Министерства культуры РСФСР. № 92).

⁹Рязанское художественное училище... С. 3.

¹⁰Попов И.П. Указ. соч. С. 162.

¹¹Материалы свода памятников... С. 72. Трудно не заметить текстуральные совпадения с появившимися тринадцатью годами раньше строками О.А. Живовой: “Выставка была крупным событием в культурной жизни Рязани. Она сыграла большую роль в привлечении молодежи в открытые там Свободные государственные художественные мастерские: в течение одного марта в число учащихся было вновь принято свыше 50 человек. На состоявшемся же в конце марта собрании учащихся в руководители мастерских был выбран вместе с местным художником Я.Я. Калининченко и Ф.А. Малявин. Но преподавательская деятельность его была, по—видимому, совсем недолговременной: в 1920 году Ф.А. Малявин переехал уже в Москву” (Живова О.А. Указ. соч. С. 147—148).

¹²Материалы свода памятников... С. 72—73. Чтобы совсем запутать дело с числом студий, датами их создания и их руководителями, Степашкину стоило бы сослаться на составленную Н.О. Фрейманом биографию М.Г. Кирсанова, где сообщается, что с 1918 г. последний работал в Рязани именно руководителем Государственных художественных мастерских (ГАРО. Ф. Р—6703. Оп. 1. Д. 49. Л. 76 об.).

¹³Ляхова Л.Н. У истоков // Приокская правда. 1988. 26 нояб. Некомпетентность этой публикации вызвала негодование племянника И.И. Куриленко, выпускника Рязанского художественного техникума 1930 г. В. Мухина, черновик возмущенного письма которого в Рязанский горком КПСС хранится в архиве Г.К. Вагнера (Научно—отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 22. Д.114. Л. 154—156 об.).

¹⁴К разряду курьезов следует отнести и появившуюся в 2000 г. в “Рязанской энциклопедии” (Рязань, 2000. Т. 2. С. 326—327) статью “Рязанское художественное училище им. Г.К.Вагнера”. Основанная на взаимоисключающих положениях вышеупомянутого буклета к 75-летию РХУ и не в пример более скромного, зато более точного буклета к 80-летию, статья из “Рязанской энциклопедии” лишний раз доказывает, что даже использование корректных данных (выявленных, если уж на то пошло, автором этих строк) не спасает, когда они превращаются в материал для механической компиляции. Чего стоят фразы вроде “Датой основания училища, которое начиналось с художественной студии, считается 3 ноября 1918 г. Фактически занятия в художественной студии начались 3 июля”. Хотелось бы также спросить Л.В. Димперана, кто такие братья В.В. и В.Н. Мешковы, названные первыми преподавателями училища (наряду со сваленными в одну кучу Куриленко, Пырсиным, Фесенко, Киселевым—Камским, Кирсановым и Житковым), — уж не двоюродные ли, судя по несовпадению инициала отчества?

¹⁵“Ему... принадлежит идея создания рабочих художественных мастерских, ныне реорганизованных в худтехникум” (В.Р. [Ряховс-

кий В.Д. Я.Я. Калиниченко — заслуженный художник // Рабочий клич. 1926. 6 авг.).

¹⁶Репкин А.И. Я.Я. Калиниченко. С. 17.

¹⁷РГАЛИ. Ф. 1440. Оп. 1. Д. 143. Л. 2 об.

¹⁸По другим данным, с 6 по 26 мая 1918 г. (Выставки советского изобразительного искусства. Справочник. М., б.г. Т.1. 1917—1932 гг. С. 27).

¹⁹ГАРО. Ф. Р—132. Оп.1. Д. 3. Л. 7 об., 8 об.

²⁰ГАРО. Ф. Р—5039. Оп.1. Д. 236. Л. об. 9.

²¹Выставки... Т. 1. С. 27, 51; Шульгин В.Н. Указ. соч. С. 62.

²²ГАРО. Ф. Р—951. Оп.1. Д. 291. Л. 1.

²³ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 3. С. 18 об.

²⁴Там же. Л. 19 об.

²⁵РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 2. Д. 901. Л. 2, 8.

²⁶Архив Рязанского художественного училища. Св. 1. Д. 72. “Биографические сведения проф. Я.Я. Калиниченко, засл. деят. искусств”. Без пагинации.

²⁷В списке населенных мест под № 6210 значится “Денежниково, владельческая усадьба Молявина” [sic! — А.Н.], в которой проживало четверо мужчин и три женщины (“Населенные места Рязанской губернии” / Сост. И.И. Проходцов. Рязань, 1906. С. 466—467).

²⁸Шульгин В.Н. Указ. соч. С. 60.

²⁹Там же. С. 61, 62.

³⁰Там же. С. 64.

³¹Известия Рязанского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 2 июня.

³²Там же. 30 июня.

³³ГАРФ. Ф. А—2306. Оп. 23. Д. 3. Л. 41.

³⁴ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 18. Л. 32.

³⁵Там же. Л. 31.

³⁶Известия Рязанского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 6 сент.

³⁷ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 18. Л. 1— 1 об., 5.

³⁸ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

³⁹ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 157. Л. 188 об., 189 об.

⁴⁰РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 4. Д. 618. Л. 9.

⁴¹Там же. Л. 5, 42—42 об. Еще два вероятных студийца 1918 г. (эти данные нуждаются в проверке) избрали себе театральные профессии — Сергей Константинович Исаев (1904—1979), будущий главный художник Рязанского областного драматического театра (1941—1975) и преподаватель РХУ (1947—1949), заслуженный художник РСФСР (1968), (Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. М., 1980. Т. 4, кн. 1. С. 551) и Сергей Александрович Ценин (1903—1968), оперный певец и либреттист, заслуженный артист РСФСР. Последний, по свидетельству Д.А. Коновалова, вспоминал, что в 1918 г. “сдружился с семьей знамени-

того художника Ф.А. Малявина, жившего в то время в Рязани. [...] В художественной студии, которой он руководил, я постигал основы изобразительного искусства. Мечтал стать художником-декоратором, а стал певцом” (Коновалов Д. Сын земли рязанской // Приокская правда. 1984. 3 апр.). Отметим, что, по “Положению о Свободных государственных художественных мастерских”, как не достигшие 16-летнего возраста, Ценин и Исаев могли подвергнуться отсеvu, когда студия преобразовалась в Мастерские.

⁴²Дата устанавливается благодаря протоколу более позднего (30 апреля 1919 г.) заседания коллегии Губпроса:

“Слушали: [...] 2.Сообщение А. Иванова: на одном из последних заседаний Коллегии постановлено выдать Я.Я. Калиниченко (с момента назначения его завед. Подотделом Изобр. Искусств) разницу между содержанием, получаемым им в настоящее время, и содержанием, причитающимся по должности заведующего, между тем нигде в протоколах о назначении Я. Калиниченко заведующим не зафиксировано.

Постановили: [...] “Так как, несмотря на существующую с 3 декабря 1918 г. Коллегию Изобр. Искусств, всю работу по Подотделу фактически нес один Я. Калиниченко, считать его с указанного срока (с 3 декабря 1918 г.) завед. Подотделом Изобр. Искусств, выдав причитающуюся разницу в вознаграждении” (ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 152. Л. 72).

⁴³ММД. 230/229. Л. 2 об.

⁴⁴Там же. Л. 4об., 5об., 8— об.

⁴⁵ГАРО. Ф. Р—6703. Оп. 1. Д. 49.

⁴⁶ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 157. Л.204.

⁴⁷ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

⁴⁸ГАРФ. Ф. А—2306. Оп. 23. Д. 3. Л. 5—8.

⁴⁹Там же. Л. 10.

⁵⁰ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 57. Л. 197, 198.

⁵¹ММД. 230/229. Л. 22—23.

⁵²Там же. Л. 24 об.—25 об., 26 об.

⁵³ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1 Д. 157. Л. 60, 61.

⁵⁴ММД. 230/229. Л. 23, 29 об., 30 об.

⁵⁵ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 152. Л. 90, об.—92.

⁵⁶Крупин Е.Н. Рождение музея, или рассказ о создателях художественного музея в Рязани. Рязань, 1991. С. 30—32.

⁵⁷ММД. 230/229. Л. 33 об.

⁵⁸ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1 Д. 157. Л. 199—199 об.

⁵⁹Там же. Л. 200 об.

⁶⁰ММД. 230/229. Л. 38 об.—39, 39 об.—40, 41 об.—42.

⁶¹Там же. Л. 47 об., 52—52 об.

⁶²ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1 Д. 152. Л. 88, 89 об.

⁶³ММД. 230/229. Л. 54—54 об., 55—55 об.

⁶⁴ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 152. Л. 94, 95 об.

- ⁶⁵ГАРО. Ф.Р—132. Оп. 1. Д. 157. Л. 106, 107.
- ⁶⁶ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 152. Л. 51—51 об.
- ⁶⁷*Репкин А.И.* Я.Я.Калиниченко. Рязань, 1958; *Степашкин С.М.* Калиниченко Яков Яковлевич // Рязанская энциклопедия. Рязань. 1995. С.264; *Боец революционной кисти* // Рабочий клич. 1925. 30 дек.; *В.Р. [Ряховский В.Д.]* Я.Я. Калиниченко — заслуженный художник // Рабочий клич. 1926. 6 авг.; Я.Я. Калиниченко — заслуженный деятель искусств // Ленинский путь (Рязань). 1932. 24 апр.; Яков Яковлевич Калиниченко // Сталинское знамя. 1938. 16 дек.; *Заокский С.* Художник Я.Я. Калиниченко // Сталинское знамя. 1954. 8 дек.; *Сывороткин А.* Творчество Я.Я. Калиниченко // Сталинец (Рязань). 1956. 11 мая; *Титов С.* Новое о художнике Я.Я. Калиниченко // Приокская правда. 1959. 29 марта. С.4; *Репкин А.И.* Художник, борец, педагог // Приокская правда. 1969. 27 нояб.; *Коновалов Д.А.* Словесный портрет художника Калиниченко // Утро. 2001. С. 67—70; *Сторожева А.М.* Художник, картины которого сжигали... // Рязанские ведомости. 2001. 1 авг.
- ⁶⁸РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 2. Д. 901. Л. 17.
- ⁶⁹Там же. Л. 10.
- ⁷⁰ГАРО. Ф. Р—5039. Оп. 1. Д. 23.
- ⁷¹ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 152. Л. 52
- ⁷²ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 157. Л. 151.
- ⁷³ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 152. Л. 54—55.
- ⁷⁴ММД. 230/229. Л. 62 об., 63 об.
- ⁷⁵ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 52. Л. 56, 57—57 об.
- ⁷⁶*Крупин Е.Н.* Указ. соч. С. 27.
- ⁷⁷ММД. 230/229. Л. 65.
- ⁷⁸ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 152. Л. 64, 65.
- ⁷⁹ГАРФ. Ф. А—2306. Оп. 23. Д. 75. Л. 289.
- ⁸⁰ММД. 230/229. Л. 66 об.—67.
- ⁸¹Известия Рязанского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 16 апр.
- ⁸²ГАРО. Ф. Р—5039. Оп. 1. Д. 259. Л. 24об.
- ⁸³*Попов И.П.* Указ. соч. С. 162—163.
- ⁸⁴*Шульгин В.Н.* Указ. соч. С. 63.
- ⁸⁵ММД. 230/229. Л. 64.
- ⁸⁶*Шульгин В.Н.* Указ. соч. С. 64
- ⁸⁷РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 2. Д. 2490. Л. 2.
- ⁸⁸*Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т.1. С. 26.
- ⁸⁹Художники народов СССР. Биобиблиографический справочник. СПб, 1995. Т. 4, кн. 2. С. 493—494.
- ⁹⁰*Поспелов Г.Г.* “Бубновый валет”: Примитив и городской фольклор в Московской живописи 1910-х гг. М., 1990. С. 244, 247, 248.
- ⁹¹Там же. С. 250
- ⁹²*Роговин Н.Е.* Храм Весты. М., 1939; *он же.* Арка Тита. М., 1939; *он же.* Пропилеи Акрополя в Афинах. М., 1940; *он же.* Пантеон. М., 1940; *он же.* Избранные архитектурные увражи. М., 1940; *он же.* Памятники русской архитектуры. 1. Церковь Вознесения в Коломенском (XVI век). М., 1942.
- ⁹³ГАРО. Ф. 150. Оп. 11. Д. 07.
- ⁹⁴РГАЛИ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 1524. Л. 5,6.
- ⁹⁵*Трошин Н.А.* Воспоминания (рукопись). Л. 268. Итогом этих экспедиций посвящены два издания, являющиеся ныне библиографической редкостью: *Малинин В.* Русское северное искусство. Б.м., 1913; *Малинин В.* Поездка на север. Б.м., б.г.
- ⁹⁶ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 152. Л. 67—67 об.
- ⁹⁷ММД. 230/229. Л. 69 об.
- ⁹⁸ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 152. Л. 128—128 об.
- ⁹⁹Там же. Л. 129—129 об., 129а.
- ¹⁰⁰Известия Рязанского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 24 апр.
- ¹⁰¹Там же. 25 апр., 26 апр.
- ¹⁰²ММД. 230/229. Л. 71 об., 72—72 об.
- ¹⁰³Известия Рязанского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 29 апр.
- ¹⁰⁴ГАРО. Ф. Р—132. Оп. 1. Д. 152. Л. 70—70 об.
- ¹⁰⁵Там же. Л. 74—74 об.
- ¹⁰⁶Владимир Осипович Роскин (1896—1984), художник, соавтор В.В.Маяковского по “Окнам РОСТА”, впоследствии член МОСХа.
- ¹⁰⁷Там же. Л. 102—102 об.
- ¹⁰⁸Там же. Л. 110—110 об.
- ¹⁰⁹*Трошин Н.А.* Воспоминания (рукопись). Л. 263.
- ¹¹⁰РГАЛИ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 2512. Л. 14.
- ¹¹¹Рязанский областной художественный музей: Каталог. Л., 1982. С. 95—96.
- ¹¹²*Клюн И.В.* Мой путь в искусстве: Воспоминания. Статьи. Дневники. М., 1999. С. 89.
- ¹¹³ГАРФ. Ф. А—2306. Оп. 23. Д. 75. Л. 383, 385, 386, 395 об.
- ¹¹⁴Очерки истории Рязанской организации КПСС. М., 1974. С. 152—153.
- ¹¹⁵ММД. 230/231. Л. 8 об.
- ¹¹⁶ММД. 230/232. Л. 17.
- ¹¹⁷ММД. 230/234. Л. 3,16 об.—17.
- ¹¹⁸“В настоящее время на месте усадьбы, в “Маляйском лесу”, как говорят местные старожилы, остались лишь ямы от фундамента дома и служебных построек да густо разросшийся вишеник” (*Живова О.А.* Указ. соч. С. 248—249).

П.А.Трибунский

*Общество исследователей
Рязанского края
и С.А. Есенин*

Сбор сведений и материалов об известных лицах, рязанцах по происхождению, был составной частью деятельности Общества исследователей Рязанского края (ОИРК). С первого года своего существования одной из целей Общества стала подготовка переработанного издания “Библиографического словаря писателей, ученых и художников...”, опубликованного Рязанской ученой архивной комиссией в 1910 г. С.А. Есенин не был членом ОИРК и никогда не посещал его заседаний. Скорее всего, он даже не знал о существовании этой организации. Но принадлежность Есенина к категории “знатных уроженцев” сделала его объектом пристального внимания со стороны ОИРК.

Впервые фамилия “Есенин” прозвучала на заседании президиума социально-исторического отделения ОИРК 29 января 1921 г. Собравшиеся постановили обратиться к Есенину и еще одному поэту, И.И. Морозову, “с просьбой передать весь возможный материал о себе в О[бщест]во”. 17 февраля обоим адресатам были отправлены официальные письма от имени ОИРК с предложением “записать свою автобиографию и весь возможный материал о себе переслать в О[бщест]во”. Поэтов попросили выслать списки их произведений (по возможности – сами тексты), фотографии и т.д.

На заседании социально-исторического отделения ОИРК 20 февраля 1921 г. Н.А. Дорогутин сделал доклад о работе президиума отделения. Выступавший коснулся вопроса о рассылке писем-обращений к знатым землякам с просьбой выслать материалы о себе в адрес Общества. В завязавшихся пре-

ниях выступил профессор Рязанского института народного образования, литературовед Н.П. Сидоров. Он указал, что в библиографическом словаре архивной комиссии, который предполагалось взять за основу, есть ряд серьезных пробелов: “Например, в нем пропущены Серг[ей] Есенин и Ив[ан] Морозов. Первый уроженец с. Константиновского, Рязан[ского] у[езда]. Оба известные поэты. Им можно было бы [посвятить?] отдельную работу”. Но далее прений дело не пошло¹. Более того, вскоре работа по составлению словаря временно приостановилась. Определенную роль в этом сыграло то обстоятельство, что почти никто из знатных земляков (в том числе Есенин) на просьбу ОИРК не откликнулся.

Очередная активизация сбора материалов о местных уроженцах была связана с деятельностью ученого секретаря ОИРК А.А. Мансурова. Именно он на заседании правления Общества 28 октября 1924 г. выступил с докладом о необходимости создания нового библиографического словаря. Указанная работа была признана “неотложной”, а для ее осуществления избиралась специальная комиссия (А.А. Мансуров, Н.А. Дорогутин, А.И. Знаменская).

Очередное обращение ОИРК к поэтам, уроженцам Рязанщины, о присылке автобиографий для переиздания “Библиографического словаря” было отправлено 11 октября 1925 г. Общество просило С.А. Есенина, Т.Г. Мачтета и С.Ф. Буданцева выслать собственные произведения, “кот[орые] непосредственно связаны с живыми образами Рязани и Рязанского края”².

Как и в 1921 г., Есенин не откликнулся на призыв земляков. А вскоре газеты сообщили о самоубийстве поэта. Буквально на следующий день после смерти Есенина рязанское отделение Всероссийского Союза поэтов решило подготовить траурный сборник, посвященный памяти поэта. Желая снабдить его биографическими сведениями о покойном, правление отделения 30 декабря 1925 г. обратилось в ОИРК. Ответ, отосланный 15 января 1926 г., был мало обнадеживающим: “Автобиографии Есенина оно [Общество. – П.Т.] не имеет, хотя и обращалось еще при жизни его с просьбой о присылке таковой, но получить ее не удалось”. (Отметим, что указанный сборник так и не вышел в свет. В начале лета 1926 г. местное отделение Союза было закрыто. Возможно, что опубликованные в “Памяти Есенина” (М., 1926) стихи членов рязанского отделения Б.М. Кисина и

Н.П. Хорикова первоначально предназначались именно для несостоявшегося издания.)

Другое траурное мероприятие, организованное рязанским отделением Всероссийского Союза поэтов, состоялось. 1 января 1926 г. в Доме просвещения прошел вечер памяти С.А. Есенина. С докладом о творчестве Есенина выступил Борис Кисин, в ту пору студент Вхутемаса и начинающий поэт. Печатным аналогом доклада, вероятно, является статья того же автора “Сергей Есенин”, появившаяся в “Рабочем кличе” 3 января 1926 г. На вечере прозвучали стихи, посвященные памяти Есенина³.

Удачный опыт данного мероприятия, вероятно, стал причиной того, что буквально через неделю, 10 января, в Доме просвещения состоялось совместное заседание ОИРК и рязанского отделения Союза поэтов, посвященное памяти Есенина. Предполагалось, что с докладами выступят Д.Д. Солодовников (от ОИРК), Б.М. Кисин и А.Г. Цейтлин (от Союза). После докладов должны были прозвучать стихотворения рязанских поэтов, посвященные Есенину.

Собрание 10 января 1926 г. прошло при переполненном зале. Пришедшие деятели ОИРК, работники просвещения, члены профсоюзов услышали доклады Кисина (“Город и деревня у Есенина”) и Цейтлина (“Есенин на переломе”). Солодовников по неизвестным причинам не выступал. Кисин показал, как “певец изб” оторвался от деревни, но к городу не пристал. “Город и грусть о потерянной деревне сломили Есенина”, – заключил докладчик. Отметим, что газетный пересказ доклада Кисина весьма близок по содержанию к упомянутой выше статье в “Рабочем кличе”. Цейтлин коснулся отношения поэта к революции, которая “сожгла Есенина”. Стихи Есенина, посвященные революции, докладчик оценил как слабые. Цейтлин считал, что “оторванность от деревни и революция – главные виновники смерти этого самородка-поэта”. После докладов “с воспоминаниями и посвященными поэту стихами выступил ряд товарищей”. Цейтлин прочел два стихотворения самого Есенина из циклов “Русь Советская” и “Москва кабацкая”. Итог вечера подвел Кисин, выразивший надежду, что “такая смерть, какой умер Есенин, будет последней смертью в рядах поэтов, в рядах писателей”⁴.

В 1926 г. ОИРК больше не устраивало мемориальных

собраний, посвященных Есенину. Зато в следующем, 1927 г. на общем собрании Общества Е.Д. Клюев выступил с докладом “С.А. Есенин (трагедия его жизни)”. Ни содержания выступления, ни более точной даты указанного заседания установить не удалось, но можно с уверенностью утверждать, что это произошло до ноября⁵.

Вероятно, сразу после получения известий о смерти С.А. Есенина в недрах ОИРК родилась идея увековечить его память. Впервые информация о том, что Общество исследователей Рязанского края на одном из ближайших заседаний “рассмотрит вопрос об увековечении памяти умершего поэта Сергея Есенина”, появилась в “Рабочем кличе” 1 января 1926 г. Скорее всего, источником сведений было лицо, близкое к ОИРК. Иначе трудно объяснить, откуда журналистам стало известно о намерении, которое было публично высказано лишь 4 февраля 1926 г. на заседании правления Общества. На нем Д.Д. Солодовников поднял вопрос об увековечении памяти Есенина, скончавшегося в декабре 1925 г., и М.Е. Салтыкова-Щедрина, родившегося 100 лет назад (январь 1926 г.). В постановлении содержалась целая программа действий. Прежде всего, было решено устроить заседания Общества, посвященные памятным датам. Следующим шагом должно было стать прошение в губернский коммунальный отдел с просьбой отметить мемориальными досками те дома в Рязани, где проживал Салтыков-Щедрин. Общество предполагало обратиться к своему почетному члену, бывшему профессору Рязанского института народного образования, проживавшему в Москве, литературоведу Н.П. Сидорову, который подготовил исследование о Есенине. ОИРК намеревалось опубликовать эту работу. Общество поручало И.А. Шавыкину и Е.Д. Клюеву собрать на родине Есенина в селе Константиново “сведения о нем, о его родственниках и окружающей его обстановке”⁶.

Сведения о работе И.А. Шавыкина “над изысканием материала из жизни и деятельности рязанского уроженца, известного поэта Сергея Есенина” попали в рязанские газеты. Его поездка в Константиново к родителям Есенина состоялась в один из летних месяцев 1926 г. О ее результатах он доложил на заседании правления ОИРК 11 сентября. Докладчик указал, что “никаких документальных материалов (портретов, рукописей) получить не удалось, т.к. все они

взяты в Бюро Союза поэтов”. Свои впечатления от поездки Шавыкин пообещал представить на следующем заседании в письменном виде, но в протоколах ОИРК представление доклада не отмечено. Равно в делах Общества не удалось обнаружить рукопись Шавыкина. Заседание 11 сентября закончилось постановлением, в котором ОИРК просило Шавыкина во время поездки в Москву посетить Бюро Союза поэтов и “выяснить вопрос о возможности общ[еством] получения материалов об Есенине”⁷. Состоялась или нет поездка Шавыкина, выяснить, к сожалению, не удалось.

В рязанской периодической печати нам удалось обнаружить уникальное сообщение о предполагаемом создании памятного уголка Есенина в областном музее (июль 1926 г.)⁸. Скорее всего, это была инициатива ОИРК, оставшаяся, впрочем, нереализованной.

Единственным завершённым проектом Общества исследователей Рязанского края, связанным с Есениным, стала публикация библиографического указателя Н.И. Мордовченко. О значении этого труда в становлении есениноведения и в судьбе самого Мордовченко писали не раз⁹. В посвященной указателю статье Г.М. Сердобинцевой приведены сведения о тираже, об изданиях, просмотренных при работе, особенностях библиографического описания произведений, разделах и т.д.¹⁰ Сердобинцева ограничилась опубликованными материалами, что несколько снизило ценность ее наблюдений. Ниже сделана попытка выяснить начало и ход занятий Мордовченко над указателем, а также обстоятельства его издания.

Среди библиографических занятий Н.И. Мордовченко в 1923—1925 гг. изучение биографии и творчества Есенина не значится. Судя по документам ОИРК, молодой исследователь (Мордовченко родился в 1904 г.) был занят составлением библиографии по Рязанскому краю, работы о декабристах-рязанцах, регистрацией произведений местной печати послереволюционного времени. В 1925 г. он переехал из Рязани в Ленинград, где поступил на словесное отделение Высших государственных курсов искусствоведения при Институте истории искусств. Ему суждено было стать известным литературоведом. Видимо, его связь с ОИРК постепенно становилась все более формальной, хотя и не порвалась окончательно. В создании словаря местных деятелей и уроженцев, предпринятым Обществом, ему была отведена

важная роль: при распределении разделов на заседании специально созданной комиссии 6 июля 1926 г. Мордовченко досталось “собрание материалов о литературных деятелях”¹¹. Не отсюда ли ведет начало его работа по составлению указателя о С.А. Есенине?

В выборе предмета исследования (сводка произведений и литературы о Есенине после смерти) Мордовченко не был оригинален. Регистрация посмертных публикаций и заметок о поэте уже присутствовала в составленной В.И. Вольпиным “Памятке о Сергее Есенине 4/X 1895 – 28/XII 1925: Автобиографии Есенина – смерть Есенина – библиография – иконография – факсимиле” (М., 1926). Отчет ОИРК за 1926 г. сообщает о работе Мордовченко над составлением библиографии Есенина, но ограничивается лишь констатацией этого факта. Зато “Рабочий клич” в декабре 1926 г. пишет о том, что Мордовченко заканчивает “составление полной библиографии Сергея Есенина”, где “будет дан полный библиографический перечень работ Есенина и критических статей”¹². Столь впечатляющая информированность газеты лишний раз подтверждает, что у нее с ОИРК сложились весьма тесные связи.

Редакционная комиссия ОИРК на своем заседании 9 февраля 1927 г. в порядке очередности наметила на текущий год издание семи выпусков “Трудов” (с № 7 по 13). Мордовченко ждала публикация в 12-м выпуске. Сама работа была готова к 20-м числам февраля 1927 г. 24 февраля Мордовченко послал ее из Ленинграда в Рязань. Вероятно, он обещал прислать ее раньше, но слова не сдержал. Первоначально указатель мыслился как статья, но его объем оказался весьма внушительным. Составитель указывал, что “для статьи работа велика. Может быть, можно отдельной книжкой”. Другие пожелания Мордовченко касались печати и сроков публикации (к Пасхе).

24 марта 1927 г. правление ОИРК одобрило план редакционной комиссии, но обстоятельства сложились иначе, чем было задумано. Вероятно, запланированные к изданию труды на тот момент не были готовы к набору. Также не вполне понятно, когда было решено печатать книгу Мордовченко, которая вместо двенадцатого выпуска “Трудов” ОИРК теперь стала восьмым. В указателе было помечено, что работа издается по постановлению правления Общества от 15 апреля

1927 г. Но в этот день не было заседания правления! Правление, судя по протоколам, собиралось 24 марта и 26 апреля. Не исключено, что определенную роль в продвижении указателя Мордовченко сыграл Мансуров, добившийся принятия постановления правления без формального заседания.

Так или иначе, указатель Мордовченко был принят в набор. В начале апреля составитель уже получил корректуру. В письме от 26 апреля 1927 г. Мордовченко сообщил Мансурову, что доволен ею. Именно в ходе просмотра корректуры Мордовченко окончательно определился с заглавием (“К библиографии С.А. Есенина”) и с текстом предисловия. Мордовченко понимал, что издание библиографического указателя — более трудное дело, чем публикация научного исследования. В том же письме Мансурову он с долей иронии отмечал: “Жалею Вас, что моя книжка отнимает у Вас, вероятно, гораздо больше хлопот и времени, чем все другие. Ох уж эти замечательные уроженцы!...” В послании от 17 мая 1927 г. Мордовченко давал указания по оформлению книги¹³.

Вероятно, книга была издана в начале июня 1927 г. На заседании правления ОИРК 26 августа того же года сообщалось о выходе в свет седьмого, восьмого и девятого выпусков “Трудов”. Общество отнесло публикацию указателя Мордовченко к серьезным достижениям¹⁴.

Этим исчерпываются сведения о причастности ОИРК к сбору материалов о С.А.Есенине и к увековечению памяти умершего поэта. Почти все вышеописанные замыслы и идеи оказались нереализованными. Традиции есениноведения в Рязани в 1920-х гг. создано не было. Причины незавершенности целого ряда проектов Общества крылись как в слабости и распыленности исследовательских сил, так и в политике Советской власти, с подозрением относившейся к поэту при жизни и после смерти. Единственный состоявшийся проект (библиографический указатель) имел к деятельности ОИРК опосредованное отношение.

Примечание

¹ГАРО. Ф. Р—903. Оп. 1. Д. 2. Л. 36 об., 37 об.; Д. 5. Л. 40; Д. 6. Л. 15; Д. 10. Л. 24,32,99,104.

²Там же. Д. 32. Л. 68; Д. 52. Л. 19.

³Там же. Л. 17; Самоубийство Сергея Есенина // Рабочий клич (Рязань). 1925. 30 дек.; К смерти Сергея Есенина: Вскрытие тела // Там же. 31 дек.; Извещение // Там же; *Кисин Б.М.*

Сергей Есенин // Там же. 1926. 3 янв.; Смерть поэта С. Есенина // Деревенская газета (Рязань). 1926. 3 янв.

⁴ГАРО. Ф. Р—903. Оп. 1. Д. 43. Л. 30, 35; Д. 54. Л. 5,14; Д. 113. Л. 7; Памяти Есенин // Рабочий клич. 1926. 9 янв.; *Брянский Л.* Грусть рязанцев: (Памяти Есенина) // Там же. 13 янв.; Отчет о деятельности Общества исследователей Рязанского края за 1926 год. Рязань, 1927. С. 2.

⁵ГАРО. Ф. Р—903. Оп. 1. Д. 67. Л. 12 об.; Д. 73. Л. 10; Д. 85. Л. 5; Д. 113. Л. 8 об.; Отчет о деятельности Общества исследователей Рязанского края за 1927 год. Рязань, 1928. С. 3.

⁶ГАРО. Ф. Р—903. Оп. 1. Д. 40. Л. 23—23 об.; Памяти Сергея Есенина // Рабочий клич. 1926. 1 янв.

⁷ГАРО. Ф. Р—903. Оп. 1. Д. 40. Л. 28 об.; Памяти Сергея Есенина // Рабочий клич. 1926. 17 июля.

⁸Там же.

⁹См., например: Н.И. Мордовченко: Некролог // Литературное наследство. М., 1951. Т. 57. С. 573; *Берков П.Н.* Памяти Николая Ивановича Мордовченко (1904—1951) // Русские революционные демократы [: Сб. науч. ст.]. Л., 1951. Вып.1. С. 4. (Уч. зап. ЛГУ. № 158. Сер. филологических наук. Вып.17); *Карпов Е.Л.* С.А.Есенин: библиографический справочник. М., 1966. С. 7; То же. 2-е изд., доп. и испр. М., 1972. С. 4; *Серебряков В.Б.* Грани таланта // Приокская правда (Рязань). 1982. 26 янв.; *Гаврилов И.Н.* Вклад ученого—земляка // Там же. 1989. 22 окт.; *он же.* Литературная Рязань: Библиографический словарь // Рязанская энциклопедия: Справочные материалы. Рязань, 1992. Т. 4. С. 67 и др.

¹⁰*Сердобинцева Г.М.* Первая библиография // И тебе я в песне отзовусь...: Сб. /Сост. В.В. Шахов. Рязань, 1986. С. 300—306.

¹¹ГАРО. Ф. Р—903. Оп. 1. Д. 32. Л. 58; Д. 43. Л. 18, 23, 30 об.; Д. 52. Л. 2 об., 12—12 об.; Д. 54. Л. 9—10, 16 об.; Изготавливаемых работ по Рязанскому краю // Вестник рязанских краеведов. 1924. № 4. С. 28—29; Отчет о деятельности Общества исследователей Рязанского края за 1924 год // Там же. 1925. № 1. С. 25; То же за 1925 год // Там же. № 4. С. 26.

¹²ГАРО. Ф. Р—903. Оп. 1. Д. 54. Л. 11, 17; Отчет о деятельности Общества исследователей Рязанского края за 1926 год. С. 6; Работа о Есенине // Рабочий клич. 1926. 2 дек.

¹³ГАРО. Ф. Р—903. Оп. 1. Д. 67. Л. 3; Д. 68. Л. 7—7 об., 19—20, 21, 21 об., 23—23 об.

¹⁴Там же. Д. 67. Л. 6 об.; Д. 73. Л. 13 об.,18; Д. 85. Л. 8 об.,13; Отчет о деятельности Общества исследователей Рязанского края за 1927 год. С. 6—7, 13; *Мордовченко Н.И.* К библиографии С.А.Есенина. Рязань, 1927. 63 с. (Тр. О—ва исследователей Рязанского края. Вып. VIII).

*Критика
и библиография*

П.А. Трибунский

*Один год: Публикации
о С.А. Есенине
в рязанских периодических
и продолжающихся изданиях
с 30 декабря 1925 г.
по 31 декабря 1926 г.*

Библиография произведений С.А. Есенина и работ о нем насчитывает тысячи наименований. Библиографическая “есениниана” ведется уже давно, но она не свободна от пробелов. Так, можно констатировать неудовлетворительный учет статей и заметок в рязанских периодических и продолжающихся изданиях за первый год после смерти С.А. Есенина. На первый взгляд, подобный тезис может вызвать возражения. Ведь в 1927 г. Н.И. Мордовченко опубликовал указатель “К библиографии С.А.Есенина”, целью которого была регистрация сочинений поэта и литературы о нем, изданных в СССР со дня смерти по 1 января 1927 г.¹ Тем не менее, хотя работа была напечатана в серии “Труды Общества исследователей Рязанского края”, она практически не отразила местную периодику. Составитель работал над указателем в Ленинграде, им была просмотрена лишь одна (!) рязанская газета, да и то частично. В результате Мордовченко выявил 6 статей и заметок, посвященных Есенину, появившихся в “Рабочем кличе” за декабрь 1925 г. – декабрь 1926 г.

Ситуация не изменилась в лучшую сторону после публикации работы О.Е. Вороновой “Библиография (материалы местной печати о С.А. Есенине с 31 декабря 1925 года по

ноябрь 1980 года)”². Ей удалось выявить 7 статей за декабрь 1925 г. – декабрь 1926 г. К шести заметкам, отмеченным в указателе 1927 г., она добавила одну статью из журнала “Наш опыт”. Последний Мордовченко не расписывал.

Сравнение двух работ убедило нас в том, что указания на статьи о С.А. Есенине в рязанских газетах за 1925—1926 гг. Воронова заимствовала из труда Мордовченко. Так, Мордовченко ошибочно указал Н. Военского в качестве автора стихотворения “На дыбах дней”, посвященного памяти Есенина (с. 39). В указателе Вороновой авторство приписано ему же. В действительности, автор стихотворения – В. Ерохин, а Н. Военскому принадлежит другое произведение, “Война”, напечатанное по соседству³. Рецензия на сборник “Сергей Александрович Есенин: Воспоминания” (М.—Л., 1926), принадлежащая перу автора, укрывшегося за криптонимом “Д”, охарактеризована Вороновой как критическая (“Отрицательная оценка сборника”). Но рецензент положительно отзывается о мемуарном сборнике! Разгадку этого противоречия вновь находим в труде Мордовченко (с. 51), который выявил две рецензии на указанный сборник. Первая – заметка “Д”, вторая – М. Ольшевца в “Известиях ЦИК”. К последней и относится аннотация Мордовченко (“Отрицательная оценка сборника”). Воронова, введенная, видимо, в заблуждение заголовком первой рецензии (“Беспутный гений”), механически перенесла аннотацию и на нее. И в том и в другом случае ошибок можно было избежать, если бы Воронова изучила упомянутое издание (“Рабочий клич”) *de visu*. Не в пользу библиографии Вороновой говорит и количество выявленных ею материалов. Наш собственный подсчет довел искомое число до 35 статей и заметок (в том числе 28 в “Рабочем кличе”) – в 5 раз больше, чем у Вороновой.

В целом в ретроспективных библиографических указателях, посвященных С.А. Есенину, отражены лишь немногие заметки, опубликованные в рязанских периодических и продолжающихся изданиях⁴.

Это явилось причиной библиографических разысканий с целью устранения имеющихся лакун в библиографии С.А. Есенина. Настоящий указатель отражает публикации, так или иначе связанные с именем Есенина, помещенные в рязанских периодических и продолжающихся изданиях за первый год после смерти поэта (декабрь 1925 г. – декабрь 1926 г.).

В указателе принято расположение материала по названиям периодических и продолжающихся изданий. В пределах каждого издания применяется хронологический способ группировки публикаций. Это дает возможность проследить динамику и преимущественные темы публикаций в разные периоды времени. Библиография аннотирована и снабжена вспомогательным указателем имен.

Примечания

- ¹Мордовченко Н.И. К библиографии С.А. Есенина. Рязань, 1927. 63 с. (Тр. О-ва исследователей Рязанского края. Вып. VIII).
²Воронова О.Е. Библиография (материалы местной печати о С.А.Есенине с 31 декабря 1925 года по ноябрь 1980 года) // Актуальные проблемы современного есениноведения: [Сб. ст.]. Рязань, 1980. С.105—125. Работы 1925—1926 гг. указаны на с.105.
³Военский Н. Война // Рабочий клич. 1926. 3 янв.
⁴См., например: Карпов Е.Л. С.А. Есенин: Библиогр. справ. М., 1966; То же. 2-е изд., доп. и испр. М., 1972; Русские советские писатели. Поэты: Библиогр. указ. М., 1985. Т. 8. С.А. Есенин и др.

Рабочий клич: Орган Рязанского губкома РКП (б) и губисполкома

1925

1. Самоубийство Сергея Есенина // 30 дек. — № 296. — С. 1.
2. К смерти Сергея Есенина: Вскрытие тела // 31 дек. — № 297. — С. 1.
3. Кисин Б.М. Сергей Есенин // Там же. — С. 4. — Псевд. “Б.К.”. Краткая биография поэта. Заметки о творчестве.
4. Извещение // Там же. — С. 6.
Сообщение о вечере памяти С.А.Есенина, назначенном на 1 января 1926 г.

1926

5. Памяти Сергея Есенина // 1 янв. — № 1. — С. 4.
Увековечение памяти С.А.Есенина, предполагаемое Обществом исследователей Рязанского края.
6. Ерохин В. На дыбах дней (памяти Сергея Есенина) // 3 янв. — № 2. — С. 3.
Стихотворение, посвященное С.А. Есенину.
7. Улыбин С. Осенний улет (С. Есенину) // Там же.
Стихотворение, посвященное С.А. Есенину.
8. Кисин Б.М. Сергей Есенин // Там же. — С. 5.
Статья о творчестве С.А. Есенина.

9. Памяти Есенина // 9 янв. — № 7. — С. 4.

Сообщение о вечере памяти С.А. Есенина, назначенном на 10 января 1926 г.

10. Брянский Л. Грусть рязанцев: (Памяти Есенина) // 13 янв. — № 10. — С. 4.
Отчет о вечере памяти С.А. Есенина, состоявшемся 10 января 1926 г.
11. Анисимов М. Памяти Есенина // 17 янв. — № 14. — С. 3.
Стихотворение, посвященное С.А. Есенину.
12. Ряховский В.Д. О Сергее Есенине, великих людях и константиновской учительнице // 26 февр. — № 47. — С. 2.
Восприятие творчества С.А. Есенина жителями Рязанской губернии.
13. Хроника художественной литературы // 6 марта. — № 54. — С. 4.
Сообщение о подготовке С.М. Городецким книги стихов, посвященной умершим поэтам (А.С. Пушкину, Н.А. Некрасову, Н.С. Гумилеву, А.А. Блоку и С.А. Есенину).
14. Ряховский В.Д. Рец. на: Новый мир. 1926. Кн. 2 // 11 марта. — № 58. — С. 4. — Псевд. “В.Р.”.
Обзор номера журнала, с указанием материалов, посвященных С.А. Есенину.
15. Вечер памяти Сергея Есенина // 16 апр. — № 86. — С. 4.
Сообщение о вечере памяти С.А. Есенина, назначенном на 18 апреля 1926 г.
16. Вечер памяти С. Есенина переносится // 20 апр. — № 89. — С. 4.
17. Памяти Сергея Есенина // 22 апр. — № 91. — С. 4.
Принятие Всероссийским Союзом писателей культурного шефства над с. Константиново. Ходатайство сельсовета о переименовании села в “Есенино”.
18. Клевенский Л. Грусть о Есенине или о пустой кассе // 27 апр. — № 95. — С. 4.
Критическая заметка о вечере памяти С.А. Есенина, состоявшемся 25 апреля 1926 г.
19. Музей С.А. Есенина // 29 мая. — № 120. — С. 4.
Создание при Всероссийском Союзе писателей музея памяти С.А. Есенина.
20. Памяти Сергея Есенина // 5 июня. — № 126. — С. 4.
Сообщение о предполагаемой поездке делегации Всероссийского Союза поэтов и писателей и Комитета по увековечению памяти С.А. Есенина в с. Константиново для принятия культурного шефства над селом, вручения знамени и организации библиотеки.
21. Ушаков В. На родине Сергея Есенина // 12 июня. — № 131. — С. 4.
Приезд делегации в Константиново 6 июня 1926 г.
22. Хроника художественной литературы // Там же. — С. 6.

Сообщение о подготовке издания сборника “Памяти Есенина” (М., 1926).
Его предполагаемое содержание.

23. *Вельский Е.* Рец. на: Наш опыт. 1926. № 2 // 26 июня. – № 142. – С. 4. – Псевд. “В.Е.”.

Обзор номера журнала, с критической оценкой статьи И.К. “В село Есенино” (см. № 33).

24. *Ряховский В.Д.* Новые книги // 10 июля. – № 153. – С. 4. – Рец. на: На литературном посту. 1926.—№ 4.

Обзор номера журнала, с указанием материалов, посвященных С.А. Есенину.

25. Памяти Сергея Есенина // 17 июля. – № 159. – С. 4.
Мероприятия по изучению и увековечению памяти С.А. Есенина в Рязани.

26. С. Константиново переименовано не будет // 27 июля. – № 167. – С. 4.

27. *Д.* Беспутный гений // 21 авг. – № 188. – С. 4. – Рец. на кн.: Сергей Александрович Есенин: Воспоминания / Под ред. И.В. Евдокимова. – М.—Л., 1926.

Положительная оценка сборника воспоминаний.

28. Работа о Есенине // 2 дек. – № 275. – С. 4.

Сообщение о подготавливаемом Н.И. Мордовченко к изданию библиографического указателя о С.А. Есенине.

**Деревенская газета:
Издание Рязанского губкома РКП (б)
и губисполкома Советов**

1926

29. Смерть поэта С. Есенина // 3 янв. – № 1. – С. 1.

30. Деревенские новости // 28 апр. – № 32. – С. 4.

Просьба сельсовета Константиново к Всероссийскому Союзу поэтов принять культурное шефство над селом – родиной С.А. Есенина.

31. Деревенские новости. С. Константиново – Есенино // 16 июня. – № 45. – С. 4.

Ходатайство сельсовета о переименовании села в честь С.А. Есенина.

32. Село Константиново переименовано не будет // 1 авг. – № 57. – С. 6.

**Наш опыт:
Ежемесячник Рязанского губкома ВКП (б),
губисполкома и губпрофсовета**

1926

33. *И.К.* В село Есенино // № 2 (июнь). – С. 68—70.

Делегация Всероссийского Союза поэтов в с. Константиново. При-

нятие культурного шефства над селом, организация выставки, книги в дар местной библиотеки.

Шаги:

**Литературно-художественный сб. / Отв. ред. В.Н. Егин.
Рязань, 1926**

34. *Вельский Е.* Судьба (памяти С.Есенина) // № 1 (сент.). – С. 6.

Стихотворение, посвященное С.А.Есенину.

35. *Фатов Н.Н.* Рязанские поэты. Петр Шамов // № 2 (окт.). – С. 14—16.

Отрицательное отношение к творчеству и судьбе С.А. Есенина (с. 14).

Указатель имен*

Анисимов М. 11

Б.К. – см. Кисин Б.М.

Блок А.А. 13

Брянский Л. 10

В.Е. – см. Вельский Е.

Вельский Е. 23, 34

В.Р. – см. Ряховский В.Д.

Городецкий С.М. 13

Гумилев Н.С. 13

Д. 27

Евдокимов И.В. 27

Ерохин В. 6

И.К. 33

Кисин Б.М. 3, 8

Клеветский Л. 18

Мордовченко Н.И. 28

Некрасов Н.А. 13

Пушкин А.С. 13

Ряховский В.Д. 12, 14, 24

Улыбин С. 7

Ушаков В. 21

Фатов Н.Н. 35

Шамов П. 35

*В указатель включены имена, псевдонимы и криптонимы авторов, а также лиц, упоминаемых в библиографических записях, кроме С.А.Есенина. Фамилии авторов выделены курсивом.

Приложения

П.А. Трибунский

“РЯЗАНСКАЯ СТАРИНА”

(1998–2001 гг.):

Указатель материалов

Настоящий указатель содержит библиографическое описание материалов 29 выпусков исторической полосы “Рязанская старина”, публиковавшейся на страницах газет “Рязанские ведомости” и “Вечерняя Рязань” на протяжении 1998–2001 гг.

В указателе принято хронологическое расположение материала. В пределах одного выпуска применяется группировка авторов по алфавиту. Исключение сделано для редакционных заметок (№ 1, 67, 111). Библиография частично аннотирована и снабжена вспомогательным указателем имен.

Выпуск 1

Рязанские ведомости.

1998.—25 сент.—№ 187.—С. 4.

1. *Трибунский П.А.* Дорогие читатели!
2. *Булгакова Н.С.* “Мы были самостоятельно мыслящие люди”: [Интервью со студенткой первого выпуска исторического факультета Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина].
3. *Вессель Х.А.* Кто последний в декабристы?
Как картежник и буян М.Г. Ржевский стал декабристом в рязанских краеведческих изданиях.
4. *Трибунский П.А.* Воздвиженские.
История династии педагогов и ученых.
5. [Трибунский П.А.]. Истфаку — 60.
Первые годы исторического факультета Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина.

6. [Трибунский П.А.]. Мозаика: [Рязанские газеты до 1917 г.].
7. *Филиппов Д.Ю.* Прогулки по Касимову. Торговые ряды. Строительство торговых рядов в Касимове.

Выпуск 2

Рязанские ведомости.

1998.—30 окт.—№ 210—211.—С. 4.

8. *Азаков С.С.* О боярстве Ляпуновых.
9. *Боярченков В.В.* И.А. Ильин и Рязанский край.
10. *Мордвинов А.А.* Митяй.
Биография духовника великого князя Дмитрия Ивановича.
11. *Трибунский П.А.* Дворянское военное училище.
Попытка создания военного училища в Рязани в первой трети XIX в.
12. [Трибунский П.А.]. Мозаика: [Беженцы в Рязанской губернии в годы Первой мировой войны].
13. *Филиппов Д.Ю.* Страсти вокруг головы.
Выборы касимовского городского головы в 1914 г.

Выпуск 3

Рязанские ведомости.

1998.—27 нояб.—№ 232—233.—С. 4.

14. *Булгакова Н.С.* Алексей Ларионов.
15. *Толстов В.А.* Общество рязанских врачей.
16. *Трибунский П.А.* Рязань, октябрь, 1917—го...
Борьба за власть в Рязани в октябре—ноябре 1917 г.
17. *Филиппов Д.Ю.* В Касимове у Барковых.
История касимовских особняков, связанных с родом Барковых.

Выпуск 4

Рязанские ведомости.

1998.—25 дек.—№ 252—253.—С. 4.

18. *Боярченков В.В., Толстов В.А.* Историк церкви А.П. Доброклонский.
19. *Трибунский В.П.* Сто лет рязанской охоты.
О книге “Сто лет рязанской охоты”.
20. *Трибунский П.А.* “Агитатор” Николай Гумилев.
21. *Филиппов Д.Ю.* “Дом у него был великолепный...”
Дом Алянчиковых в Касимове.
22. *Фрэнк С.П.* Самосуд.
Самосуды в рязанской деревне в конце XIX — начале XX в.

Выпуск 5
Рязанские ведомости.
1999.—29 янв.—№ 20—21.—С. 4.

23. *Азаков С.С.* Рязанские татары.
История “бордаковских татар” на Рязанской земле (XVI—XX вв.).
24. *Толстов В.А., Трибунский П.А.* Ученый—энциклопедист А.В. Селиванов.
25. *Трибунский П.А.* Семейный музей Селивановых.
26. *Филиппов Д.Ю.* В гостях у Алянчиковых.
Продолжение № 21.

Выпуск 6
Рязанские ведомости.
1999.—26 февр.—№ 43—44.—С. 4.

27. *Александров П.А.* Немецкое? Переименовать!
Кампания по борьбе с “немецким засильем” в Рязанской губернии в годы Первой мировой войны.
28. *Дмитриев М.Е.* Неистовый епископ Димитрий.
29. *Толстов В.А.* Дело Шефферлинга.
Финансовая афера, связанная с Рязанской ученой архивной комиссией.
30. *Трибунский П.А.* Касимовские газеты.
Неудачные попытки открытия газет в Касимове в конце XIX в.
31. *Филиппов Д.Ю.* Лакейский “профсоюз”.
История создания и функционирования “Бекбулатовского общества взаимной благотворительности касимовских татар”.

Выпуск 7
Рязанские ведомости.
1999.—26 марта.—№ 64—65.—С. 4.

32. *Иванов А.А.* Летающие рязанцы.
Миф о полете подъячего Крякутного.
33. *Кусова И.Г.* “Собрание древностей” Антоновых.
История художественной коллекции семьи предпринимателей Антоновых.
34. *Трибунский П.А.* Рязань, март 1917—го.
События Февральской революции в Рязани.
35. *Филиппов Д.Ю.* “Поэт русских лужаек...”
Судьба художницы М.В. Якунчиковой-Вебер (1870—1902).

Выпуск 8
Рязанские ведомости.
1999.—30 апр.—№ 92—93.—С. 4.

36. *Мордвинов А.А.* Биркины.
История рода государственных деятелей Биркиных.
37. *Никитин А.О.* Без легенд.
Разоблачение мифа об “усадьбе декабриста М.С. Лунина” в с. Лунине.
38. *Толстов В.А.* Рязанский историк И.В. Добролюбов.
39. *[Трибунский П.А.]*. “Рязанский вестник”.
Несостоявшееся периодическое издание 1905 г.
40. *Филиппов Д.Ю.* Сват, брат и городской магистрат...
Злоупотребления в Касимове в конце XVIII в.

Выпуск 9
Рязанские ведомости.
1999.—28 мая.—№ 111—112.—С. 4.

41. *Кусова И.Г.* “Друг человечества”.
Судьба предпринимателя и благотворителя П.Д. Ларина (1735—1778).
42. *Мираков М.В.* Апологет самодержавия В.Г. Орлов.
43. *Толстов В.А.* В.О. Ключевский и рязанские историки.
44. *Трибунский П.А.* Пушкинские дни в Рязани сто лет назад.

Выпуск 10
Рязанские ведомости.
1999. —5 июня.—№ 132—133.—С. 4.

45. *Мираков М.В.* “Революционная” Пасха в селе Инякино.
46. *Толстов В.А.* Краеведческий музей. Страницы былого.
47. *Толстов В.А.* “Юрист в истории” А.Д. Повалишин.
48. *Трибунский П.А.* В честь А.С.Пушкина.
Создание в Рязани Пушкинского бульвара и Пушкинского училища.

Выпуск 11
Рязанские ведомости.
1999.—30 июля.—№ 160—161.—С. 4.

49. Рязанский архив на пороге нового тысячелетия: Интервью с директором ГАРО Т.П. Синельниковой.
50. *Толстов В.А.* Рязанский архив. Летопись событий.
51. *Трибунский П.А., Целикова М.В.* Кабинет чтения.
52. *Филиппов Д.Ю.* Касимовский художник С.И. Грибков.
53. *Фрэнк С.П.* Поджоги.
Поджоги как обыденное явление крестьянской жизни XIX—XX вв.

Выпуск 12
Рязанские ведомости.
1999.—27 авг.—№ 183—184.—С. 4.

54. *Азовцев А.В.* “Не надейся, попадья, на попа — найми казака”.
Происхождение и социальный статус рязанских казаков.
55. *Кусова И.Г.* “Имени Кокиных”.
Благотворительные проекты предпринимателей Кокиных.
56. *Мираков М.В., Трибунский П.А.* Еврейский погром в Рязани 1905 года.
57. *Никитин А.О.* Уроки краеведения.
Юбилей рязанского краеведа В.Д. Дудкина (1929 г.р.).
58. *Чеснокова Т., Филиппов Д.Ю.* “Касимов... это что—то вроде русского Марбурга...”
Б.Л. Пастернак в Касимове.

Выпуск 13
Рязанские ведомости.
1999.—24 сент.—№ 205—206.—С. 4.

59. *Мираков М.В., Трибунский П.А.* Еврейский погром в Рязани 1905 года.
Продолжение № 56.
60. *Толстов В.А.* Тюремная эпопея С.Д. Яхонтова: “Наступило время, когда личность человека — ничто...”
61. *Трибунский П.А.* Рязанский концлагерь: факты и домыслы.
62. *Филиппов Д.Ю.* Дорога в XX век.
Несостоявшаяся касимовская железная дорога.

Выпуск 14
Рязанские ведомости.
1999.—29 окт.—№ 235—236.—С. 4.

63. *Мираков М.В.* По примеру Москвы.
Выселение евреев из городов Рязанской губернии в конце XIX в.
64. *Никитин А.О.* Начало рязанской металлургии.
65. *Никитин А.О.* При чем тут Агафья Лыкова?
Старообрядцы в Рязанской области.
66. *Толстов В.А., Трибунский П.А.* Хранитель рязанских древностей И.И. Проходцов.

Выпуск 15
Рязанские ведомости.
2000.—29 янв.—№ 18.—С. 3.

67. К сведению читателей.
68. *Гомзин А.А.* Посланцы Золотой Орды: О монетных кладах, найденных в Рязанской области.
69. *Кусова И.Г.* Кремль Переяславля Рязанского. Кто они — жители “элитных” кварталов?
70. *Трибунский П.А.* Рязанский гарнизон. Июль 1917-го: Не хотим на фронт.
71. *Филиппов Д.Ю.* Старейший завод Касимова, или Фортуна приказчика Салазкина.

Выпуск 16
“Рязанские ведомости.
2000.—26 февр.—№ 37.—С. 3.

72. *Никитин А.О.* Бесценные свидетели прошлого. — Рец. на: Азовцев А.В. Новые источники по истории землевладения касимовских татар // Русский дипломатарий. — М., 1999. — Вып. 5.
73. *Толстов В.А.* Найдена рукопись А.С. Грибоедова?
74. *Трибунский П.А.* “История рязанского княжества” В.С. Борзаковского.
Неудачная попытка В.С. Борзаковского написать “Историю рязанского княжества”.
75. *Филиппов Д.Ю.* “В доброте не уступают лучшим иностранным...”
История касимовских кожевенных заводов.

Выпуск 17
Рязанские ведомости.
2000.—25 марта.—№ 57.—С. 3.

76. *Азовцев А.В.* Мещера.
Происхождение названия “Мещера”.
77. *Александров П.А.* Братское кладбище.
История братского кладбища эпохи Первой мировой войны.
78. *Мираков М.В.* Рязанские дни В.А. Грингмута.
79. *Толстов В.А., Трибунский П.А.* У истоков этнографии нашего края.
80. *Филиппов Д.Ю.* Снасти из Касимова.
История касимовских прядильных заводов.

Выпуск 18
Рязанские ведомости.
2000.—29 апр.—№ 86.—С. 3.

81. *Азаков С.С.* Белоозерцы.
История корпорации казаков-белоозерцев.
82. *Крючков В.В.* “Обратить в первобытное дворянское состояние...”
Рязанское дворянство в конце XVIII в.
83. *Трибунский П.А.* Последний рязанский губернатор.
84. *Филиппов Д.Ю.* Касимовские стекольные заводчики.

Выпуск 19
Рязанские ведомости.
2000.—7 мая.—№ 104.—С. 3.

85. *Кусова И.Г.* Хозяйство и быт заводчиков Рюминых.
86. *Никитин А.О.* “Антагонист”.
Судьба Ф.П. Занадворова (1811—1888), знакомого ссыльных декабристов.
87. *Толстов В.А. С.Д.* Яхонтов: воспитание историей.
Историк и архивист С.Д. Яхонтов как педагог.
88. *Трибунский П.А.* Близ церкви Святого Духа.
История сооружения памятника-пирамидки в Кремле.

Выпуск 20
Рязанские ведомости.
2000.—24 июня.—№ 122.—С. 3.

89. *Азовцев А.В.* Судьба потомков пророка в России.
Сеидский род Шакуловых на Рязанской земле.
90. *Беляков А.В.* Рязанский край и Посольский приказ в XVII в.
91. *Гомзин А.А.* Граффити на арабских дирхемах из рязанских кладов.
92. *Трибунский П.А.* О дате и месте рождения П.В.Хавского.
93. *Филиппов Д.Ю.* Касимовские откупщики.

Выпуск 21
Рязанские ведомости.
2000.—29 июля.—№ 146.—С. 3.

94. *Александров П.А.* В.В.Виноградов — член Общества исследователей Рязанского края.
95. *Никитин А.О.* Емельян Украинцев: Персонаж романа и исторического поиска.

- Судьба дипломата Е.И. Украинцева (1641—1708).
96. *Трибунский П.А.* Рязанский Совет рабочих депутатов накануне Октября 1917 г.
97. *Филиппов Д.Ю.* Ожерелье купеческих усадеб на окской набережной.
Касимовские купеческие усадьбы.

Выпуск 22
Рязанские ведомости.
2000.—26 авг.—№ 168.—С. 3.

98. *Иванов А.А.* Заглянул ненадолго.
Пребывание политического авантюриста князя М.М. Андронникова в Рязани в 1917 г.
99. *Никитин А.О.* Когда основан Ряжск?
100. *Толстов В.А.* “Он был любителем большим старины, которая им береглась и понималась”.
Судьба историка и общественного деятеля князя Н.С. Волконского (1848—1910).
101. *Трибунский П.А.* А.Г. Непенин в Зарайске.
102. *Трибунский П.А.* Февральская революция на местах.

Выпуск 23
Рязанские ведомости.
2000.—14 окт.—№ 207.—С. 3.

103. *Горбунов Б.В.* Еще раз к вопросу о том, когда основан Ряжск, и об уровне грамотности одного “краеведа”.
Отклик на № 99.
104. *Кусова И.Г.* Крепость “голландской системы”.
Раненбург в XVIII в.
105. *Никитин А.О.* О нем известно пока немного...
Судьба участника восстания Черниговского полка И.П. Дмитриевского (ок. 1795 — ?).
106. *Толстов В.А.* “Он был любителем большим старины, которая им береглась и понималась”.
Продолжение № 100.
107. *Трибунский П.А.* Зубоврачебный музей.
Неудачная попытка создать зубоврачебный музей в Рязани в 1917 г.

Выпуск 24
Рязанские ведомости.
2000.—18 нояб.—№ 230.—С. 3.

108. *Мираков М.В., Трибунский П.А.* Октябрьский погром 1905 года в Егорьевске.

109. *Толстов В.А.* Рязанский музей конца 1930—х годов глазами его посетителей.

110. *Филиппов Д.Ю.* “Примечательный русский человек”. Судьба архитектора и историка И.С.Гагина (1771—1844).

Выпуск 1 (25)
Вечерняя Рязань.
2000.—22 дек.—№ 50.—С. 16, 21.

111. *Трибунский П.А.* К нашим читателям.

112. *Азовцев А.В.* Был ли Мирослав славянином? “Новая хронология” А.Т. Фоменко и рязанский материал.

113. *Мираков М.В., Трибунский П.А.* Егорьевский погром. Продолжение № 108.

114. *Никитин А.О.* О честности в полемике. Отклик на № 103.

115. *Филиппов Д.Ю.* “Примечательный русский человек”. Продолжение № 110.

Выпуск 2 (26)
Вечерняя Рязань.
2001.—12 янв.—№ 2.—С. 16, 21.

116. *Никитин А.О.* Декабристы и Рязанский край.

117. *Никитин А.О.* Из жизни авантюриста. И.В. Шервуд и баташевское наследство.

118. *Толстов В.А.* Декабристы в материалах РУАК.

119. *Трибунский П.А.* Доктор медицины. Судьба доктора медицины и члена Союза благоденствия О.П. Богородицкого (ок. 1784—1826).

Выпуск 3 (27)
Вечерняя Рязань
2001.—23 февр.—№ 8.—С. 16, 21.

120. *Азовцев А.В.* Русское поле. Судебный поединок в средние века.

121. *Никитин А.О.* По поводу Михейки. О чем рассказал автограф декабриста В.Л. Давыдова.

122. *Трибунский П.А.* Н.И. Лебедева: начало пути.

123. *Филиппов Д.Ю.* “Примечательный русский человек”. Продолжение № 110, 115.

124. Поздравление: [В.В. Крючкова с защитой диссертации].

Выпуск 4 (28)
Вечерняя Рязань.
2001.—30 марта.—№ 13.—С. 16, 21.

125. *Губин Д.В.* Рязанские рукописные синодики.

126. *Кусова И.Г.* Купеческие имения Рязани.

127. Репертуар рязанской книги: [Интервью с руководителем проекта М.В. Целиковой].

128. *Селезнев Ю.В.* Летописная повесть “О побоище рязанском 1408 года”.

129. *Трибунский П.А.* Рязанский шахматный кружок.

130. *Шапилова Е.В.* Сокровища рязанского музея. Евангелие 1575 года.

Выпуск 5 (29)
Вечерняя Рязань.
2001.—11 мая.—№ 18—19.—С. 22, 23.

131. *Гомзин А.А.* Откуда берутся клады. Нумизматические ошибки в краеведческих публикациях.

132. *Кусова И.Г.* Купеческие имения Рязани. Продолжение № 126.

133. *Мираков М.В.* Н.Е. Марков: один день в Рязани.

134. *Никитин А.О.* Приключения Бечаснова в царстве гномов. Биография декабриста В.А. Бечаснова (1802 — 1859).

135. *Никитин А.О.* Я всегда полагал...

136. *Трибунский П.А.* Бунтари поневоле. Биографии двух невольных участников восстания Черниговского пехотного полка — А.Д. Белелюбского (1803 — ?) и князя А.П. Мещерского (1801 — 1853).

Указатель имен¹

Азаков С.С. 8, 23, 81 См. также Азовцев А.В.
Азовцев А.В. 54, 72, 76, 89, 112, 120 См. также Азаков С.С., Мордвинов А.А.
Александров П.А. 27, 77, 94 См. также Трибунский П.А.
Алянчиковы 26
Андронников М.М. 98
Антоновы 33
Барковы 17
Беклемишев М.И. 121

¹В указатель включены имена и псевдонимы авторов, а также лиц, упоминаемых в библиографических записях. Фамилии авторов выделены курсивом.

Белелюбский А.Д. 136
Беляков А.В. 90
Бечаснов В.А. 134
Биркины 36
Богородицкий О.П. 119
Борзаковский В.С. 74
Боярченков В.В. 9, 18
Булгакова Н.С. 2, 14
Вессель Х.А. 3 См. также Трибунский П.А.
Виноградов В.В. 94
Воздвиженские 4
Волконский Н.С. 100
Гагин И.С. 110
Гомзин А.А. 68, 91, 131
Горбунов Б.В. 103
Грибков С.И. 52
Грибоедов А.С. 73
Грингмут В.А. 78
Губин Д.В. 125
Гумилев Н.С. 20
Димитрий (Н.А. Сперовский) 28
Дмитриев М.Е. 28
Дмитриевский И.П. 105
Дмитрий Иванович, в. кн. 10
Доброклонский А.П. 18
Добролюбов И.В. 38
Дудкин В.Д. 57
Есенин С.А. 2, 5
Занадворов Ф.П. 86
Иванов А.А. 32, 98 См. также Трибунский П.А.
Ильин И.А. 9
Ключевский В.О. 43
Кокины 55
Крючков В.В. 82, 124
Крякутной 32
Кусова И.Г. 33, 41, 55, 69, 85, 104, 126, 132
Ларин П.Д. 41
Ларионов А.Н. 14
Лебедева Н.И. 122
Лунин М.С. 37
Лькова А.К. 65
Ляпуновы 8
Марков Н.Е. 133
Мещерский А.П. 136
Мираков М.В. 42, 45, 56, 59, 63, 78, 108, 113, 133
Мирослав 112
Митяй 10

Мордвинов А.А. 10, 36 См. также Азовцев А.В.
Непенин А.Г. 101
Никитин А.О. 37, 57, 64, 65, 72, 86, 95, 99, 105, 114, 116,
117, 121, 134, 135
Орлов В.Г. 42
Повалишин А.Д. 47
Проходцов И.И. 66
Пушкин А.С. 48
Ржевский М.Г. 3
Рюмины 85
Салазкин С.Л. 71
Селезнев Ю.В. 128
Селиванов А.В. 24
Селивановы 25
Синельникова Т.П. 49
Толстов В.А. 15, 18, 24, 29, 38, 43, 46, 47, 50, 60, 66, 73,
79, 87, 100, 106, 109, 118
Трибунский В.П. 19
Трибунский П.А. 1, 4—6, 11, 12, 16, 20, 24, 25, 30, 34, 39,
44, 48, 51, 56, 59, 61, 66, 70, 74, 79, 83, 88, 92, 96, 101, 102, 107,
108, 111, 113, 119, 122, 129, 136 См. также Александров П.А.,
Вессель Х.А., Иванов А.А.
Украинцев Е.И. 95
Филиппов Д.Ю. 7, 13, 17, 21, 26, 31, 35, 40, 52, 58, 62, 71,
75, 80, 84, 93, 97, 110, 115, 123
Фоменко А.Т. 112
Фрэнк С.П. 22, 53
Хавский П.В. 92
Целикова М.В. 51, 127
Чеснокова Т. 58
Шапилова Е.В. 130
Шервуд И.В. 117
Шефферлинг В.А. 29
Якунчикова-Вебер М.В. 35
Яхонтов С.Д. 60, 87

Список сокращений

1. Архивохранилища

ГАРО	– Государственный архив Рязанской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ММД	– Музей молодежного движения (Рязань)
НИОР РГБ	– Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РИАМЗ	– Рязанский историко-архивный музей-заповедник

2. Печатные издания

ВА	– Вестник архивиста
ИВ	– Исторический вестник
ИСССР	– История СССР
СА	– Советские архивы
ТРУАК	– Труды Рязанской ученой архивной комиссии

О «ЯБЛОКЕ»

«ЯБЛОКО» — старейшая демократическая партия в России, созданная осенью 1993 г. как альтернатива непродуманным радикальным реформам.

«ЯБЛОКО» трижды участвовало в парламентских выборах и трижды создавало влиятельную фракцию в Думе.

Около 400 членов партии занимают выборные должности в органах власти всех уровней, среди них полтора десятка мэров.

Лидер партии Григорий Явлинский дважды участвовал в выборах Президента России. В 1996 г. он занял 4-е, в 2000 г. — 3-е место.

«ЯБЛОКО» проводит политику в интересах большинства населения страны, а не только преуспевающего меньшинства. Мы настаиваем на сокращении разрыва между богатыми и бедными. Мы защищаем интересы российского среднего класса: учителей и врачей, специалистов и студентов, военнослужащих и пенсионеров, рабочих и крестьян. Мы хотим, чтобы большинство наших граждан имели высокий достаток, стабильную работу и уверенность в завтрашнем дне, чтобы наша страна управлялась законами, была стабильной, безопасной и процветающей.

Для этого мы предлагаем Новый Демократический курс реформ в интересах большинства населения. Наши ценности — СВОБОДА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Наша цель — свободная, богатая и великая Россия.

«Рязанская старина», № 1, 2002

Издательская лицензия ИД № 01595,
выданная 19.04.2001 г. Комитетом РФ по печати.

Подписано в печать 17.06.2003 г.

Формат 60x90/16. Объем 15 п. л.

Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «ГАЛЛЕЯ-ПРИНТ»
Москва, 5-я Кабельная ул., д. 2а.